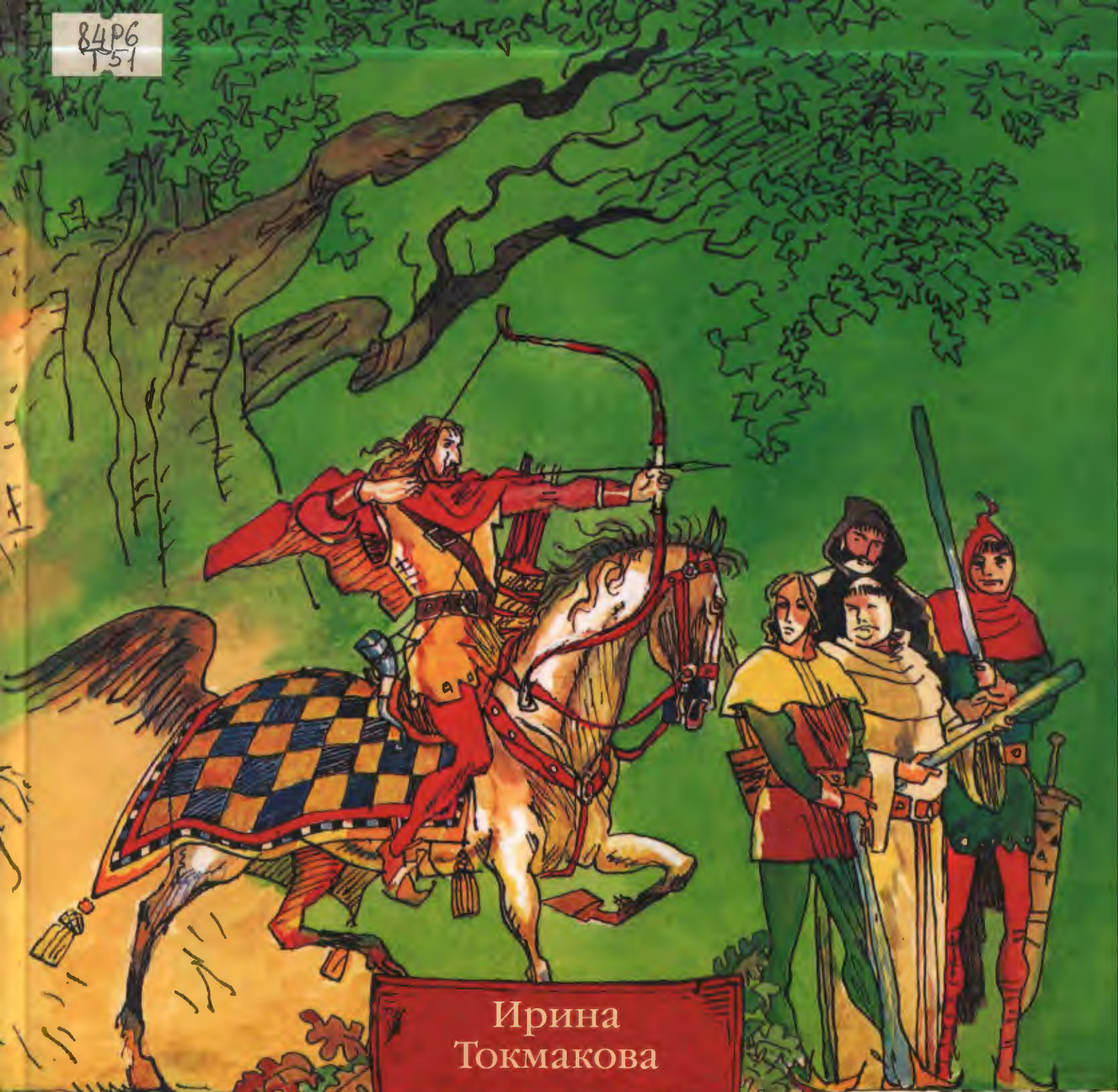

84P6
T51

Ирина
Токмакова

РОБИН ГУД

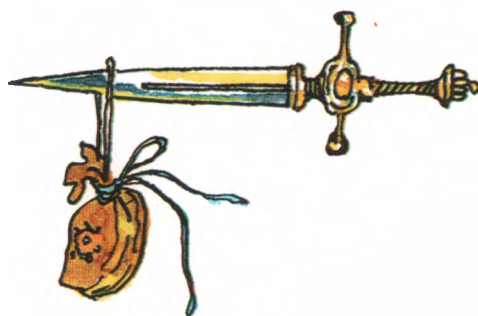
Ирина
Токмакова

Художник Михаил Петров

Москва
ЭНАС-КНИГА
2020

УДК 82-3
ББК 84-44
Т51

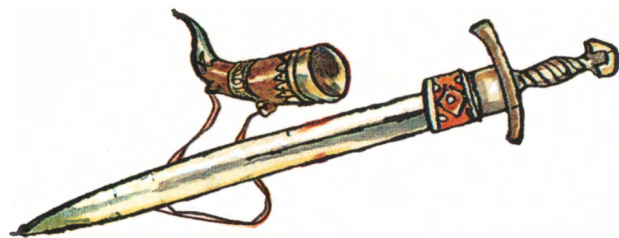
ISBN 978-5-91921-856-2

© И. Токмакова. Текст, 2017
© М. Петров, наследник.
Иллюстрации, 2017
© АО «ЭНАС-КНИГА», 2019

1

ИЗГНАНИК

ГЛАВА I

Как появился на свет мальчик Робин

Тяжело жить в стране, где хозяйничают чужеземцы. Вот уже почти целое столетие правят Англией норманны. Поработители. Чужаки. Не знают толком языка английского да и знать не хотят. Все «грамерси» да «грамерси». Уже давно проклятушего их короля Вильгельма и на свете нет. Но ту кровавую битву при Гастингсе как забудешь? Получил Вильгельм после нее прозвище Завоеватель, потому что истинно так оно и было. Вильгельм все живое тело Британии раскрыл и раздал норманнским графам да баронам — своим

приспешникам. Мало кому из англосаксонских танов оставил он их родовые земли. Да и то — только клочки, только малую часть того, чем по праву и по наследству владели их предки. Норманнским баронам было все едино — хоть ты благородных кровей, хоть простой villan или серф. Если ты сакс — то есть коренной британец, — то ты раб, и нет у тебя ни надежды, ни защиты, и нет для тебя правого суда...

Тяжко, тяжело жить под чужеземным ярмом... Теперь уже трудно сказать точно, ведь сколько времени пронеслось — века и века! Но если вспомнить старинные легенды и предания, шел год примерно 1160-й от Рождества Христова. Да... Столетие уже прошло, совсем без малого, с того 1066 года, когда норманны вторглись на Британские острова.

И все еще правили страной норманнские бароны мечом да плетью, и аббатов и епископов развелось, которые не Богу служили, а властям прислуживали да грабили народ, выдумывая всякие церковные и монастырские подати, не хуже самих баронов. А к этому вдобавок — напади на них чума и моровая язва! — насадили графствами управлять шерифов, которые также хорошо наживались, вводя налоги да поборы, и творили неправый суд.

Приглянутся, к примеру, какому-нибудь барону или монастырскому настоятелю земли родовитого англосаксонского лорда — тут же «благодетели» вместе с шерифом измышлят какую-нибудь его вину, тут же и отберут земли, а хозяина объявят вне закона. А это значит — лишат всех прав, не смеет человек владеть ни лугом,

ни пашней, ни собственным домом. И иди — гуляй, побирайся — твое дело. Да что там о лордах говорить. Не щадили и мелкого собственника — йомена. Бывало, последнюю корову, последнюю овцу отберут за налоги. И чем тогда бедолаге детишек кормить? Идти в лес, промышлять охотой? Боже упаси! Все леса и перелески, все речки и речушки — собственность короля. И охотиться, и рыбу ловить — ни-ни! Попадешься королевскому лесничему, тот донесет шерифу, и ни больше ни меньше — смертная казнь. Виселица.

А куда было податься изгнанникам, объявленным вне закона, как не в леса? И были в то время полны леса всякими бродягами и разбойниками, и грабили они на дорогах, и стреляли королевских оленей, хоть и грозило это им лютой смертью.

Страшные, горькие, жестокие времена. Что же это тогда Англию называют «старой доброй Англией»? Чего же доброго, чего же хорошего?

Ну как же. Ведь солнце все равно светило, и небо бывало ясным, и певчий дрозд тогда так же звонко-серебристо пел на вечерней зорьке, как и сейчас. И приходила весна, и уходила весна. И наступало лето. И шли теплые дожди, и на лугах цвели маргаритки. А еще трепетала в сердцах отвага, и любовь, и скрытая душевная сила, и жили в людях того времени надежда и вера в Пречистую Деву и сына ее — Господа нашего — Иисуса Христа.

Так вот. Послушайте, что случилось в 1160 году.

Хороша была дочь сэра Джорджа Гэмвелла, из Гэмвелл-холла, что в Ноттингемшире. Сколько женихов сваталось

к прелестной Джоанне! И богатых, и знатных. Но у сердца свои таинственные пути и законы, и запретов оно не слушается. Полюбила Джоанна молодого и пригожего Вильяма Фитцутса из Аоксли. Был Вильям Фитцутс саксом, и родители его, и бабушка, и дедушка. Но старый лорд Гэмвелл с чего-то взял (или наплел кто-то из отвергнутых женихов?), что есть у Фитцутсов в каком-то колене норманнская кровь. Да не было этого, не было!

Но сэр Джордж и слушать ничего не хотел, так хлопотала в нем ненависть к проклятым норманнам. Запретил он Вильяму даже близко к дому подходить, не то что переступить порог.

— Чтобы духу тут не было этого твоего поганого норманна! — кричал он дочери, багровея от гнева.

— Да откуда же вы взяли, отец? Это всё наговоры, не слушайте их, умоляю вас! — упрашивала отца Джоанна.

Да разве сломить волю старого самодура? Убедишь его в чем-нибудь? Но ведь и любящие сердца не уговоришь вдруг в одночасье разлюбить. Это всегда так было. Из века в век.

Ночью пришел Вильям Фитцутс под окошко своей любимой. И они поклялись друг другу никогда не разлучаться.

Вскоре старенький священник из дальней церкви обвенчал их. Так что сэр Джордж ни оглашения не слышал и вообще ни о чем не догадывался. Каждую ночь никем не замеченный и не узанный прокрадывался юный супруг в спальню своей жены, а перед рассветом торопливо покидал ее дом.

И пролетели месяц за месяцем, и весна прогнала зиму.

И светили им весенние зори, и пели соловьи, и прохладно и сладко пахли вновь рождающиеся травы. Потом Вильям уехал по делам в Лондон. Весна кончилась, лето уже переломилось и стал убавляться день, когда муж вернулся. Тайком пробралась к нему служанка Джоанны Кэтрин, слава богу, никто не заметил, и передала ему записочку.

Любимый мой!

Спаси меня, увези отсюда, потому что скоро все откроется. Я и представить себе не могу, что отец сделает со мной и с нашим малышом, когда он родится. Но тебя-то он точно убьет, поверь мне. Поспеши, мой милый, пока не буду знать, пока не обнимут меня твои сильные, твои надежные руки.

Троих самых верных друзей кликнул Вильям Фитцутс. Они отправились в Шервудский лес, чтобы отыскать укромную полянку и приготовить местечко, где бы могли спрятаться беглецы. В свой родовой замок лорд Вильям Фитцутс, ясное дело, не мог отвезти законную супругу. Лорд Гэмвелл явится туда первым делом, тут и гадать нечего.

Глубокой ночью четверо мужчин появились под окном у Джоанны. Окно было распахнуто. Она их ждала.

— Это ты, Вилли? — послышался ее шепот.

— Я, дорогая. Тише.

И она, зажмурившись, прыгнула вниз на растянутый под окном багряный плащ. Вильям на руках отнес ее и усадил перед собой на коня. Им очень повезло: в этот день в деревне был праздник, и нагулявшиеся, наплясавшиеся и напробовавшие эля слуги крепко спали.

Беглецы быстро достигли опушки и вступили в тишину и сумрак леса. И никто им не помешал. И никто их не увидел. Только луна глядела с небес. А луна, хоть и увидит, — никому не скажет...

Ох, какая же гроза разразилась в Гэмвелл-холле наутро, когда в установленный час дочь не явилась пожелать отцу доброго утра.

— Бездельники, плуты, мерзавцы! — кричал лорд Гэмвелл на свою челядь. — Всех перевешаю, всех, от дворецкого до последнего мальчишки-грума!

Суматоха поднялась страшная, все побросали свои дела, каждый хватался кто за меч, кто за лук, кто за дубинку.

— Коня мне, висельники! — вопил лорд Гэмвелл.

Все решили было двинуться в замок Фитцутсов, не без оснований подозревая, что Джоанну увез Вильям Фитцутс, но тут два огромных пса, которых на смычке держал главный лесничий, взяли след и рванули в сторону Шервудского леса.

Не сразу кого-нибудь отыщешь в густом и таинственном Шервудском лесу. Там дубы стоят стеной, там тисы достают верхушками до небес. И густ подлесок. И глубоки лощины. И бездонны овраги. И добрый дух леса охраняет беззащитного, а неправого путает и сбивает с пути.

То вдруг объявится толстый ствол поваленного дерева как раз посреди дороги, то конь раза три подряд придет к одному и тому же пеньку. И хоть целую свору собак приведи, дух леса их не боится!

Должно быть, с неделю обшаривали и прочесывали Шервудский лес слуги лорда Гэмвелла. Все мрачнее и мрачнее становился лорд. А слугам мерещилась виселица...

И вдруг они, потеряв уже всякую надежду, совершенно неожиданно выскочили на полянку, где на пороге лесной избушки сидела леди Джоанна и, улыбаясь, кормила младенца.

Не помня себя, сэр Джордж соскочил с коня, выхватывая острый меч из видавших виды ножен.

Но дочь его, не испугавшись, поднялась ему навстречу с улыбкой виноватой и нежной и протянула отцу внука.

— Мальчик... — только и сказала она.

Старик взял младенца на руки, поглядел в его крошечное личико, поцеловал крошечную щечку.

— Бог свидетель, я бы с удовольствием вздернул на виселицу твоего папашу, парень, — сказал он. — Но твоя мать все еще мне дорога. И ты — мой родной внук, правда ведь? Родной внук... Плохую услугу я оказал бы тебе в самом начале твоей жизни, оставив тебя без отца. Где этот негодяй, Джоанна?

Тут Вильям Фитцутс покинул свое убежище за толстым дубовым стволом и пал перед старым лордом на колени.

— Ладно-ладно, — сказал лорд Гэмвелл. — Все забыто и все прощено. А этот молодой человек... Как, ты говоришь, вы назвали его, Джоанна? Роберт? Значит, Робин, что на нашем родном языке обозначает — птичка-малиновка. Ну, что же, Робин, рожденный в зеленом лесу, будь стоек и верен родной земле и постарайся послужить своему несчастному народу!

ГЛАВА II

Как Роберт Фитцутс,
граф Хантингдон,
был изгнан
и объявлен
вне Закона

Мир и лад царили в замке Хантингдон-холл, где обосновалась молодая чета, да Господь не дал веку Вильяму и Джоанне. Оба они умерли во время эпидемии холеры, когда маленькому Робину исполнилось всего четыре года.

В опекуны навязался дальний родственник мальчика, вскоре ставший аббатом, настоятелем богатого монастыря Святого Квентина. Об алчности святого отца знали взрослые и дети, мужчины и женщины и даже, казалось,

собаки и овцы. Он готов был захватить землю каждого йомена, каждого крестьянина, отыскав хоть малейший повод, а часто и вовсе без повода. И все ему было мало, и все хотелось еще и еще.

Аббат любил хорошо покушать и запить еду выдержанным винцом из монастырских погребов. Пожалуй, он проводил больше времени в трапезной, чем в храме за молитвой. Брюхо у него так быстро росло, что ему не успевали перешивать сутану.

И подумать только, ведь не боялся греха, листал священные книги перепачканными гусиным жиром пальцами, наставляя Робина:

— Помни, сын мой, воздержание и самоограничение — добродетели, угодные Богу. Воздержание и самоограничение! Не позволяйте себе излишеств. Чревоугодие греховно!

А сам потихонечку прибирал к рукам земли, доставшиеся мальчику от родителей и деда, и все доходы от земель и от недвижимости.

А юный Робин рос и мужал. И друзьями его по большей части были простые деревенские парни. С ними он бродил по лесам, меряясь силой, дрался дубинками и состязался в стрельбе из лука. И был он сильнее всех в драке и в стрельбе — искуснее своих сверстников.

Дружил он еще с одной девочкой... Впрочем, об этом рассказ впереди.

Умом Робин был остер, а сердцем отзывчив. И как бы ни был молод, замечал и примечал, как тяжело живет народ. Крестьяне только и делают, что горбятятся на полях и в угодьях норманнских баронов, а придут домой в свои

11.17.95

убogie лачужки — там котелок пуст и темно — стен не видно, а спать жестко.

«Пречистая Дева, Матерь Божья, — молился Робин. — Пошли мне разумения, как быть и как поступать. Нельзя больше терпеть. От этой жизни у людей уже души одрябли, как прошлогодние яблоки, и надежда догорает, как свечной огарок».

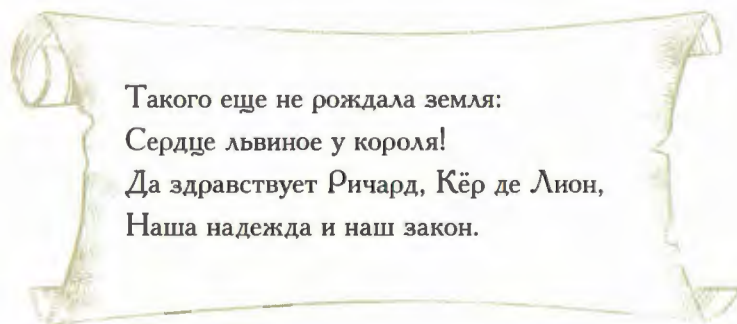
В эти времена законный король Англии Ричард Первый Плантагенет — воинственный, горячий, но и добрый и великодушный — был в далеких краях, в Палестине, сражаясь вместе с войском своим с сарацинами за освобождение Гроба Господня.

За отвагу и истинное рыцарство, за широту души, а порой и безудержную ярость получил король Ричард гордое прозвище Львиное Сердце, или Кёр де Лион; куда денешься, страной правили норманны, так что приходилось в те дни изъясняться и по-французски.

Но королевский трон — это не простой стул и не табуретка. Он не может долго оставаться пустым. И пока Ричард воевал в Палестине, всю власть в Англии прибрал к рукам его младший брат — принц Джон. У него-то сердце было не львиное, а так, незначительного грызуна. Был он и мелочен, и алчен, и завистлив, и жесток. Там, где Ричард мог великодушно простить, принц Джон обязательно отомстит, да еще постарается сделать это исподтишка, да — по возможности — чужими руками.

Роберт Фитцутс никогда и не скрывал своей приверженности королю Ричарду и презрения к принцу Джону.

Он и его друзья распевали песенку, которую, скорее всего, Робин и сочинил:

Такого еще не рождала земля:
Сердце львиное у короля!
Да здравствует Ричард, Кёр де Лион,
Наша надежда и наш закон.

Потому что ни «надежды», ни «закона» от принца никто из саксов ожидать не мог.

И Ричард, и Джон были смешанных кровей, но Ричард чувствовал себя королем англосаксов, а Джон тянулся к норманнам. Принц был вторым после короля. А ему хотелось быть первым. Вот он и рассчитывал с помощью баронов захватить английский престол. Каким образом, он еще не знал. А пока что в его холодном сердце мерцал злой огонь ожидания: что, если Ричард будет убит в Палестине? Такое бывает!

Неподалеку от замка Хантингдон, родового имения матери Роберта (кстати, без его ведома уже заложенного «опекуном»-аббатом), находился город Ноттингем. А шерифом графства Ноттингемшир был в то время Симон де Жанмер, ясное дело, из норманнов. И графством правил, и суд вершил, и назначал налоги. А если по-простому сказать, грабил этот чужак несчастных саксов. Оставалась им самая малость: что-нибудь пожевать да кое-чем прикрыть тело...

В доме шерифа подавали обед. Потчевали дорогого гостя — сэра Гая Гисборна, доблестного рыцаря, явившегося из Лондона с секретными поручениями принца Джона.

— Удивительно вкусная дичь, — говорил сэр Гай, обгладывая ножку дикой утки и запивая ее свежим пенящимся элем. Серебро изящной кружки приятно холодило губы. Грубый шрам на щеке подчеркивал жесткость его лица. Глаза были темные. Взгляд тяжелый. Подбородок гладко выбрит по норманнской моде.

Шериф тоже сделал глоток, затем стукнул кружкой о столешницу. Темный шотландский эль расплескался по дубовому столу.

— Так вот я и говорю, сэр Гай. Чтобы мы могли послужить делу его высочества, надо искоренять крамолу. Мы объявим противников принца вне закона. Лишим имущества и наследственного права. И — помогай им святой Бернар! — пусть катятся кто куда хочет, хоть на юг, хоть в обратном направлении. Это уж дело свободного выбора!

Утерев жирные губы ладонью и сполоснув руки в стоявшей рядом полоскательнице с водой, он рассмеялся противным, колючим смехом.

— До меня доходили слухи о разных смутьянах тут, в окрестностях Ноттингема, — продолжил разговор гость.

— Несомненно, сэр Гай имеет в виду Роберта Фитцутса, — перебил говорящего де Жанмер.

— Да, об этом фальшивом графе мне говорили в первую очередь!

— Граф, как же! Да в его доме никогда не встретишь ни одного даже самого захудалого аристократа. Простые йомены и даже серфы — вот его общество. А уж эти-то вбили себе в голову — их король Ричард, и только Ричард, и больше признавать они никого не хотят.

— Хм. Что же, посмотрим, — процедил сквозь зубы сэр Гай. — Его высочество принц шутить не любит!

— Чуть что, — продолжал ябедничать шериф, — кричат: «Долой принца Джона».

— Все это так, господин шериф, но есть ли у нас достаточный повод объявить Роберта Фитцутса вне закона? — прошипел сэр Гай. — Признаюсь, пергамент за подписью принца у меня с собой. Надо только вписать имя. Надеюсь, господин шериф, у вас найдется толковый и неболтливый писарь?

— Не сомневайтесь, сэр, писарь найдется. А позволено будет спросить, вы говорили с аббатом?

— Да, конечно.

— Ну и что он?

— С его стороны никаких препятствий не предвидится, — ухмыльнулся сэр Гай.

— А как в рескрипте его высочества обозначена причина изгнания?

На бритом лице норманнского рыцаря появилось выражение злорадства. Он развернул пергамент и прочел:

— «Объявляется вне закона, лишается имущества, включая недвижимость, и права наследования, права владеть крестьянами и принимать участие в любых состязаниях и турнирах. А также лишается права на наследственный титул за предательство и измену короне».

— Но короне-то Роберт Фитцутс и все отребье, которое его окружает, как раз и хранят верность...

— Замолчите, Жанмер! — гость в раздражении повысил голос. — Они, вы же сами сказали, приверженцы Ричарда Первого. Но сейчас корону представляет его высочество принц Джон, и пока что на Британских островах другого короля нет!

— Как вам будет угодно, сэр, — примирительно заметил шериф.

— Ну, так вы поняли наконец, что нам необходимо доказать измену короне?

Под столом, громко стуча хвостом по выложенному каменными плитами полу, вдруг зачесалась собака.

Шериф вздрогнул. Интересно, что ему померещилось? Что у него под столом прячется лазутчик Роберта Фитцутса? Нечистая совесть всегда порождает тревожное состояние духа!

Шериф хорошенько пнул псину ногой и, успокоившись, сказал:

— Мы все, что надо, докажем, сэр Гай. У меня созрел план. Завтра мы кое-куда отправимся вместе. Суть плана я изложу вам по дороге.

В замке Роберта Фитцутса пылал камин. Отблески огня точно бабочки садились на его лицо, высвечивая то небольшую русую саксонскую бородку, то голубые искорки его ясных глаз, то высокий лоб и спадавшие на лоб кудри. С ним были его друзья — Вилли Скателок, прозван-

ный Вилли Скарлет за пурпурный плащ, который он обычно носил; Кеннет Беспалый, которому отрубили три пальца за то, что он убил королевского оленя, чтоб накормить своих голодных ребятишек; Мач, сын мельника, совсем еще мальчишка.

Самого-то мельника похоронили всего неделю назад. Мач-старший, как и многие, погиб из-за королевского оленя.

Господи боже ты мой! Да почему же эти олени королевские?! Господь сотворил оленя, как и всякую другую тварь! И почему надо было людям охоту запрещать? Ведь этих оленей расплодилось в лесах бессчетно! Да что толку говорить. Было так, было! Все леса и всё, что в них росло, бегало, плавало и летало, принадлежало королю. И стерегли все это добро королевские лесничие. Стерегли и ничем сами не пользовались? Ну уж вряд ли. Но зато на людей за всякую малость кидались, как взбесившиеся хорьки. Ну застрелил мельник оленя, действительно застрелил. А что было ему делать? Чем кормиться? Мельницу-то его сожгли. Видите ли — она мешала королевским оленям ходить на водопой!

Иногда ведь бывало и так, что убьет голодный человек оленя, и с рук сойдет. А тут все сложилось одно к одному. Лесничий его выследил. Да мало этого. Как на грех, в это время по лесной дороге проезжал шериф. Вот лесничему и захотелось выслужиться. И он потащил бедного мельника «пред светлые очи» шерифа, чтобы показать, как надежно он охраняет в лесу королевское добро.

— Вот полюбуйтесь, ваша милость. Эти преступные руки посягнули на собственность короля! Посмотрите! У него уже нет одного пальца. Значит, это не в первый раз!

Мельник бросился перед шерифом на колени.

— Помилуйте меня, добрый сэр, простите во имя Господа! Клянусь, я больше никогда не трону не то что оленя, муравья в королевском лесу. Не убивайте меня!

Но просить милости у шерифа Симона де Жанмера было все равно что искать сочувствия у голодного волка.

— Хорошо! — обратился он к слугам. — Пусть виселица пока отдохнет. Не убивайте его. Раскалите железо и выжгите ему глаза. Уж без глаз-то он вряд ли разглядит оленя. Разве что унюхает!

И шериф рассмеялся своим мерзким жирным смешком. Шутка показалась ему удачной.

— Пощадите! Пощадите! — рыдал несчастный мельник. Но слуги уже несли раскаленный прут.

И тут случилось то, что потом никто не мог объяснить. Откуда-то из густых зарослей жимолости вылетела стрела и избавила беднягу от мучений.

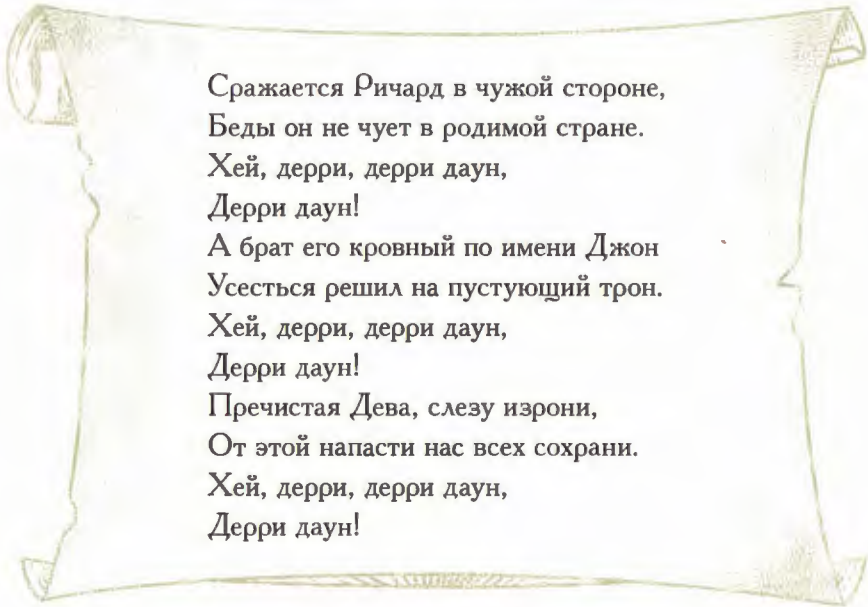
Так Мач-младший осиротел. Роберт Фитцутс взял к себе в дом одинокого ребенка... Но это было неделю назад.

А сейчас, стоя у камина, хозяин поднял рог, оправленный в серебро.

— Друзья мои, — воскликнул он, — давайте выпьем за здоровье нашего короля, Ричарда Львиное Сердце. Там, в далеких краях, да хранит его Пречистая Дева и да не изменит ему удача!

— Боже, храни короля! — подхватили гости.
А несколько человек громко и дружно запели:

Сражается Ричард в чужой стороне,
Беды он не чует в родимой стране.
Хей, дерри, дерри даун,
Дерри даун!
А брат его кровный по имени Джон
Усесться решил на пустующий трон.
Хей, дерри, дерри даун,
Дерри даун!
Пречистая Дева, слезу изрони,
От этой напасти нас всех сохрани.
Хей, дерри, дерри даун,
Дерри даун!

И каждый осушил свой рог, а некоторые прокричали:
«Долой принца Джона!»

И никто не обратил внимания на двух паломников, стоявших в дальнем углу комнаты, за лестницей. Огонь почти не освещал их черные, укутанные в плащи фигуры. Капюшоны плащей были низко надвинуты на лоб. Неизвестно, когда они вошли. Непонятно, как они проскользнули мимо дворецкого. Да и полно, проскользнули ли! Искуститель силен, а человек слаб, особенно если падок на деньги. А дворецкий Уормен мало что был алчным, был он еще и злобен, и завистлив. Завидовал он всему, даже и тому, что хозяин его был легким и веселым человеком, потому что сам Уормен был от рождения угрюмым

и нелюдимым. И тому, что был он русоволос, голубоглаз и хорош собой, а дворецкий некрасив, волосы у него были редкие, а борода росла клочьями.

Подкупить Уормена было делом нехитрым. Тем более что никакие это были не паломники.

— Однако нам повезло, господин шериф, — шептал один из них. — Вы слышали, что они кричали: «Долой принца Джона». Это же прямая измена!

— Да, сэр. И обратите внимание вон на того мальчишку. Да нет, вы смотрите не туда. Левее, левее.

— Вижу. Ну и что?

— Это сын ослушника и противника короны, мельника Мача. А Фитцутс, как видите, пригрел его у себя.

— Это мы тоже примем во внимание. Однако не будем терять времени. — Сэр Гай Гисборн откинул капюшон, под которым обнаружился рыцарский шлем, и вступил в полосу света.

— Я, сэр Гай Гисборн, — провозгласил он, — нахожусь здесь по приказу короля, с тем чтобы объявить Роберта Фитцутса, называющего себя графом Хантингдоном, с этого дня находящимся вне закона.

Все гости застыли в неподвижной немоте. Робин сделал шаг в сторону говорящего и спокойно спросил его:

— В чем же меня обвиняют, сэр рыцарь?

— В измене короне.

— И ты можешь мне показать печать его величества короля Ричарда Первого? Нет, не можешь. А без нее ничего не стоит этот твой пергаментный лоскут, который ты держишь в своих нечистых руках. Может быть, к нему

прикреплена печать епископа Эльского, которого законный король оставил своим наместником? Нету там этой печати, нету, потому что вы, норманнские рыцари, вместе с братом короля ложно обвинили его в измене, и ему пришлось скрыться, спасая свою жизнь. Бог свидетель, принц Джон хочет незаконно присвоить себе корону. Но погодите, наступит час, вернется законный король Ричард Львиное Сердце, погляжу я тогда, как будут трепетать ваши мышинные души!

— Кого ты хочешь пронять этими речами, Роберт Фитцутс? — мрачно возразил Гай Гисборн. — Ты не просто изменник, а изменник трижды. Ты баламутишь народ и поднимаешь его против его королевского высочества. Ты именуешь себя графом Хантингдоном. Это титул твоих саксонских предков по матери, по женской линии. Но тебе хорошо известно, что все саксы, отказавшиеся подчиниться королю Вильгельму Норманнскому, были лишены титулов. Законным может быть только графский титул, присвоенный королем Вильгельмом. Ты и тут нарушаешь закон.

— Не забывайте, сэр Гай, как пренебрегает этот человек королевскими законами в лесу, — прошипел шериф. — Поглядите, чем он угощает своих гостей! Уж не остатки ли жареной оленины лежат на блюде?

Гай Гисборн молча кивнул шерифу и продолжал:

— Ты объявляешься изгнанным и стоящим вне закона, Роберт Фитцутс. Отныне закон не защищает тебя, твое имущество не принадлежит тебе больше...

— Не ты ли позарился на него, сэр рыцарь?

Сэр Гай сделал вид, что он не услышал сказанного. На самом деле он услышал. И еще как услышал! Насчет земель и угодий, принадлежащих Роберту, они уже давно договорились между собой с аббатом, настоятелем монастыря Святого Квентина, так называемым опекуном и родственником Роберта. Было решено: аббат поделится с Гисборном частью охотничьих угодий и пахотных земель. За это сэр Гай обещает аббату протекцию при дворе принца Джона. О, подлые души, подлый мир, ненасытная алчность людская!

— А теперь, — мрачно возгласил сэр Гай, — предатель, отдай мне свой меч! Если ты прислушаешься к голосу разума и присягнешь на верность его высочеству принцу Джону Плантагенету, тогда, возможно, я постараюсь смягчить твою участь. Попрошу принца быть к тебе снисходительнее.

— Его высочество принц не знает жалости, смягчить мою участь не удастся, — спокойно отвечал Робин. — А что касается моего меча... Что ж, он рад познакомиться хоть и с самим принцем, хоть с подлыми его приспешниками.

Поворот, взмах. Молния сверкнула, что ли? Тяжелый меч опустился на рыцарский шлем сэра Гая. Тот, теряя сознание, упал навзничь.

Шериф попятился к двери. Ему стало страшно: оба они проникли в замок под видом паломников, одни, без охраны.

Обернувшись к своим гостям и пряча меч в ножны, Роберт проговорил медленно, торжественно и печально:

— Ну вот, друзья мои. С этого часа на свете больше нет Роберта Фитцутса, графа Хантингдона.

Он помолчал немного, затем заговорил вновь:

— Я лишен всех прав и объявлен вне закона. Ну что же. Человеку важнее сохранить душу, чем титулы и имущество. Я уйду в леса.

Глубокий вздох вырвался у его друзей.

Но Робин продолжал спокойно:

— Помнишь, Кеннет, когда мы играли в детстве, вы дали мне прозвище Робин Гуд — за тот мой смешной колпачок?

Но Кеннет Беспалый был не в силах вымолвить ни слова.

— Так вот, Робин Гуд теперь мое имя.

— Да здравствует Робин! — хором отозвались его друзья.

Очнувшийся сэр Гай со стоном попытался подняться на локте.

— Запомни это имя, сэр Гай, — сказал ему Робин, — Робин Гуд! Оно еще влетит тебе в уши. И подлый интриган шериф Ноттингемский, и даже сам принц Джон, придет день, содрогнутся при упоминании этого имени.

Шериф сделал еще один робкий шаг к двери.

— И все, все подобные тебе пусть боятся Робин Гуда! — продолжал Робин. — Жирные аббаты и епископы с толстыми загривками, норманнские графы и бароны, для которых нет законов ни Божеских, ни человеческих. Я уйду в лес! Я возвращаюсь в свой дом. Там я родился и там буду жить. Не пытайтесь найти меня. У вас ни-

чего не выйдет. Светлый дух Шервудского леса, который благословил меня в колыбели, не выдаст меня вам. Он хранит чистых душой и верных сердцем. Он защищает обиженных и помогает угнетенным. Он укроет меня в своей таинственной глубине. И погодите! Вернется король Ричард. Законный король! И тогда опять воцарятся правда и справедливость на нашей доброй, прекрасной английской земле!

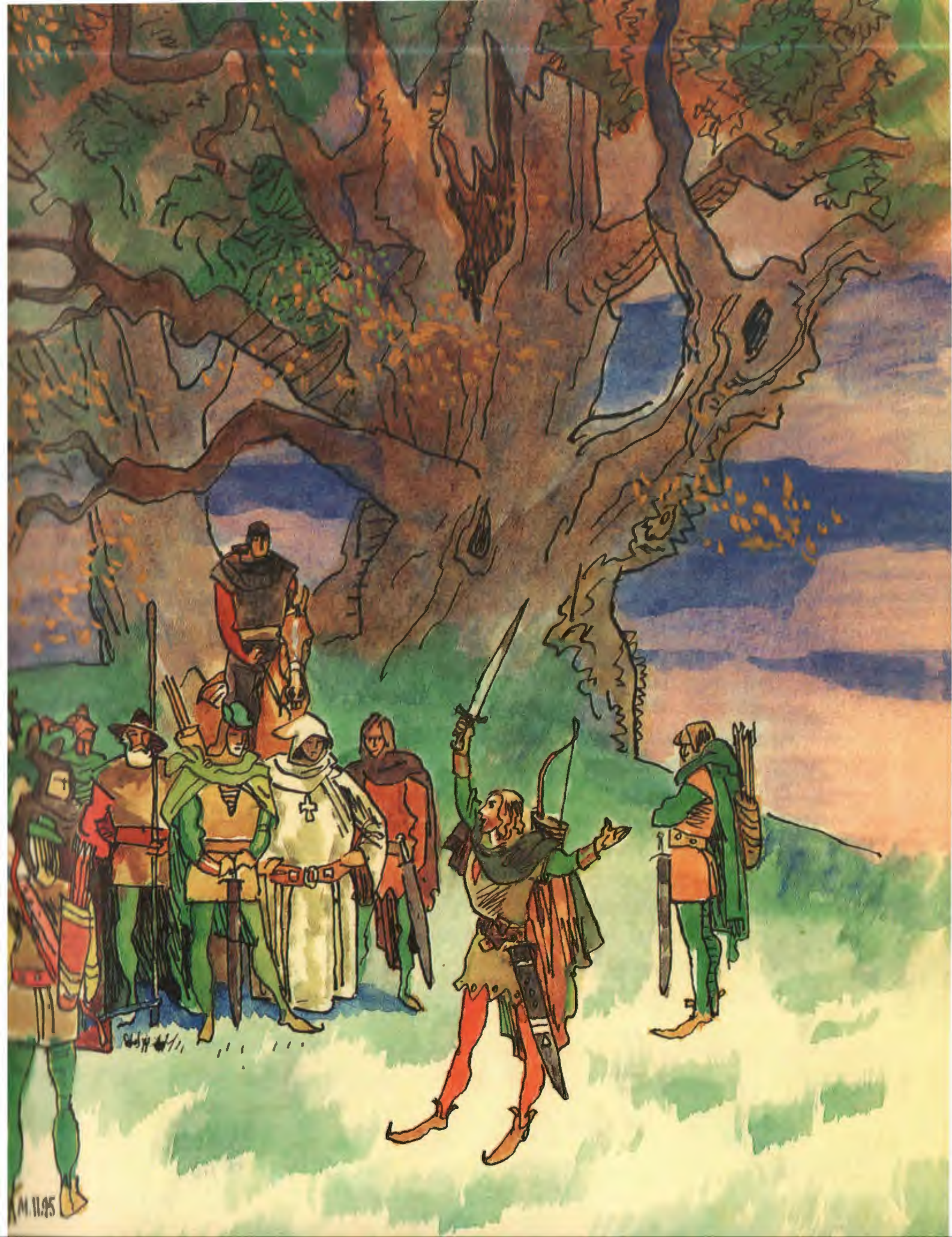
Солнце садилось, и густая листва уже не пропускала его лучи. Где-то высоко, в лиственных кронах дрозды перепархивали с дерева на дерево и пели свои трогательные вечерние песенки. Дрозды долго не ложатся спать.

Робин молча вышагивал по вечернему лесу, и так же, в молчании, следовали за ним человек сорок его друзей. Дойдя до небольшой полянки, он остановился и повернулся к шедшим за ним людям. Здесь были и близкие его друзья, и кое-кто из теперь уже бывших слуг, и несколько человек, таких же, как он, объявленных вне закона изгоев.

— Ну вот, милые мои, — сказал он мягко. — Случилось то, что должно было случиться. Раз принц Джон почти что завладел короной, он не пощадит ни одного сакса. Хоть аристократа, хоть простолюдина. Моя доля определена. А вам предстоит выбирать. Я никого не хотел бы принуждать разделить со мной мою участь. Пусть каждый решит для себя сам. Теперь лес — мой дом, мой замок, мое королевство.

— И ты в нем король! — воскликнул Вилли Скарлет. — Мы выбираем тебя королем!

И голоса подхватили:

— Мы с тобой, Робин! Разделим с тобой и смех, и слезы!

— Храни тебя Господь, Робин!

— Кто не с тобой, тому имя — предатель!

Робин был тронут. Только что тут можно сказать?

Когда сердце переполнено гневом и болью, такая единая поддержка друзей дороже золота и драгоценностей и всякого богатства. Потому что, сколь бы ни был богат человек, все равно он обладает предметами тленными. А ему друзья подарили любовь. Это такое богатство, что ни дождь не вымочит, ни ржавчина не разъест, ни воры не унесут...

Все это промелькнуло у Робина в голове, но вслух он сказал только:

— Спасибо, друзья мои. Спасибо.

И повел их одному только ему известной тропой. Туда, куда по своему собственному разумению не доберется ни конный, ни пеший, а порой и зверь не добредет, и птица не долетит.

Но полно, можно ли в самом деле так спрятаться в лесу, чтобы никто никогда не разыскал целую ватагу? Можно, можно было в тот далекий век, когда лесов на земле было почти столько, сколько их создал Господь в первые дни творенья, и никто не сводил их под корень с лица земли, и никто не палил их и не жег. И в небе над лесом летали только птицы да бесплотные ангелы, и люди еще не научились тревожить небеса шумом, и грохотом, и смрадным дыханием своих воздушных и космических кораблей.

Уже в сумерках вышли они к котловине, посреди которой рос огромный дуб, пожалуй, самый большой во всем Шервудском лесу, а в ее склонах были видны пещеры, глубокие и сухие. Склоны эти густо поросли высоченными деревьями — дубом, ясенем, буком, вязом и орешником. И если кто не знал пути, то легко мог попасть в окружавшие котловину болота, и трясина затянула бы его в бездонное колыхание смрадной торфяной жижи. А по краям болот рос колючий терновник, и ветки ежевики переплетали свои шипастые плети, и не было возможности продрасться сквозь эту живую стену.

Стемнело. В котловине неподалеку от могучего дуба разложили костры.

Робин обернулся к собравшимся. Лицо его было спокойное, глаза ясны, голос ровен и негромок.

— Друзья мои, — сказал он.

— Слушайте! Слушайте! — раздалось несколько голосов.

Все примолкли.

— Мы — изгнанники, но мы не разбойники и не душегубы.

Слышно было, как потрескивают в кострах сухие сучья тиса. Красные искорки легко улетали в темноту и там гасли.

— Конечно, — продолжал Робин, — королевских оленей нам придется стрелять. Не умирать же нам с голоду?! Но когда вернется наш законный король, я первый упаду перед ним на колени и вымолю прощение. А теперь скрепим свое братство клятвой. И вы поклянитесь, и я поклянусь. Мы объявляем войну всем высокопоставленным норманнским вора и грабителям, всем аббатам и епископам, которые самого Господа готовы призвать к себе

на службу, всем, творящим зло на нашей земле. И в особенности тем, кто предаёт короля Ричарда и прислуживает его потерявшему совесть брату. И ещё подлой лисе — шерифу города Ноттингема, который данную ему власть употребляет людям во зло, только чтобы угодить хозяину своему — принцу Джону. Все, что мы отнимем у этих господ, мы передадим сирым и убогим. А самим — да много ли нам надо в укромной пещере, в зеленом лесу? — кусок оленины, да добрый лук из крепкого тиса, да меткая стрела, да звонкий меч!

— Клянемся, Робин! — отозвались голоса.

И показалось, будто дубы и буки, зашелестев листвою, тоже подхватили клятву. Или это просто ночной ветерок колыхнул ветвями?

— А ещё поклянемся, друзья мои, что никогда ни словом, ни поступком мы не обидим ни одной женщины, будь она родом хоть из саксов, хоть из норманнов, и будем охранять ее и помогать ей во имя Пречистой Девы Марии, матери Иисуса Христа; поклянемся и вручим себя Ее святому покровительству, чтоб послала Она нам силу и мужество не нарушить свою клятву, поддавшись какому-либо искушению, ни даже перед лицом самой смерти. Клянемся!

— Клянемся! — отозвалось эхо в сорок-пятьдесят голосов.

M. 17. 95r

ГЛАВА III

Как в Шервудском лесу появился Маленький Джон

Прошел год. Пошел второй. Робин Гуд так и жил со своими людьми в самом сердце Шервудского леса. Теперь они все были одеты в зеленое сукно, которое умеют ткать только в городе Линкольне. Оно легкое и теплое и окрашено в цвет молодой травы и весенних листьев. В Линкольне красят ткани и в другие цвета. Почему же все лесные стрелки оделись именно в зеленое?

Мач, сын мельника, прямо так и спросил Робин Гуда. Парнишка бездельничал, валяясь на траве. Ему казалось, что если он приглядится попристальнее, то обязательно увидит, как трава растет. А тут он даже привстал от приходшего ему в голову вопроса.

— Ты не знаешь почему? — удивился Робин и отложил в сторону лук, на котором никак не натягивалась тетива так, как ему хотелось. — Никогда не слышал, кто научил нас одеваться в зеленое? Ну так послушай. Говорят, живет в Британии стадо прекрасных оленей. Но не то что подстеречь или тем более подстрелить, их и увидеть-то простой смертный не может. Неразличимы они для простого глаза среди зарослей бука и тиса, орешника и рябины. А почему? Потому, что все олени этого легкого, вечно бегущего стада — зеленые! Где уж их разглядеть в зеленом лесу! И еще утверждают люди, будто бы эти олени принадлежат самой Богородице.

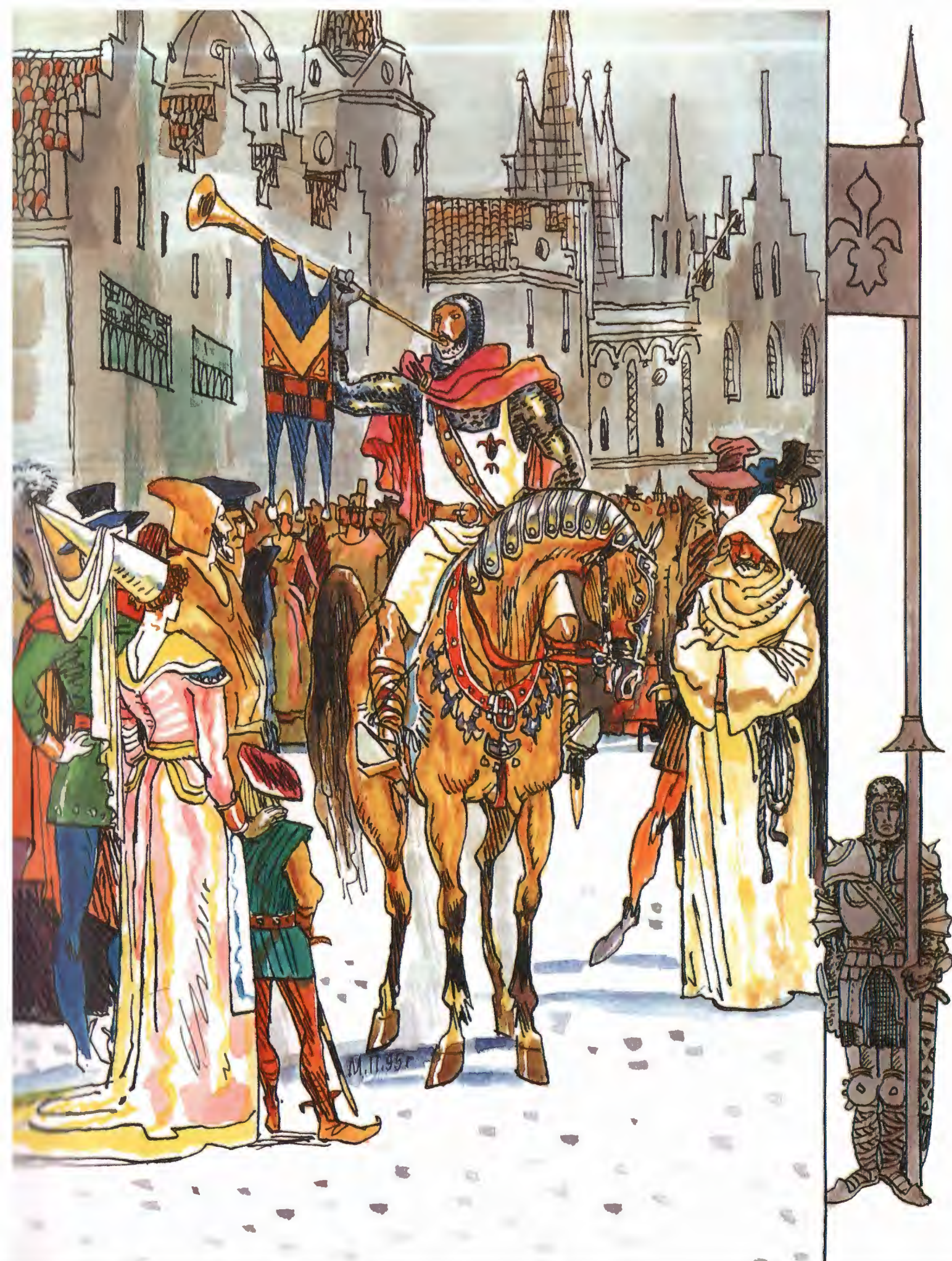
Ах, не забудем, что это были времена суеверий и предрассудков! А может, они только кажутся суевериями и предрассудками нам теперь...

Правда, Мач потом, какое-то время спустя, уверял всех, что он однажды видел, как стадо зеленых оленей промелькнуло и скрылось в густой листве. Кто знает! Может, в зелени деревьев играл солнечный луч. А может, и в самом деле явлено было чудо сироте. Кто знает...

На Большой Королевской дороге, ведущей через лес на север, собирали зеленые стрелки дань с проезжих. Не со всех, конечно, не со всех! Добрых людей они не трогали. Никто из них, боже упаси, ни разу не нарушил клятву. Но когда появлялся на дороге норманнский рыцарь, барон, или граф, или плут-епископ, или кто-то там еще из правящих негодяев, которые обирали народ и правой рукой, и левой, тут уж крутись не крутись, виляй не виляй, а плати хорошую пошнину!

На себя они тратили немного. Ну, прикатят бочку эля. Ну, запасут муки — ведь без хлеба не проживешь. Купят того самого зеленого линкольнского сукна на куртки да кожи особой выделки, чтобы сшить мягкие, неслышные в шаге сапоги. Да еще не жалели денег, заказывая старому Гуго из Трента хороший лук. Право, старый Гуго из Трента делал самые замечательные луки во всей Англии. Он мастерил их из тисовой древесины и покрывал лаком. А еще он умел делать такие меткие стрелы, каких больше нигде не встречалось, не только в Ноттингемшире, но и в Чешире и даже в Донкастере.

Шериф Ноттингемский Симон де Жанмер, испытавший несказанный позор и смертельный страх в тот памятный вечер, когда они с Гаем Гисборном явились под видом паломников в Хантингдон-холл, замучился гонять по городу Ноттингему и окрестностям глашатаев. Только и было слышно, как трубит труба и как сидящий на коне герольд возвещает: «Слушайте! Слушайте! Слушайте! Пятьсот золотых вручит благородный шериф тому, кто укажет местонахождение Роберта Фитцутса, объявленного вне закона и именующего себя Робин Гудом! Тысячу золотых вручит благородный шериф, не спрашивая имени и звания, тому, кто доставит вышеназванного живым или мертвым в здание ратуши города Ноттингема». Бедняги совсем охрипли, но объявляй не объявляй, предателей не находилось. Столько добра видели люди от Робина! Казалось бы, совсем уже отчаяние засосало человека в свою трясину. Очаг топить нечем, дети голодают, жена

больна, при смерти. А тут как раз и явится помощь — деньгами, дровами, одеждой, едой. И так бывало не раз. И так бывало не с одним.

Весело жили лесные стрелки Робин Гуда, легко, без тоски и уныния. А что тосковать? И что унывать? Все, что обременяет человека в этой жизни и отягощает заботой, было уже утрачено — собственность, земля, парки и пашни, дома, а у кого и серфы — крепостные. Зато не были потеряны совесть и честь, сила, удадь, и молодость их пока оставалась с ними, и надежда жила в сердце. И лес был к ним добр, кормил, поил и укрывал их старательно, преданно и надежно.

И плевать им было на то, что враги их: шериф Ноттингемский, аббат, сэр Гай и прочие — называли их «волчьими головами»!

— Почему это так, Вилли? — приставал Мач к Вилли Скарлету.

Мач еще очень мало прожил на свете, ему еще многое предстояло постичь.

— Ну вот, все тебе надо знать, почему да почему, — нехотя отзывался Вилли. В этот момент он ошкуривал острым ножом свежесрезанную дубинку. — А потому, мой мальчик, что за нашу голову, так же как за голову убитого волка, по закону никто не несет наказания. Понял?

— Этого не может быть, Вилли! — не хотел соглашаться с таким законом юный Мач, сын мельника. — Ведь мы же люди!

— А если люди, должны уметь постоять за себя. Ну-ка, бери дубинку. Защищайся!

Мальчик с величайшей готовностью вскочил на ноги.

И Вилли стал ему показывать, как взяться за дубинку, как ее перехватывать из руки в руку, как отражать удары.

У них у всех каждый день происходили подобные турниры. Робин учил своих друзей владеть мечом, стрелять из лука, орудовать дубинкой.

Рано-рано, только встанут с душистого сена, накрытого оленьими шкурами, только умоются ледяной водой из родника, который пробивался в восточном склоне котловины, и едва успеют подкрепиться, чаще всего остатками вчерашнего ужина, как Робин уже затевает учения. Сначала дело шло с трудом.

— Кеннет! — сердился Робин. — Кеннет, ну что ты обнимаешься со своим луком, точно это хорошенькая горничная в шерифовом замке?! Натягивай тетиву. Стреляй!

Но стрела улетала куда-то вбок от цели, сшибая по пути кленовые листья и иголки с кривого можжевельника.

— Клянусь, Вилли, вообрази, что этот красный лист — нос самого шерифа! Раз! Два! Три! Стреляй! — командовал Робин.

Вилли стрелял снова и снова, а стрелы летели мимо цели. Но прошло какое-то время в ежедневных упражнениях, и все научились и наловчились и бороться, и стрелять из лука.

— Ну, братцы, — хвалил их довольный своими учениками Робин, — теперь вы можете победить любого рыцаря на любом турнире.

— Вот бы тебя еще победить! — проворчал Вилли Скарлет.

Но с Робинсом никому не удавалось сравниться. Он выбивал меч из рук у всякого, с кем сходил в поединке, он попадал из лука в былинку, колеблемую ветром, на расстоянии чуть ли не полумили, он отбивал любой удар дубинки легко, точно играл в детскую игру.

Было веселое весеннее утро. Казалось, на каждой ветке в лесу тенькали синицы и заливались зяблики, и дятел без конца повторял свою песню, точно сыпал сухой горох на дно котелка. А солнце в вышине смеялось, и в воздухе пахло сладкими весенними травами. В это утро Робин сказал:

— Вот что, ребята. Уже дней четырнадцать — или больше! — мы с вами живем тут в покое, как кошки в доме старой девы.

— Ты уж скажешь! — отозвался Вилли Скарлет.

— А ты что, хочешь возразить? — с ехидцей спросил Робин. — Где гости, которых можно было попотчевать оленинкой, а потом пощекотать под мышками и слегка пощупать кошель? Где? Никого с позапрошлого понедельника, когда, помните, тот жирный бенедиктинец, везший монастырскую десятину отцу-настоятелю, слегка поделился с нами этими денежками.

— Ага! — подхватил Мач. — Только сначала со страху сбегал за кустик!

И мальчик залился веселым смехом, вспоминая, как дрожал за свою шкуру жирный бенедиктинский монах.

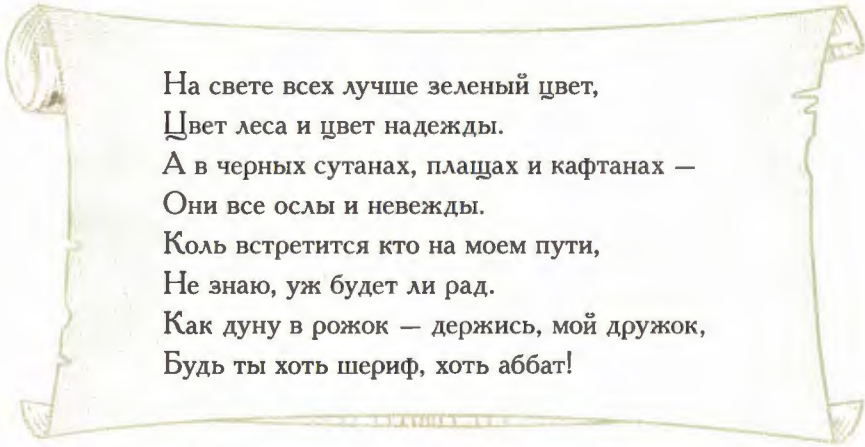
— Так в чем же дело, Робин? — отозвался Вилли Скарлет. — Берем луки и пошли, поищем гуся пожирнее.

— Можно и я с вами? — тут же прицепился Мач.

— Нет, друзья мои! На этот раз я иду один навстречу какому-нибудь приключению. А какому — я и сам не знаю. Увидим. Но вы никуда не расходитесь, не разбегайтесь. И если я трижды протрублю в серебряный рог, значит, мне нужна ваша помощь. Давайте тогда быстрее ветра — все ко мне!

И, закинув лук через плечо, Робин скрылся за кустами терновника.

Он весело шагал — сначала потайными тропами, потом едва различимыми дорожками. Время от времени он срывал с куста молодой листочек, разминал его и нюхал, глубоко вдыхая призывный весенний запах. При этом он мурлыкал себе под нос какую-то ерундовскую песенку, сочиняя ее на ходу:

На свете всех лучше зеленый цвет,
Цвет леса и цвет надежды.
А в черных сутанах, плащах и кафтанах —
Они все ослы и невежды.
Коль встретится кто на моем пути,
Не знаю, уж будет ли рад.
Как дуну в рожок — держись, мой дружок,
Будь ты хоть шериф, хоть аббат!

Он бродил довольно долго то по лощинам и оврагам, то выходя на узкие боковые дорожки, а то и на Большую Королевскую дорогу.

На тропинке, протоптанной между деревнями Верхний и Нижний Виттингтон, ему встретила девушка. Она шла быстро, опасливо оглядываясь. Робин улыбнулся ей. Девушка в испуге остановилась, но, увидев добрую улыбку, так и порхнувшую ей навстречу, тоже заулыбалась. Выяснилось, что она спешила в Верхний Виттингтон к своей крестной, несла ей овсяные лепешки, а та обещала подарить крестнице пару своих юбок. Что ж, в пору такой бедности и убожества юбка — вещь серьезная.

По Большой дороге ехал монах на осле. Кажется, к его седлу был приторочен какой-то мешок. В другое время, может, Робин и пошевелил бы его содержимое. Но сегодня связываться с монахом показалось ему делом скучным. Нарядная леди проскакала верхом в сопровождении двух слуг. Робин учтиво обнажил голову и поклонился. Леди в ответ взмахнула изящной ручкой, мелькнула — и нет ее. Толстый горожанин прошагал в сторону Ноттингема. Через некоторое время в том же направлении проехал на лошади юный паж в пурпурном одеянии.

Ну что за день такой! Ничего интересного! Видно, неблагосклонны к нему в этот день лесные духи. Уж не вернуться ли, в самом деле?

Робин двинулся в сторону от дороги, дошел до ручья. Ручей был холодный, видно, по дну били ключи, неожиданно глубокий и настолько широкий, что в один мах не перепрыгнешь.

Правда, какая-то добрая душа перекинула через него бревно, которое служило мостиком. Робин двинулся к бревну и уже было занес ногу, как с другой стороны ручья к этому же бревну подошел незнакомый ему верзила и одной ногой уже ступил на него.

— Эй, ты, ну-ка — шаг назад, идет кое-кто поважнее тебя! — крикнул Робин.

— Да? Это что, объявлено с Ноттингемской башни? Сам посторонись, я для себя — самый важный, а до тебя мне никакого дела нет.

— Сейчас увидим, не боишься ли ты щекотки, пощекочем тебя между ребрами каленой стрелой старого Гуго из Трента! Лучше стой где стоишь, а не то, клянусь ясным ликом святой Эльфриды, пойдешь кормить форелей на дно ручья.

— Как бы не так! — оборвал его незнакомец. — Сейчас моя дубинка прогуляется по твоей шкуре, так что она сделается разноцветной, как рубище оборванца, покрытое заплатами.

— Ты что ревешь как осел? — прервал его Робин. — Сейчас спущу стрелу с тетивы, и отправишься на небеса быстрее, чем голодный монах успеет прочесть молитву над жареным гусем на разговленье в Михайлов день!

— Что возьмешь с труса?! — пожал плечами верзила. — Ты что, не видишь, что у меня в руках только легкая дубинка! Давай стреляй, и посмотрим, что ты сам о себе будешь думать недельку спустя.

— Клянусь святым Дунстаном, никогда в жизни еще никто не называл меня трусом! Смотри, я положил

на землю мой верный лук и отстегнул колчан со стрелами. Погоди, я схожу вырежу себе дубинку под стать твоей, и поглядим, кто чего стоит.

— Это по мне, — согласился незнакомец. Он стоял, опираясь о свою дубинку, и спокойно ждал, не делая ни малейшей попытки воспользоваться моментом и перебежать ручей по бревну.

Робин быстро вырезал себе дубинку, как раз по руке, и вернулся к ручью, на ходу очищая ее от мелких веточек.

Робин был высок, но незнакомец был еще выше. И в плечах Робин был широк, однако плечи незнакомого верзилы были еще шире, наверное, ладони на две, не меньше.

«Все равно он у меня получит!» — подумал про себя Робин, а вслух сказал:

— Ну, начнем. Сойдемся на середине бревна и поглядим, кто из нас первый искупается.

Не успел дятел и три раза тюкнуть клювом, как Робин был уже на середине бревна. Но и противник его тоже не мешкал. Двое забияк над ручьем приготовились к поединку.

Верзила размахнулся своей дубинкой, но Робин, перебросив свою из правой руки в левую, отбил ею удар как щитом, затем, снова сработав правой рукой, обрушил удар на голову своего противника. Тот покачнулся, но не упал.

— Запомни, — завопил он, — я всегда плачу свои долги! — И нацелил свою дубинку в голову Робин Гуда.

И так они довольно долго дубасили друг друга, точно молотили пшеницу на току.

Оба взмокли, и в прохладной тени от обоих валил пар. Вот уже и у того и у другого кожа рассадилась до крови, но силы все еще оставались равными. И надо сказать, что оба перестали злиться и на обоих напало странное веселье. Робин даже засмеялся. Чего делать было никак нельзя, потому что от смеха он на миг ослабел. Тот, высоченный, тут же этим воспользовался и так шмякнул по нему своей дубинкой, что Робин, потеряв равновесие, полетел с бревна. Он хорошо нахлебался холодной воды, и течение поволокло его вниз по ручью.

— Эй, друг мой, где ты есть? — закричал верзила.

— Тут я, плыву как рыбка и заодно смываю кровь с головы, — отозвался Робин. — Эй, слышишь, я признаю себя побежденным! Ты — отличный боец и отличный парень!

Робин выбрался на берег. Вода стекала с него светлыми холодными потоками, глаза его смеялись. Он поднес к губам серебряный рог и изо всех сил дунул в него.

Не успел верзила спросить его, зачем он это делает, как послышался треск сучьев и к ручью выбежали Вилли Скарлет, и Кеннет Беспалый, и Мач, сын мельника, и еще другие стрелки, одетые в зеленое линкольнское сукно.

— Что с тобой? — закричал с ходу Вилли Скарлет. — Почему ты весь мокрый, как медведь под дождем? И в крови — что это значит?!

— Значит, что этот хороший парень надавал мне тумачков и свалил в ручей! — весело отозвался Робин. — Скажи хоть, как тебя зовут? — спросил Робин.

— Да кто зовет Джон из Мэнсфилда, а кто — Джон Литтл.

— Литтл? — захохотал Вилли Скарлет. — Так ведь это же значит «маленький»...

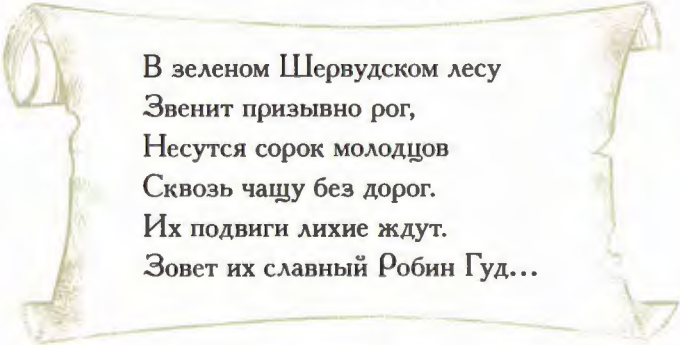
— Маленький! Маленький он и есть! — смеялся Робин. — Вот что, друг мой, — продолжал он. — Принимаем тебя в свое братство, и завтра же ты получишь костюм из зеленого сукна. А сегодня устроим крестины. Я сам буду твоим крестным отцом.

— А как же мы теперь его назовем? — спросил Мач, сын мельника. — Ведь когда крестят, тогда и нарекают именем, я знаю.

— Отныне и навсегда, — торжественно возгласил Робин, — будет имя ему Маленький Джон!

Тут не преминули добыть королевского оленя и, разложив костер, устроить веселый пир в честь нового стрелка — новокрещеного Маленького Джона.

И поднималась к вершинам деревьев и уносилась в небо к розовым вечерним облакам дружная песня:

В зеленом Шервудском лесу
Звенит призывно рог,
Несутся сорок молодцов
Сквозь чащу без дорог.
Их подвиги лихие ждут.
Зовет их славный Робин Гуд...

Так они пировали, а затем устроили веселые состязания, на которых выяснилось, что Маленький Джон не хуже, чем дубинкой, владеет и луком, и мечом. Лучше его был только сам Робин Гуд.

ГЛАВА IV

Серебряная стрела с золотым наконечником

А время катилось, точно колесо под гору. Шериф со своими лучниками, королевские лесничие — и кто только не пытался выследить и изловить вольных зеленых стрелков. Следить-то следили, ловить-то ловили, да Шервудский лес не предает!

Иногда под видом ремесленников или торговцев мелькнут двое-трое из них в городе Ноттингеме. Но пока нерасторопные слуги доложат об этом шерифу, пока успеют распорядиться закрыть городские ворота да поднять мост, смельчаков и след простыл, точно привиделись, точно и не было их вовсе.

А Большая Королевская дорога... ах, Большая Королевская дорога! Единственный путь на север! Какой же неудобной она была для известного рода путников!

...Дождь был веселым и теплым. Он отплясывал джигу на листьях и травах, на самой дороге, на крупах лошадей и на капюшонах двух слуг Божьих, спешивших к себе домой, в аббатство Святого Квентина.

И отец приор, и каноник, оба были довольны своим путешествием. Они объехали много отдаленных приходов. Теперь они обсуждали, как провести аббата и приглубить часть выручки, не вызывая подозрений.

— Мне думается, отец приор, святой Квентин не осудит нас и не поставит нам во грех, если часть честно заработанного мы переложим из кошелька, что приторочен к правой стороне седла, в тот, что слева, — говорил каноник, смахивая дождевые капли со своего красного расплывшегося лица и стараясь удержать ноги в стремях. Толстый живот при коротеньких ножках — вещь очень неудобная. Каноник дружил с монастырским келарем, и видно, последний слегка перебарщивал, угощая друга жирными паштетами и церковным вином.

— Да бросьте вы мучиться вздорными сомнениями, каноник, — подал голос приор из-под низко надвинутого капюшона. — Смешно, право. Вон светские власти себя ни в чем не стесняют. Вы что, думаете, Симон де Жанмер все отдает в городскую и королевскую казну и ничего не отгребает себе?

Каноник неопределенно хмыкнул.

— Они собирают с йоменов налог на землю, за содержание скота, за выпас на общинной земле, чуть ли не за воздух и солнечный свет! Уж поверьте мне...

Тут приор оборвал свой монолог и, придерживав лошадь, уставился на придорожные кусты. Лошадь каноника тоже

резко остановилась, ткнувшись мордой в мокрый круп приоровой лошади, и неуклюжий каноник едва удержался в седле.

— Что случилось, отец приор? — спросил он.

— Помолчите! — зашипел на него приор. — Мне кажется, что там как-то странно качаются ветки.

— Может быть, это сойка прячется от дождя? Или пробежала белка?

Однако обоим стало не по себе. Оба разом вспомнили слухи и разговоры про Робин Гуда, который был как будто бы не кто иной, как изгнанный Роберт Фитцутс, дальний родственник их аббата, и о том, что будто бы из-за этого он терпеть не может все их сословие.

Но вокруг все было тихо. Ветки кустов не шевелились. Святые отцы тронулись в путь.

Дождь побормотал, поплясал еще немножко и начал стихать. Облака посветлели. Скоро сквозь голубое небесное окошко выглянуло солнышко. И в тот самый момент, когда у обоих отлегло от сердца, прямо перед лошадиными мордами, точно тут на дороге и сотворились из воздуха и солнечного света, появились трое, одетые одинаково — в кожаные штаны и куртки из зеленого сукна.

— Мир вам, святые отцы, — сказал один из них, сверкнув веселыми глазами и одновременно дотрагиваясь правой рукой до прикрепленного к кожаному поясу меча.

А двое крепко схватили лошадей за уздечки.

— Вы что это себе позволяете? — завопил отец приор. — Как вы смеете задерживать посланцев аббата?

Он занес было хлыст, но его руку перехватила другая, более сильная рука.

— Не тревожьтесь, святые отцы, — сказал тот, что с веселыми глазами. — Мы всего лишь просим вас принять участие в нашей трапезе и благословить пищу на столе, потому что среди нас нет ни одного священника.

Сказано это было спокойно, беззлобно, но настойчиво. У духовных пастырей, похоже, не было выбора.

Предварительно завязав им глаза, их повели куда-то в лесную глухомань. Лошади их спотыкались о корни деревьев. Ветки хлестали по лицу.

Через некоторое время повязки с них сняли, помогли слезть с лошадей. Их обоих подвели к столу. Стол был сделан из длинных дубовых досок, положенных на высокие козлы. На этих чисто выскобленных досках лежали куски жареной оленины, каравай свежего пшеничного хлеба и стояли глиняные кувшины с пенящимся элем. Располагался этот стол на поляне, прямо под голубым небесным потолком.

— Ну что же вы, патеры, молчите? Только после молитвы мы сможем приступить к еде!

Святые отцы, со страху забывая слова, прочитали «Патер ностер». И тогда все принялись за еду.

Принимавших участие в трапезе было человек сорок или пятьдесят. За столом было весело, раздавались шутки, произносились веселые тосты. Затем все посерьезнели и выпили стоя за короля Ричарда Львиное Сердце.

— А теперь, святые отцы, — сказал тот, кого называли Робин и у кого были лукавые, веселые голубые глаза

и русая бородка, — а теперь, как только вы заплатите по счету за обед, мы проводим вас обратно на дорогу.

Каноник и приор переглянулись. Так недавно согревавшая их души добыча, похоже, уплывала из рук.

— Мы бедные служители церкви, — сказал отец приор. — Откуда у нас могут быть деньги?

— В самом деле? У вас так ничегошеньки и нет? Но думается мне, Господь в этом случае не оставит вас. Встанем-ка на колени и помолимся. Что-нибудь да будет послано нам всем на бедность, — сказал им, как они вдруг догадались, сам Робин Гуд.

При этом он вынул свой меч, смаху срезал прутик и вложил его обратно в ножны.

Все происходящее с ними вдруг показалось им репетицией Страшного суда.

Несчастный коротышка-каноник с трудом опустился на колени. Его толстый живот страшно ему мешал. Отец приор, упираясь сухим кулаком в траву, встал рядом.

— А теперь повторяйте за мной: «Господи, взываем к Тебе, услышь рабов Твоих...»

— Господи, взываем к Тебе, услышь рабов Твоих... — скорее прошелестели, чем проговорили святые отцы.

— И пошли нам в достатке золотых монет, чтобы могли мы поддержать бременные тела наши.

Каноник и приор покорно повторили эту абсурдную молитву.

— Эй, Вилли! И Мач — ты тоже! — крикнул Робин. — Поглядите-ка, не наполнились ли кошель преподобных отцов золотом после их молитвы?

Вилли Скарлет и Мач отцепили от седел и приволокли два увесистых кошеля.

Все вокруг зашумели, засмеялись, поздравляя святых отцов с удачей.

— Ого! — воскликнул Робин. — Однако немало было дано вам по вере вашей! Что ж, разделим по-братски все это золото. Высыпем дар Божий вместе и разделим на три части. Третья часть и будет платой за обед, это ведь справедливо, не правда ли?

Однажды рано поутру, не успели привратные сторожа отомкнуть и распахнуть скрипучие городские ворота, как, расталкивая торговцев, мясников, ткачей, горшечников и нищих, по мосту вихрем проскакал всадник. Он пронесся по улицам просыпающегося города и с ходу спешил возле дома шерифа. Даже не попросив дворецкого, чтобы о нем доложили, он стремглав влетел прямо в спальню. Симон де Жанмер только что приготовился спустить толстые ноги с высоченной, стоящей под розовым бархатным балдахином кровати.

— В чем дело, Томас? — спросил он недовольным голосом. — Остается только, чтобы ты начал врываться ко мне в нужник.

— Простите, ваша милость, — ответил прибывший, прерывисто дыша, — но в Йорке меня перехватил королевский гонец... Вот послание... Он потребовал передать вам немедленно.

— Что ты сказал? Королевский?

— Да. То есть нет. Посланец от принца Джона. Но дело в том, что...

— Перестань бормотать и давай сюда грамоту.

Тот, кто был назван Томасом, передал шерифу свернутый в трубочку пергамент. Тот развернул свиток и стал читать, вытянув руки перед собой. К шерифу в последнее время уже подбиралась дальноркость.

— Как? — завопил он. — Король Ричард, встревоженный вестями из Англии, возвращался домой и был взят в плен? И кем же? Подумать только — эрцгерцогом Леопольдом Австрийским... Так-так. Держит его неведомо где... Никто не знает... Требуется выкупа... Ого! Однако кругленькая сумма!

Дальше шериф продолжал читать про себя. Потом снова принялся бормотать:

— Ну, ясно, ясно. Шансы принца на корону повышаются. Так-так. Ясно. Этим облезлым собакам, этим бесхвостым лисам только посули состязание да даровую снедь... Понятно, — добавил он, уже обращаясь непосредственно к гонцу. — Принцу нужна будет поддержка не только баронов, но и простого люда, этих самых вилланов и серфов и прочих... как их там. В соответствии с его секретным распоряжением мы объявляем состязания лучников в следующую среду, в день святого Кутберта. Все присутствующие бесплатно получают по куску жареной говядины и по большой глиняной кружке эля. Принц Джон знает, что делает! Скорей, скорей! Вызвать ко мне глашатаев! — Шериф хлопнул в ладоши, вызывая слугу, который почему-то мешкал принести ему серебряный кувшин с водой для умывания и платье.

— А теперь, ребята, сидите тихо и слушайте, — сказал Робин Гуд, неожиданно появляясь на поляне возле огромного дуба. — У меня грандиозная новость! Наш закадычный друг, шериф Ноттингемский, объявил состязание лучников в следующую среду.

— Робин, не собираешься ли ты кинуться этому неприрученному волку в пасть? — встревоженно спросил Вилли Скарлет.

— Помолчи, братишка! — засмеялся Робин. — Да знаешь ли ты, какой объявлен приз?

— Вторую жизнь тебе собираются подарить? — хмыкнул Маленький Джон.

— Серебряная стрела с золотым наконечником самой высокой пробы! Ясно?

— И ты, конечно, без этой стрелы не обойдешься? — съязвил Скарлет.

— Мне очень-очень хочется опустить ее в мой колчан! — засмеялся Робин.

— О нет, сэр, нет, — вмешался в разговор Мач, сын мельника. — Позвольте мне, пожалуйста, сказать.

— Ну, говори. Что там такое?

— Когда я ходил в Вотлинг купить ниток, там я встретил приятеля. Его зовут Эд. Он сказал, что вся эта затея с состязанием придумана неспроста. Была доставлена какая-то грамота от принца Джона. А еще моему приятелю Эду сказал его приятель, Дэвид из Донкастера, который сейчас служит у шерифа в Ноттингеме, что тот похвалял-

ся, будто теперь ему изловить Робин Гуда проще, чем поймать блоху на лысине. Мол, уж Робин не упустит такого случая. Мол, известно, сколь он горяч и на подначку падок, да еще не любит никому уступать первенство. Это ловушка, сэр! Пожалуйста, ну пожалуйста, не ходите в Ноттингем!

Робин потрепал мальчика по рыжим вихрам.

— Ты смысленный парень, — сказал он, — и очень хорошо, что уши у тебя не зря к голове приставлены и дважды два у тебя всегда четыре. Вырастешь настоящим лесным стрелком, Мач, мой мальчик. Но неужели мы с тобой позволим, чтобы хоть кто-то подумал, что шериф Ноттингемский, ненавистный Симон де Жанмер, нагнал страху на Робин Гуда и его лесных молодцов? Полно, Мач, такого никак нельзя допустить!

— Безрассудство не храбрость, Робин, — заметил Вилли Скарлет.

— Э, старина, давай лучше скажем: храбрость — не безрассудство. Не дураки же мы в самом деле. Забыл пословицу «Торопыга обожжет губы, а дурак, бредущий с закрытыми глазами, свалится в яму»? Они нам — силлок, а мы им — капкан. Еще неизвестно, кто хитрее.

— Ты что надумал, Робин? — полюбопытствовал Маленький Джон.

— Скоро узнаешь! А ну-ка давайте все одевайтесь кто во что. Кто монахом, кто крестьянином, кто жестянщиком, а кто нищим попрошайкой. Устроим знатный маскарад! Но чтобы луки и мечи — при себе. Не ровен час, может,

придется и сражаться, если меня все-таки узнают! А уж я постараюсь выиграть эту стрелу, клянусь святым Кутбертом! Собирайтесь быстрее!

Стоило, право же, стоило побывать в окрестностях Ноттингема в день святого Кутберта. День этот, как гласит предание, пришелся на среду. Просторный луг начинался как раз за городской стеной. С утра там построены были ряды скамеек — один ряд повыше другого, с расчетом, чтобы видно было всем. Сидячие места предназначались для высокого дворянства, для баронов и их леди, для сквайров с их дамами, для богатых горожан и их жен. А там, где кончались скамейки, на широком помосте, покрытом коврами, украшенном лентами и гирляндами из цветов, высилось сиденье самого шерифа и его невесты. Тут поблизости и была установлена мишень. А на другом конце стрельбища стараниями плотников было воздвигнуто подобие беседки, где размещалось несколько бочонков с элем. Любой стрелок мог подойти и, если вдруг его станет мучить жажда, утолить ее совершенно бесплатно.

Вокруг скамеек для благородной публики были деревянные перила: это чтобы прочий сброд знал свое место и за перила не заходил.

Было еще рано, добрых полтора часа до начала, но чистая публика уже стала прибывать. Подъезжали в легких тележках с колокольчиками на лошадиных сбруях или вер-

хом на сытых, ухоженных лошадях. Бедный люд тоже валялся валом, располагаясь на зеленой травке сразу же за перилами.

Под широким парусиновым навесом собирались участники турнира. Они громко беседовали друг с другом, рассказывая о своих победах в предыдущих состязаниях. Некоторые старательно подтягивали тетиву, разглаживали пальцами оперенье. Иные придирчиво, в который раз, просматривали свои стрелы, проверяя, достаточно ли они прямые. Кто же захочет проиграть в таком состязании!

Да уж и то сказать, в этот день в Ноттингеме собрались искуснейшие лучники со всей доброй Англии.

Кого тут только не было! И Джилл Красный Колпак, первый лучник самого шерифа; и Диккон из города Линкольна; и Эд из Тумворта, которому было уже лет шестьдесят, а то и поболее. И был он в свое время первым лучником. Люди еще помнили, как в труднейшем состязании в Вудстоке обставил он знатнейшего стрелка Клина из Клу. И еще было полно всяких знаменитостей, о которых в наше время мы читаем в старинных балладах. Странно только, что не прибыл на состязание доблестный сэр Гай Гисборн...

И вот наконец, когда все скамьи заполнились, показались шериф и его невеста. Оба верхом. Он — на снежно-белом жеребце, она — на молодой и сильной каурой кобыле. На шерифе красовался алый бархатный колпак. Алый плащ его был оторочен горностаем, а плотно

облегающие ноги штаны и куртка были цвета морской волны. Сапоги из черного бархата позванивали — от их острого носка к щиколоткам шла позолоченная цепочка. На шее висела массивная золотая цепь. А на воротнике виднелась золотая пряжка с огромным карбункулом. Дама была в голубом наряде, отделанном лебяжьим пухом.

Глашатай по знаку шерифа трижды протрубил в рог. Потом он сделал шаг вперед и возгласил:

— Поначалу каждый стреляет по мишени на сто пятьдесят ярдов. Все выпустят по одной стреле. Дальше десять лучших будут стрелять каждый — по две стрелы. И наконец трое лучших из лучших — по три стрелы. Победитель получит серебряную стрелу с золотым наконечником и золотым оперением из золота высшей пробы. Начинайте вон от той метки.

Шериф все время вытягивал шею, как гусь, стараясь разглядеть среди лучников Робин Гуда. Но не было никого, кто был бы одет в зеленое линкольнское сукно. Нигде не мелькала светло-русая борода.

«Все равно, — думал шериф, — надо быть начеку, он может где-нибудь ошиваться. Подождем, когда стрелять будут десятеро, тогда легче будет узнать. Не может он, тщеславная тварь, ну просто не может упустить такой шанс. Или я его плохо знаю».

Тем временем лучники начали стрелять. Право же, добрые люди давно не тешились таким зрелищем. Отличнейшие были стрелки. Ну просто на удивление! Когда все выстрелили по разу и определились десять лучших, шериф занервничал. Да что же это, где же этот негодяй?!

Неужели почел за благо отсидеться под кустом, как заяц? Он вроде бы не трус, этот мерзавец.

Из десятирех шестеро были хорошо известны всей стране! Джилберт Красный Колпак, Эд из Тумворта, знаменитый стрелок Диккон, Вильям О'Лесли, Губерто Клауд и Суизин из Хертфорда. Еще двое были веселые йоркширцы, и еще один в голубом, высоченный, сказал, что он из Лондона, и последний, довольно обтерханный, в красной линиялой робе, с темно-каштановой бородой и черной повязкой на одном глазу.

Все десятеро выстрелили по два раза. Все стреляли хорошо, но остались на третий тур трое самых лучших. Один — Джилберт Красный Колпак, второй — Эд из Тумворта и одноглазый.

Этот обтерханный, когда дошла его очередь, натянул тетиву хорошего тисового лука и так быстро спустил стрелу, что вдохнувшие и выдохнуть не успели. Но при этом его стрела оказалась к центру мишени ближе других примерно на длину двух ячменных зерен.

— Клянусь всеми святыми в раю! — воскликнул шериф. — Вот это выстрел так выстрел!

Претенденты выстрелили по второму разу. И опять одноглазый стрелял лучше, чем Джилберт и Эд.

С третьего выстрела Джилберт чуть было не угодил в самую точку, которая отмечала центр яблочка на мишени.

— Молодцом, Джилберт! — воскликнул шериф. — Ну а теперь ты, нищий бродяга, поглядим, на что ты способен. Попробуй-ка выстрелить лучше!

Одноглазый в красном залатанном плаще промолчал. В наступившей тишине он занял свое место. Казалось, никто просто не дышит. Незнакомец оттянул тетиву. Он постоял неподвижно — вроде бы досчитал до пяти, — после чего послал стрелу в цель. Его стрела сшибла оперение с Джилбертовой стрелы и вонзилась в обозначенный точкой центр мишени. Там она дрогнула и замерла.

Из публики не раздалось ни единого возгласа, все молча, недоуменно глядели друг на друга.

Так же молча, шелестя своими бархатами и шелками и позвякивая золотой цепью, шериф слез со своего помоста и направился к одноглазому бродяге.

— Вот, парень, — сказал он. — Получи свой приз. Как тебя зовут?

— Джок из Тевиотдейла, — ответил одноглазый.

— Клянусь Пресвятой Девой, Джок, ты самый лучший стрелок из лука, кого мне за всю жизнь приходилось встречать. Если ты согласишься пойти ко мне на службу, то я тебя приодену, да и есть будешь с моего стола. Говори, согласен ли ты стать моим слугой?

— Благодарю покорно, ваша милость, — сказал одноглазый, — но лучше я останусь ничьим слугой. Не родился еще человек в нашей доброй Англии, чьим слугой мне захотелось бы стать.

— Ну, тогда катись отсюда! — багровея от злости, закричал шериф. — Убирайся, чума тебя разрази!

Одноглазый никак не отреагировал на шерифову грубость. Люди молчали. Только за перилами, там, где располагалась простая публика, вдруг залаял чей-то пес.

На небе румянилась вечерняя заря. Несколько человек в костюмах из светло-зеленого линкольнского сукна шагали по лесной дороге, весело переговаривались. Каждый из них нес закинутый за плечи лук, а в руках — узелок с одеждой, кто с черной сутаной, кто с красным плащом...

— Как же тебе удалось так стрелять с одним-то глазом, Робин? — смеялся Вилли Скарлет.

— Борода-то, борода как потемнела от сока молодых орехов!

— А шериф все крутил головой, все высматривал Робина, и ищейки его шныряли и среди стрелков, и среди публики.

— Молодец наш Робин!

Робин шел притихший. Он был доволен, что выиграл серебряную стрелу, состязаясь с лучшими стрелками Англии. Но одна мысль его тревожила: на состязаниях не было сэра Гая Гисборна, а он обычно не пропускал таких okazji. И, надо сказать, частенько выигрывал. Не было ли в этом какого-нибудь умысла, не затеял ли он что против Робина? Сэр Гай и умен, и хитер.

Не успел Робин додумать свою мысль до конца, как Мач, сын мельника, воскликнул:

— Смотрите! — указывая на густые заросли жимолости.

В тот же миг кусты зашевелились и несколько всадников во главе с сэром Гаем выскочили на дорогу.

— Сдавайся, Робин Гуд! — вскричал Гай Гисборн. — Мои люди окружили вас, и податься вам некуда. Вам всем конец!

— Все в руках Божьих, не в твоих! — ответил Робин Гуд.

Его стрела ударилась о металлический шлем рыцаря. Пробить его она не смогла, но удар был таким сильным, что Гай Гисборн повалился с седла навзничь на желтый ковер из лютиков. Воздух в ту же минуту потемнел от летящих стрел. И один за другим воины, сопровождавшие Гая Гисборна, падали на землю, оглушенные или убитые.

Им было не устоять перед искусством зеленых стрелков, и довольно скоро уцелевшие пустились наутек, спасая свои жизни.

— Друзья мои, теперь бегом что есть сил, — скомандовал Робин. — Сейчас они вернутся с подмогой от шерифа. Маленький Джон, что с тобой, ты что, окаменел, что ли?

— Милый друг Робин, — простонал Маленький Джон. — Оставьте меня и бегите. У меня прострелено колено. Я не могу передвигаться сам. А тащить меня — уж слишком тяжел кусок! Спасайтесь, ради Пречистой Девы!

— Робин Гуд никогда не предавал своих друзей, помни, Маленький Джон! Эй, ребята, берись дружно, понесите-ка этого дурака. А там уж займемся его коленом. Поплюем, пошепчем, глядишь, и вылечим!

Конечно, передвигаться им пришлось медленно. И вот уже стали слышны звуки погони: крики, конское ржание и собачий лай.

— Вэвалите-ка мне его на плечи, — скомандовал Робин. — Я понесу один. А вы приготовьте луки и стрелы.

— Глядите, глядите, — закричал быстроглазый Мач. — Вон я вижу огонек. Там впереди виднеется чей-то большой каменный дом.

— Если нас приютят там, то этим шерифовым псам не достать нас, — заметил Вилли Скарлет.

— Я узнаю, — воскликнул Робин, — это дом сэра Ранульфа, гордого сакса, который предпочел лишиться большей половины своих земель, но не склонил голову перед норманнским шерифом, подлым прислужником принца Джона, Симоном де Жанмером. Мы спасены!

...И не успел последний из лесных стрелков укрыться в стенах замка, как по захопнувшимся воротам ударил ураган стрел. Но дубовые ворота, сверкавшие шляпками железных гвоздей, были прочны, а каменные стены — толстые и надежные. Вылетевшие из узких окон стрелы старого Гуго из Трента сразили сразу шестерых.

Враги отступили.

Воцарилась тишина. Луна выкатилась в небо. Она была как большая аппетитная поджаристая лепешка. Дым из каминных труб устремлялся прямо к луне. А это предвещало на завтра хорошую погоду.

ГЛАВА V

Очень странный монах

Все в этом мире ходит следом одно за другим: свет и тень, успех и поражение, радость и печаль. Так уж этот мир устроен. Каменные стены сэра Ранульфа, прозванного Благородным, спасли Робин Гуда и его товарищей. Это ли не радость? Но как гаснет веселый костер под проливным дождем, так их радость погасла от того, что сообщил им сэр Ранульф. От него впервые Робин Гуд и его друзья узнали, что их король Ричард Львиное Сердце попал в плен и что за него требуется непомерный выкуп.

Но Робин Гуд грустил недолго. Он принял решение. И оно вселило в него бодрость.

— Вот что, друзья мои, — сказал он. — Какое бы имя ни носил сейчас Роберт Фитцутс, граф Хантингдон, ни он, ни его верные стрелки не дадут погибнуть законному королю. Пусть трепещут все, у кого в кошельке звенят несправедливые деньги. Отныне ни один из них не пройдет и не проедет свободно по Королевской дороге. И все деньги пойдут на выкуп короля Ричарда Львиное Сердце. Так ли я говорю?

— Так, Робин!

— Поможем королю!

— Да здравствует Кёр де Лион, законный король!

Цель была ясна. К зеленым братьям вернулось хорошее расположение духа.

Дело близилось к осени, и листья в Шервудском лесу уже тронуло красным и желтым. Робин Гуд, Маленький Джон, Вилли Скарлет и еще несколько стрелков, отправившись на охоту, дошли аж до Бернесдейлского леса в Чешире. Куда-то запропастились олени, ну никак не было им в этот день охотничьей удачи!

И вот наконец что-то зашелестело в густых кустах лещины. Вилли Скарлет мгновенно выстрелил, почти наугад, и было слышно, как в кустах что-то тяжелое рухнуло на землю. Это оказался крупный олень-самец.

— Ну, брат Вилли, ты так метко стреляешь, тебе мог бы позавидовать сам Робин Гуд, — засмеялся Робин.

— Это что! — отозвался Вилли. — Вот знал я тут одного монаха. Тот, я тебе скажу, стрелок так стрелок. Ему, пожалуйста, завидуй, я разрешаю.

— Интересно! Как это: монах и вдруг — стрелок?

— И не только. Он и на дубинках драться мастер, и мечом владеет не хуже рыцаря-крестоносца.

— Ну, ты раззадорил меня, Вилли. Я хочу с ним познакомиться. Непременно. Не знаешь ли, где его найти?

— Говорят, он живет отшельником в пещере на правом берегу реки возле Кемпенхерста. Отшельник-то он отшельник, но он там еще держит на реке переправу.

— Ох, дивны дела твои, Господи, — засмеялся Робин. — Чего только не бывает в доброй веселой Англии!

Наутро Робин Гуд оделся менестрелем.

— Робин, ты что, собираешься бродить от замка к замку и услаждать баронские уши пением старинных французских баллад? — с насмешкой заметил Кеннет Беспалый. — Не забудь прихватить с собою лютню!

— И еще для смягчения голоса проглоти десяточек сырых яиц! — подхватил Вилли Скарлет.

— И шелковый платочек возьми — утирать слезы красоткам! — съязвил Маленький Джон.

— Нет, братцы, я иду искать того монаха. Всегда лучше для начала притвориться кем-нибудь другим. Не обязательно всем знать, кто ты есть. Запомните этот добрый совет на будущее!

— Не искушай судьбу, Робин, — пробормотал Скарлет, сразу сделавшись серьезным.

— Послушай, давай я пойду с тобой, — предложил Маленький Джон. — Говорят, монах-то здоровенный и отчаянный драчун.

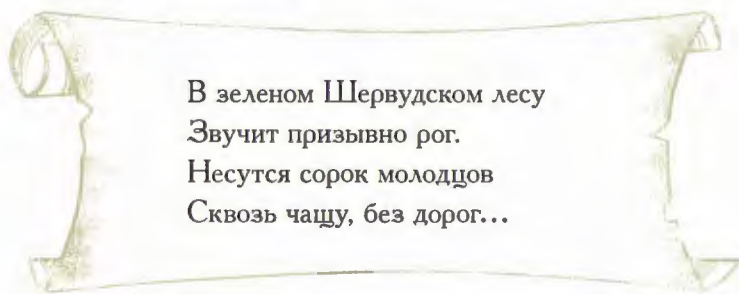
Но Робин любил рисковать. Он никогда не испытывал страха. Это чувство «небоязни» было ему самому приятно.

Оно вселяло в него веселость и давало ему ощущение полноты жизни.

Он помахал друзьям рукой, и тут же его статная фигура скрылась в густой зелени.

Робин шел по лесу напрямик по направлению к Гэмвеллу. А дойдя до реки, пошел вдоль берега, надеясь выйти к Кемпенхерсту. Там где-то должен быть брод. Видимо, странный монах как раз там и обнаружится.

Он шел и потихоньку напевал:

Под ногами шуршала доживавшая свой век трава. Высоко над головой проплыл птичий клин. От реки доносился медовый запах почему-то запоздавшей в своем цветении таволги.

Вскоре он дошел до переправы. На противоположном берегу, привязанная к кольшку, кормой по течению, покачивалась лодчонка, а рядом на дубовом пне восседал огромных размеров толстяк. На нем было коричневое монашеское одеяние, макушка была выбрита. Странно только, что поверх рясы был у него кожаный пояс, а к нему был приторочен широкий меч. Возле него никого не было видно, но монах с кем-то разговаривал. По тому, как он поглядывал на растущий рядом граб, казалось, что именно с этим деревом он и ведет беседу.

— Охой! Перевозчик! — позвал его Робин. — Переправь меня через реку!

— Все в свое время, сын мой, все в свое время, — отозвался отшельник.

Прежде чем сесть в лодку, монах вырезал увесистую дубинку. Ею он и оттолкнулся от берега.

Причалив, святой отец оглядел Робина и скорчил гримасу.

— У-у-у, всего-то менестрель! У вас, бродячих певцов, разве когда-нибудь бывают деньги?

— Как, милый добрый отшельник, — улыбнулся Робин, — уж не собираешься ли ты меня ограбить?

— Нет, не собираюсь. Но вроде бы так ведется, что Божьи люди могут рассчитывать на милостыню.

— Кто же милостыню требует? Давать или не давать — это дело совести каждого.

— Ну, вот я и собираюсь как служитель церкви пробудить у тебя совесть, — сказал монах, косясь на свою дубинку.

— Ну, пожалуйста, сделай одолжение, я разрешу тебе порыться в моем кошельке.

И Робин притворился, будто отстегивает кошелек. Монах отложил по этому случаю в сторону свою дубинку, а Робин молниеносным движением выхватил меч из ножен и приставил его к толстой шее монаха.

— А вот теперь, Божий смиренник, ты переправишь меня на тот берег, и не в лодке, а в качестве коня.

Как будешь возражать, коли острый меч приставлен к твоему горлу?

— Охотно, — сказал монах, подставляя свою могучую спину. И, погрузившись по пояс в воду и намочив и рясу, и исподнее, он живо перетащил Робина на другую сторону реки. Но, выйдя на берег, он так ловко передернул плечами, что Робин оказался расprostертым на земле.

— Ну что, паренек? — спросил монах с издевочкой, наступая на лезвие его меча и выхватывая свой. — А теперь ты повезешь меня на тот берег — за лодкой. А то без лодки какой же я перевозчик!

И вся эта гора мяса и жира навалилась Робину на плечи.

— Ух! — только выдохнул Робин и побрел по воде. Но, дойдя до середины реки, он повторил жест толстого монаха и, передернув плечами, свалил его прямо в воду.

— Ну молодец, ну молодец! — бормотал монах, выбираясь на берег. — Ну хороший парень, ну, сейчас я раскрою тебе череп дубинкой, да и дело с концом!

— Дубинкой так дубинкой, — весело откликнулся Робин. — Но, святой отец, прежде чем ты доберешься до моего черепа, дай-ка мне поесть, я голоден, как шерифова кошка.

— Ну что ж, сын мой, — согласился монах, откладывая дубинку в сторону и отжимая полы своей рясы. — Давай на этот раз — в лодку.

На той стороне оказалась сухая уютная пещерка, где толстый инок проводил свои дни в молитвах.

Он поставил на грубо сколоченный стол глиняную миску с вареными бобами и ковшик воды. Робин, давась и икая, попробовал это есть.

— Да, святой отец, — сказал он. — И возлюбил же тебя Господь, что поддерживает такое огромное тело только водой и вареными бобами. Но, думается мне, что для заглянувшего к тебе прохожего, у которого водятся денюжки, должна же быть у тебя какая-то более мирская пища, а?

И он показал монаху золотую монетку.

— Как не быть, — откликнулся монах, протягивая огромную свою лапищу за монеткой. — Как не быть!

Он отошел к стене пещеры и открыл искусно замаскированную кладовочку. Оттуда он выволок огромнейших размеров пирог с олениной и кожаную бутылку, в которой булькало не иначе как вино.

— Хо-хо! Вот это другое дело! — обрадовался Робин и принялся уписывать пирог с такой скоростью, что круглое лицо монаха стало на глазах вытягиваться огурцом.

Робин сжалился над ним.

— А ты, как видно, давно живешь отшельником, отец мой, — сказал он. — Ты забыл, что хотя бы простая вежливость требует, чтобы хозяин разделил трапезу с гостем. Это только докажет, что угощение доброкачественно и его безопасно есть.

— И в самом деле забыл! — засуетился монах.

Он тут же отхватил кусок пирога и наполнил два рога из кожаной фляги.

— Уважаемый гость, — обратился монах к Робину, протягивая рог с вином. — Тебе не кажется также, что воспитанному гостю стоило бы представиться и назвать свое имя?

— Справедливо, — согласился Робин. — Но хозяину приличествует сделать это первому.

— Зови меня отец Тук. Я живу здесь отшельником, потому что не могу выносить подлостей аббата из аббатства Святого Квентина.

— Эту змею я знаю хорошо, — сказал Робин тихо, как бы про себя.

— Алчность и злоба, и прислуживанье власть имущим, и жестокость, и грубость — вот что цветет в аббатстве. И знаешь, сын мой, подумал я, а разве лес — не храм? Разве Богу менее угодно, если с Ним будут разговаривать под куполом небесным, хоралы будут распевать птицы? Ты ведь читал в Писании: «Дух дышит где хочет», а значит, и в лесу.

— Позволь мне спросить тебя, отец Тук. Когда я подошел к реке, мне показалось, что ты разговаривал с грабом.

— И ты решил, что я тронулся умом? — засмеялся отец Тук. — Нет, милый. И деревья говорят, и травы, и звери. Все мы — творение Божье и должны друг друга понимать. Только в грехах мы погрязли и общий наш язык забыли.

— Ты хорошо говоришь. Ну а как же все это? — Робин кивнул на остатки пиршества.

— Душа не гибнет от хорошей еды, уверяю тебя, сын мой. Но ты-то все-таки кто такой? Сдается мне, что не бродячий певец, а?

— И у меня так же, как и у тебя, было раньше другое имя. Я узнал тебя, отец Майкл. Ты не просто монах, ты

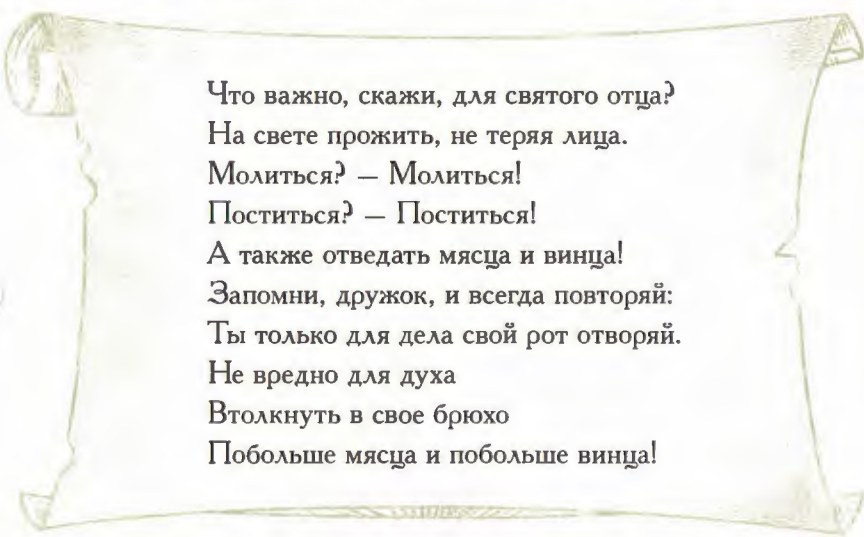
священник, удравший от ненавистного аббата. А я — Робин Гуд. Так зовут меня теперь.

— За здоровье Робин Гуда! — поднял отец Тук полный рог вина.

— Послушай, святой отец. Нам в Шервудском лесу нужен священник. Не безбожники же мы, в самом деле. Некому нас наставить на путь спасения! Пойдем со мной. И оленина на лесном костре отлично прожаривается и пахнет дымком. И шотландского эля у нас вдоволь. И молодцы мои — люди верные, надежные и веселые. И уж спуску не дадут аббату, попадись он только! Право же, пойдем. Прямо сейчас. А подраться на дубинках мы еще успеем.

— Ну что ж, — сказал отец Тук. — Пусть будет по-твоему. Только погоди минутку. Не пропадать же в самом деле доброму вину.

И, вновь наполнив оба рога, он протянул один Робину и запел во всю свою могучую глотку веселую песню:

Что важно, скажи, для святого отца?
На свете прожить, не теряя лица.
Молиться? — Молиться!
Поститься? — Поститься!
А также отведать мяса и вина!
Запомни, дружок, и всегда повторяй:
Ты только для дела свой рот отворяй.
Не вредно для духа
Втолкнуть в свое брюхо
Побольше мяса и побольше вина!

ГЛАВА VI

Сэр

Ричард Ли

Поститься очень полезно для здоровья, — сказал Робин Гуд. На лице у отца Тука изобразились сомнение и тоска одновременно.

— Но! — сказал Робин. — Я пропостился уже целых три часа и думаю — самое время пообедать. Отец Тук, пригляди, чтобы ребята как следует накрыли на стол. А ты, Маленький Джон, давай-ка схлопочи гостя к обеду.

— Охотно, Робин.

— Да прихвати с собой Вилли. Мач, и ты собирайся. Только смотрите не трогайте честных йоменов, бедных

тружеников, и дайте спокойно проехать или пройти любой компании, в которой есть женщина. Поняли? Пусть она будет хоть норманнская баронесса.

— Так какого ты ждешь гостя? — спросил отец Тук у Робина. Он не очень еще привык к шервудским обычаям.

— А птицу пожирнее! — засмеялся Робин. — Аббата. Или епископа, к примеру. И шерифа изловить тоже была бы удача. Его кошель никогда не бывает пустым. Сойдет и какой-нибудь рыцарь.

Маленький Джон, Вилли Скарлет и Мач, сын мельника, прихватив луки, как всегда неслышно ступая в своих мягких остроносых сапогах, двинулись в сторону дороги, ведущей в Уотлинг. Это была старая дорога, построенная в незапамятные времена еще римлянами. Начиналась она в Дувре и дальше вела в Лондон и, кажется, еще дальше, через леса Средней Англии на Честер.

Дойдя до дороги, вся троица притаилась на опушке, но, как они ни вертели головами, ни с востока, ни с запада никто не появлялся.

Наконец Вилли Скарлет заметил рыцаря, едущего верхом на коне.

Но, боже мой, что это был за рыцарь и что это был за конь!

Седок уныло глядел перед собой, взгляд его застыл, и казалось, он не видит дороги и не замечает ничего вокруг. На нем был какой-то изодранный плащ с капюшоном и сапоги, на которых никаким чудом не удержались

бы шпоры, так они были разношены. У бедной лошади ввалились бока и торчали ребра. В нечесаной гриве было полно репьев. От обоих веяло такой тоской, такой неизбывной бедой, что Маленький Джон засомневался было, уж не оставить ли бедолагу в покое. Но Маленькому Джону очень хотелось есть, а Робин велел непременно кого-нибудь привести к обеду. Он вышел на дорогу и схватил лошаденку под уздцы.

— Добро пожаловать в наши леса, сэр рыцарь, — сказал он учтиво. — Мы тебя давно уже поджидаем. Наш хозяин в рот ничего не берет, все ждет тебя к обеду.

Рыцарь откинул капюшон. Это, безусловно, был сакс, потому что норманны брили бороду, а у этого была курчавая, русая с проседью бородка, светлые глаза и очень мягкая, добрая улыбка.

— Ты принял меня за кого-то другого, приятель. Меня никто не знает в этих краях. И поэтому никто тут ждать не может.

— Уверяю тебя, я послан именно за тобой. Окажи нам честь и отобедай с нами.

— Но кто же послал тебя? — недоумевал рыцарь.

— Меня послал Робин Гуд. Знакомо ли тебе это имя?

— Я слышал о нем, — отвечал рыцарь. — Люди говорят о Робин Гуде как об отважном и независимом человеке, который не покоряется ни аббатам, ни норманнским баронам. И еще ходят слухи, что он помогает простым людям и многих уже выручил из беды.

— Все это — чистая правда, сэр, а потому не будем больше мешкать.

Сильная рука верзилы крепко держала уздечку его коня. К тому же рыцарь действительно был голоден.

— Ну что ж, — согласился он. — Я последую за тобой, если ты укажешь мне путь.

— Добро пожаловать, благородный рыцарь!

Так приветствовал прибывшего Робин Гуд, когда Маленький Джон, Вилли Скарлет и Мач доставили грустного седока на поляну, где в самой глуши леса рос огромный дуб.

— Ты, верно, долго был в пути, — продолжал Робин. — У тебя усталый вид. Прошу тебя, будь нашим гостем. Обед уже давно готов.

И он подвел прибывшего к столу.

А на столе были разложены горы хлеба, и стояли большие кожаные бутылки с вином, и было сколько душе угодно жареных лебедей и фазанов, и много рыбы, выловленной в прозрачных водах лесного ручья, не говоря уже о запеченной на вертеле оленине. Как принято с давних пор говорить в Англии — стол стонал от изобилия.

— Спаси тебя Господь, Робин Гуд, а также всех твоих молодцов. Давно уже не приходилось мне сидеть за таким роскошным пиршественным столом. Знай, что я бедный и несчастный рыцарь, сломанный жизненными напастями. Зовут меня сэра Ричарда Ли.

— Расскажи нам потом о себе, — сказал Робин, — но сначала утоли голод.

Отец Тук, умильно сложив руки на животе, прочел молитву, и все принялись за еду.

И был этот пир таким дружеским и веселым, что сэръ Ричард Ли ненадолго забыл о своих печалях.

А Робин все подкладывал и подкладывал ему на большую деревянную тарелку самые лучшие кусочки.

— Благодарю тебя, благородный Робин Гуд. Я не ел так много аж с самого Михайлова дня. Если Бог даст мне снова жить в этих краях, я угощу тебя столь же роскошно, поверь мне.

И сэръ Ричард Ли стал собираться в путь.

— Повремени немного, рыцарь, — сказал Робин. — Наш обычай таков — всякий, вкушивший хлеба за нашим столом, оставляет за это плату.

Рыцарь ответил ему горьким смехом.

— Мне не хватит средств расплатиться хотя бы за один кусок, не говоря уже о столь богатом угощении. В моем кошельке — всего десять серебряных шиллингов.

— Пожалуйста, не прими это в обиду, рыцарь. Но у нас принято проверять, правду ли говорит наш гость. Пойди, Маленький Джон, отвяжи поклажу от седла и проверь содержимое.

Затем, снова повернувшись к гостю, Робин продолжал:

— Если ты сказал правду, ни одного пенни из твоих денег мы не тронем. И если тебя в самом деле одолела нужда, мы готовы помочь тебе, чем сможем. Никто из обитателей Шервудского леса никогда не относился к благородному рыцарю с презрением из-за его бедности.

Тем временем Маленький Джон расстелил на траве плащ и вытряхнул на него содержимое седельных мешков. Оттуда вывалились скудные пожитки рыцаря и выкатилось ровно десять серебряных монеток. И не было в этих

мешках решительно ничего, что имело бы какую-либо ценность.

Маленький Джон поспешил доложить:

— Рыцарь сказал истинную правду. Я ничего не обнаружил, кроме объявленных десяти шиллингов.

Робин кивнул и обратился к гостю:

— Скажи же, благородный рыцарь, почему же ты так обеднел? Разбазарил свое имущество на женщин? Проиграл в карты? Неумело вел хозяйство?

— Нет, клянусь святым Бернардом, Робин Гуд, все обстоит вовсе не так. Дело в том, что моего близкого друга, сэра Энгельрика, взяли в плен сарацины. Он сопровождал его величество короля Ричарда Первого в походе за освобождение Гроба Господня. И вот эти нехристи потребовали за него выкуп. Надо было отдать шестьсот золотых, а я смог набрать только двести.

— Да, — вздохнул Робин. — Нам всем тоже предстоит собирать выкуп, да побольше, чем шестьсот золотых. Наш король пленен. Но не в Палестине, а в Европе. И находится в неизвестном месте. А выкуп требуется огромный.

— Увы, — вздохнул рыцарь.

— Но что же было дальше? — спросил Робин.

Зеленые стрелки окружили Робина и рыцаря, с сочувствием слушая его историю.

— Я заложил одному аббату за четыреста золотых свой замок и родовые земли и выкупил друга. Но завтра в полдень истекает срок моей закладной. А я не смог собрать к сроку эти четыреста золотых, и вот завтра, если

аббат не даст мне отсрочку, я остаюсь гол, бесправен и нищ.

— И нет у тебя друзей, которые могли бы тебя выручить? — поинтересовался Маленький Джон.

— Были, — отвечал рыцарь. — Много их было, когда я был весел, богат и щедр.

— А что за аббат, который дал тебе мизерную сумму в четыреста золотых за родовой замок и наследственные земли? Кто этот сквалыга?

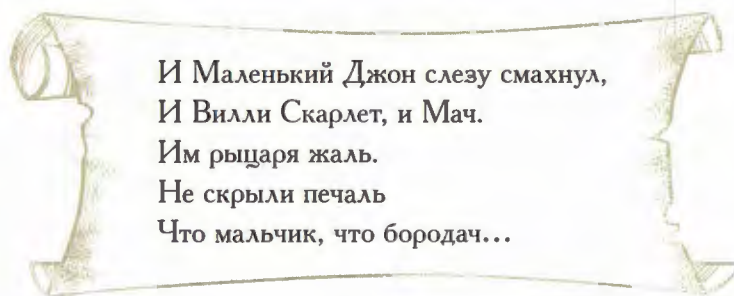
— Настоятель аббатства Святого Квентина в Йорке.

— Так вот это кто! — воскликнул Робин.

— Ты встречался с ним?

— Встречался. И надеюсь встретиться еще, — посуровев, ответил Робин Гуд.

Всех очень растрогала печальная повесть, которую поведал о себе благородный рыцарь сэр Ричард Ли. Вот как об этом поется в одной старинной балладе:

И Маленький Джон слезу смахнул,
И Вилли Скарлет, и Мач.
Им рыцаря жаль.
Не скрыли печаль
Что мальчик, что бородач...

Робин Гуд поднялся из-за стола. Его щедрое сердце не выдержало:

— Маленький Джон! Отправляйся в пещеру и отвори тот самый сундук. Ни аббат, ни епископ — никто не посмеет сделать благородного сакса нищим.

Маленький Джон удалился и вскорости вернулся с двумя увесистыми мешочками.

— Ты посчитал как следует, друг мой?

— Да, Робин. Весь долг и еще немножечко, чтобы рыцарю продержаться какое-то время.

— Хорошо! — одобрил Робин. — Но приличествует ли рыцарю щеголять в таком изношенном одеянии? Отмерьте ему как следует зеленого и красного линкольнского сукна. И выдайте-ка ему пару новых сапог и к ним — золоченые шпоры.

Вилли Скарлет и Мач кинулись к запасам сукна.

— Давай-ка, Мач, мой мальчик, разматывай сукно да отмеряй пощедрее!

— Чем же мы будем мерить, Вилли?

— А добрый лук, по-твоему, плохая мера?

И они стали весело отмерять и зеленое, и красное сукно, наматывая его на лук.

Они принесли сукно, и еще роскошный пурпурный плащ, и пару добротных сапог, и к ним — звонкие золоченые шпоры.

Рыцарь то смеялся, то плакал от счастья.

— Когда мы снова увидим тебя, сэр Ричард? — спросил Робин.

— Даю вам всем свое рыцарское слово, что ровно через год я верну вам долг. Сэр Ричард Ли еще ни разу в жизни своего слова не нарушил.

И он отправился в аббатство Святого Квентина счастливым и окрыленный.

Аббат, настоятель монастыря Святого Квентина, сидел за изобильно накрытым столом. Напротив восседал лорд судья, которого он пригласил не только ради того, чтобы он поделил с ним трапезу. Судья мог понадобиться, чтобы быстро оформить бумаги на владения сэра Ричарда в том случае, если он не успеет вернуть долг. Время близилось к полудню, и настроение аббата улучшалось и улучшалось.

— Если он не покажется сегодня, то лишится всего своего имущества. Но так ему и надо, этому гордецу, — разглагольствовал аббат.

Его помощнику, отцу приору, было все-таки жаль рыцаря.

— Но ведь он одолжил деньги для благородного дела, — сказал приор. — Что, если он еще не вернулся из Палестины, куда он повез выкуп?

— Вам бы лучше помолчать, — сердито отозвался аббат. — Разве закон не на нашей стороне?! И в результате аббатство станет еще богаче. Вам что, это в убыток, что ли, отец приор?

— Почем знать. Может, его уже давно убили сарацины или разбойники повесили в лесу на дубовом суку? — меланхолично заметил келарь, толстенный монах, который заведовал в аббатстве продовольственными и винными погребами.

— Что вы обо всем этом думаете, лорд судья? — спросил аббат.

— Да ничего не думаю, — отозвался судья. — Не придет он, и все.

Затем, слегка подумав, он оторвал кожу от дикой утки и положил ее перед собой на глиняную тарелку. И всем им было невдомек, что в это самое время сэр Ричард Ли уже подъезжает к воротам аббатства. Скинув малиновый плащ, он оказался в прежнем своем — ветхом и драном. Спрятав мешки с золотом под полую, рыцарь вошел в трапезную. При виде его аббат побледнел и лицо его вытянулось.

— Принес денег? — резко спросил он, не отвечая на приветствие вошедшего.

— Ни пенни.

— Ага.

На жирное лицо аббата вползла улыбка, и он, отрезав себе хороший кусок сочного мяса, насаженного на вертел, набил им рот и начал жевать.

— Зачем же ты явился сюда? — заговорил он с наби-
тым ртом.

— Просить отсрочки.

Сэр Ричард Ли опустился на колени.

— Ни дня, ни часа, ни минуты!!! — взревел аббат. —
Вот тебе десять золотых, — обратился он к судье, — зай-
мись, пожалуйста, бумагами, перепиши имения и замок
Ричарда Ли на аббатство Святого Квентина.

Лорд судья радостно схватил деньги и выпил винца
за здоровье аббата.

— Разве вы не вступитесь за меня, высокочтимый лорд
судья? — умоляющим голосом спросил сэр Ричард.

— Как же я могу, раз аббат мне уже заплатил? —
возразил судья.

— Убирайся отсюда, ты — лживый рыцарь, не выпол-
няющий своих обещаний. Вон!

Сэр Ричард вскочил с колен и придвинулся к аббату,
сжимая кулаки.

— Лживым я никогда не был. На! Возьми свои деньги
и немедленно верни мне закладную! — прокричал он
в гневе, один за другим швыряя на стол оба мешочка
с золотом. — Никогда, никогда не достанутся земли Ри-
чарда Ли тебе, бесстыдный и безжалостный аббат!

Проговорив это, сэр Ричард вырвал из рук судьи свою
закладную и поспешно покинул аббатство.

На зубчатой стене замка стояла женщина, красивая
и печальная, и пристально глядела на дорогу. Неделю на-

зад ее муж, сэр Ричард Ли, отправился в аббатство Святого Квентина в Йорке просить отсрочки уплаты по закладной. Она знала, что аббат — алчный, крутой, жестокий человек. Надежды было мало. Она была готова встретить своего мужа и остаться с ним на всю жизнь в нищете. Она любила его. Но она не переставая молила Господа о чуде и в глубине души в это чудо верила.

Под вечер она услышала цокот копыт, и был он какой-то неожиданно звонкий, добрый и веселый. Стражник трижды протрубил в рог, что означало, что прибыл сам хозяин, и опустил подъемный мост. Ворота замка распахнулись, и рыцарь въехал во внутренний мощный двор.

Супруга, опережая слуг, первой выбежала ему навстречу.

— С возвращением домой, дорогой мой! — воскликнула она. — У тебя такой веселый вид, что, верно, аббат сжался над нами!

— Погибель на этого аббата! — воскликнул сэр Ричард. — Если бы мы положились на его милость, мы бы побрели сейчас по дороге с протянутой рукой. Радуйся, женушка, и замок, и земли — наши! И все это благодаря благороднейшему, великодушнейшему Робин Гуду!

— С этого дня я буду поминать его в своих молитвах, — сказала она.

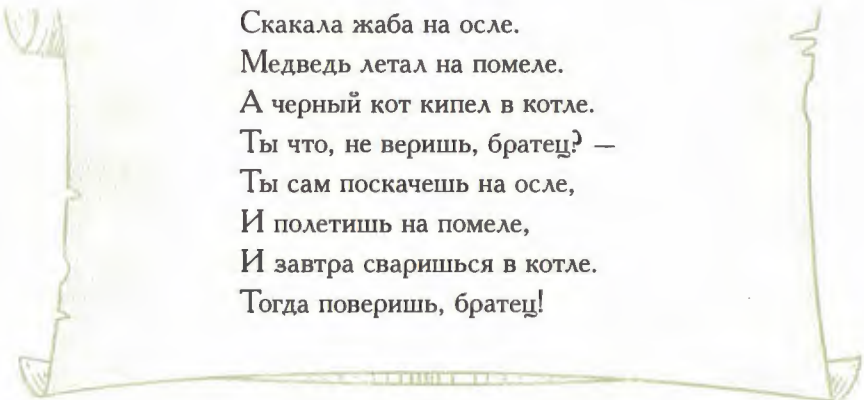
ГЛАВА VII

Как Робин Гуд превратился в гончара

У

тро было серое. Солнце пряталось за тонкой непрозрачной дымкой. Дождя не было, ветра не было, а только зависла в воздухе какая-то скука.

Вот, чтобы развеять эту скуку, и отправились Робин Гуд, Маленький Джон и Вилли Скарлет на поиски приключений. И только вышли они на дорогу, которая вела из Мэнсфилда в Ноттингем, как до их слуха донесся скрип колес. Кто-то ехал на тележке в сторону Ноттингема и во всю глотку распевал дурацкую песню:

Скакала жаба на осле.
Медведь летал на помеле.
А черный кот кипел в котле.
Ты что, не веришь, братец? —
Ты сам поскачешь на осле,
И полетишь на помеле,
И завтра сварись в котле.
Тогда поверишь, братец!

Робин расхохотался.

— Кто это к нам сюда жалуется?

— Думается мне, я узнаю этот голос, — сказал Маленький Джон. — Я знал его когда-то. Это Тэм, горшечник из Мэнсфилда. Веселый парень и толстый, как монастырская бочка. Не хуже нашего отца Тука. Но, между прочим, когда бывают игрища с дубинками, он крошит всех подряд. Равного ему не сыщешь во всей округе.

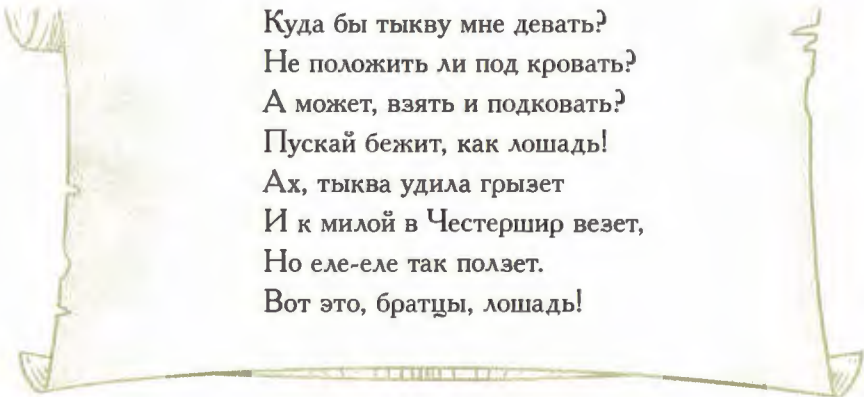
— Так уж и не сыщешь? — не поверил Робин.

— Бьюсь об заклад на пять серебряных монет, он любому из нас накостыляет!

Робина дважды подначивать было не надо.

— Заметано! — воскликнул он и отложил в сторону свой лук. — Посидите тут в орешнике. Я сам с ним поговорю.

Тем временем тележка приближалась и толстенный возница продолжал горланить:

Куда бы тыкву мне девать?
Не положить ли под кровать?
А может, взять и подковать?
Пускай бежит, как лошадь!
Ах, тыква удила грызет
И к милой в Честершир везет,
Но еле-еле так ползет.
Вот это, братцы, лошадь!

Как только Тэм поравнялся с Робинот, тот ступил на дорогу.

— Приветствую тебя, славный гончар, — сказал Робин, хватаясь правой рукой за вожжи.

— Чего тебе надо, подлец ты из подлецов?! — выругался детина, смерив Робина с ног до головы злым сверлящим взглядом.

— Плати пошлину — ровно один пенни за пользование Королевской дорогой, — сказал Робин, продолжая держать лошадь под уздцы.

— Это ты, что ли, король у нас? — прорычал Тэм-горшечник.

— Я. А ты и не знал до сих пор? Я — король Шервудского леса! Давай гони деньги, иначе не тронешься с места.

— Клянусь распятием, — завопил Тэм, соскакивая с тележки, — что пошлины я платить не стану, потому что я ее никогда не платил! Но если ты не отпустишь мою лошадь, я мигот превращу твою королевскую шкуру в мелкое сито.

— Ну-ка попробуй, господин гончар, — подначил его Робин.

Дело шло к потасовке, а этого он и добивался. Сейчас он увидит, каков на самом деле в драке на дубинках этот Тэм-горшечник из Мэнсфилда.

Оба быстренько вырезали себе по дубинке, и сражение началось.

Маленький Джон и Вилли Скарлет с интересом наблюдали за состязанием.

Прыжок, еще прыжок, скачок вправо, скачок влево, взмах вверх, взмах у самой земли, удар, удар, удар — и, как Маленький Джон и предсказывал, Робин оказался на земле.

— Вот тебе пошлина, бери! — сказал толстый гончар, отдуваясь.

Он уже было собрался снова вскарабкаться на свою тележку, как из кустов вышли двое, одетые в зеленое линкольнское сукно.

— Ну что, господин мой, выиграл я свои пять серебряных? — смеясь, спросил Маленький Джон Робина, с кряхтением поднимавшегося на ноги. — Я же тебя предупреждал!

— Клянусь, если бы я спорил и на сто золотых, я бы тебе их отдал! — весело отозвался Робин.

— А не попробовать ли и мне? — сказал Маленький Джон, поднимая дубинку Робин Гуда с земли.

— Нет, не надо, — сказал Робин. — Мастер-гончар уже показал себя, хватит с него на сегодня. У меня родился другой план.

И, обращаясь к Тэму-горшечнику, он спросил:

— Послушай-ка, друг, а сколько бы ты попросил за весь свой товар?

— Давай мне четыре серебряных марки и забирай все это хозяйство, — сказал гончар. Победа сделала его ласковым и сговорчивым. — Если хочешь, я одолжу тебе и лошадь и тележку, только верни их вовремя, ладно?

— Договорились, — сказал Робин. — Только вот еще что. Я тебе дам не четыре, а пять серебряных марок, но за это поменяйся со мной одеждою.

— Согласен-согласен, — затараторил Тэм-горшечник, полагая, что встретил большого простака, который, не дай бог, одумается и очень скоро пожалеет о своей глупой сделке.

Минут через пять переодетый Робин Гуд прыгнул в тележку и, тронув вожжи, двинулся в Ноттингем на ярмарку под дружный хохот Маленького Джона и Вилли.

— Эй, Робин, — крикнул Вилли Скарлет. — Если распродашь свои горшки, прикупи штуку линкольнского сукна!

— Хорошо! Хорошо! — отозвался Робин.

И цокот копыт замер в отдалении.

Тем временем погода разгулялась, серые облака сдвинулись к западу, выглянуло солнышко и у всех на душе повеселело.

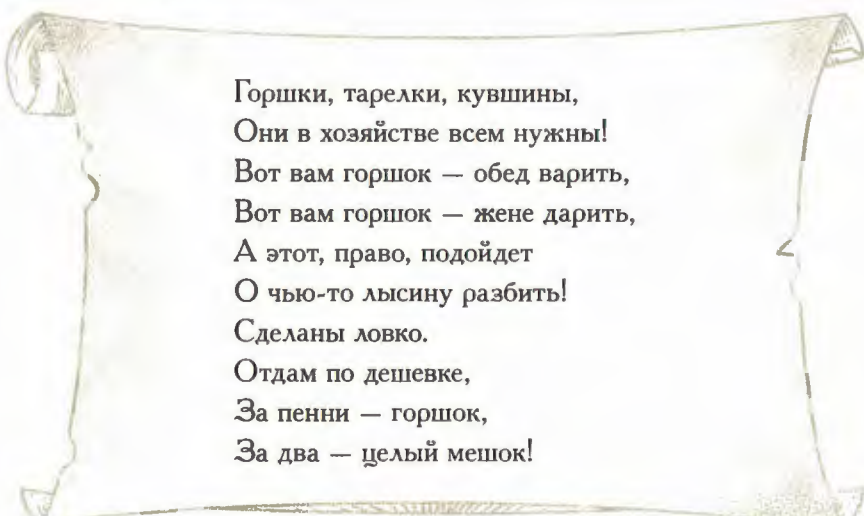
Ярмарка шумела на рыночной площади и на мощенных булыжником улицах Ноттингема.

Каждый продавец расхваливал свой товар. Робин Гуд, совершенно не думая о том, что рискует головой, ездил

M.H. 95r

со своей тележкой по тесным улочкам и, увлекшись ролью гончара, выкрикивал:

Горшки, тарелки, кувшины,
Они в хозяйстве всем нужны!
Вот вам горшок — обед варить,
Вот вам горшок — жене дарить,
А этот, право, подойдет
О чью-то лысину разбить!
Сделаны ловко.
Отдам по дешевке,
За пенни — горшок,
За два — целый мешок!

Женщины толпились возле его тележки, и Робин действительно продавал очень дешево. Не прошло и часа, как он расторговал почти весь свой глиняный товар.

А над Ноттингемом в это время несся веселый колокольный звон.

— Эй, братец, — остановил он прохожего. — Чего здесь сегодня так веселятся? Вроде бы по случаю ярмарки в колокола трезвонить не положено. Или ваш каноник сбрендил от обжорства?

— Может, и сбрендил, — меланхолично отозвался тот. — Но звонят-то сегодня не поэтому. Господин шериф сегодня женится. Вот только-только поехали из церкви к шерифову замку — пировать.

— Клянусь святым Кутбертом, вот новость так новость! Сделаю-ка я этой старой лисе свадебный подарок.

Не сказано ли в Писании, чтобы мы прощали врагам нашим и молились за них!

И Робин, исполненный веселой отваги, быстренько развернул лошадь и укатил с базарной площади. Это новое приключение — лично отвезти шерифу в качестве свадебного подарка оставшиеся у него большие глиняные блюда и тарелки — очень его увлекало.

Мнимый горшечник свернул в роскошный норманнский квартал и вскорости остановил свою тележку у дома шерифа. Сложив весь товар в корзину из ивовых прутьев, он, недолго думая, двинулся к парадному крыльцу и громко постучал.

Служанка, приоткрывшая дверь, тут же велела ему убираться прочь.

— Погодите гнать меня, мадемуазель, — вежливо обратился к ней Робин. — Я принес маленький свадебный подарок для высокочтимой леди де Жанмер.

И надо же было такому случиться, что у молодой хозяйки как раз не хватало блюд и тарелок, потому что гостей на свадебный пир ожидалось великое множество. Служанка велела Робину подождать, а сама кинулась к госпоже объявить ей, что гончар из Мэнсфилда как раз и принес ей в подарок недостающую посуду.

— Пригласи этого человека на кухню и угости его, — распорядился шериф, который в это время оказался рядом с молодой супругой и слышал, что сказала служанка.

«Удача! — подумал Робин. — Главное — попасть в дом к шерифу, а там уж судьба подскажет, как пойдут дела».

И когда он сидел и уплетал жареное мясо, которое в огромном количестве ему навалили на деревянную тарелку, в кухне появился сам шериф.

— Не хочешь ли остаться и посмотреть на соревнования лучников, добрый гончар? — предложил он. — Сегодня придут сильнейшие стрелки. Состязания устроены в честь нашей свадьбы.

— С великой радостью, сэра, — отозвался Робин Гуд. Сердце его ликовало.

После того как гости отобедали, все, во главе с молодыми супругами, отправились на стрельбище, устроенное недалеко от городской стены.

Выстрелили первые несколько лучников. Ох как чесались руки у Робин Гуда — вот бы показать всем, что такое настоящая стрельба из лука! Но у него в голове уже созрел другой план.

Через некоторое время он обратился к шерифу.

— Будь у меня лук, ваша милость, я бы показал им всем, как надо стрелять! — заявил он с глуповатой улыбкой.

Гости шерифа и лучники подняли его на смех.

— Уж не чересчур ли ты напробовався хорошего эля в доме его милости? Иначе ты не решился бы так рассуждать в присутствии лучших стрелков Ноттингема!

— Пусть попробует! — распорядился шериф.

И «горшечнику» тут же предложили на выбор полдюжины луков. Робин осмотрел их по очереди, кое-где подтянул тетиву, снова осмотрел.

— Слабоваты, — сказал он, и все опять засмеялись.

Затем он, приладив стрелу к луку, натянул тетиву и нарочно выстрелил мимо цели.

Тут же раздался оглушительный хохот, и Робин Гуд, сделав вид, что очень расстроился, сказал, обращаясь к шерифу:

— Если бы у меня был с собой лук, который мне однажды подарил Робин Гуд, вот тогда бы я им всем показал!

— Что такое, господин гончар? — сказал шериф. — Ты знаком с Робин Гудом?

— Очень хорошо знаком, — быстро ответил Робин. — Однажды он подарил мне замечательный тисовый лук. Между прочим, завтра я как раз должен с ним встретиться. Он поручил мне купить штуку линкольнского зеленого сукна в Ноттингеме. За эту услугу он заплатит мне две золотые марки.

Шериф, обняв Робина за плечи, отвел его в сторону.

— Послушай, приятель, я заплачу тебе пятьдесят золотых и дам в придачу штуку зеленого сукна, — зашептал он. — Сделай так, чтобы я встретился с Робин Гудом один на один.

— Охотно, — отозвался «горшечник из Мэнсфилда».

— О, тогда награда от принца... ммм, то бишь короля Джона, мне обеспечена!

«У, негодяй! — подумал Робин. — Король Ричард жив, и не ты ли, подлец, из тех, кто одним из первых должен позаботиться о выкупе законного сюзерена! Постой, покажу я тебе “короля” Джона!»

Шериф де Жанмер был в восторге от договора с Робин-ном. Он просил «гончара» переночевать в его доме, чтобы утром отправиться в его тележке в Шервудский лес. Шериф собирался прихватить парочку своих людей, посадив их в тележку и прикрыв до поры линкольнским сукном.

На следующее утро все встали вместе с солнцем, купили у торговца тканями целую штуку зеленого линкольнского сукна. Под сукном залегли на соломе двое вооруженных шерифовых слуг.

Тележка весело катилась по дороге, потом «горшечник», правивший лошадьё, свернул на боковую дорожку, а затем и вовсе въехал в дикую чащу. Тут он остановился и объявил шерифу:

— Вот здесь мы и должны встретиться с Робин Гудом, ваша милость, господин шериф.

— Но где же он? Что-то я его не вижу!

— Мы условились, если я прибуду на место первым, то трижды дуну в рожок.

— Что-то мне все это не нравится! — закричал шериф. — На звук рога может явиться вся его банда, а ты обещал мне, что мы встретимся с ним один на один.

Робин весело засмеялся.

— Ну где твои мозги, шериф? — сказал он. — Мы ведь с тобой находимся один на один аж со вчерашнего дня! Так что я своего обещания нисколько не нарушил!

И он с такой силой дунул в свой рожок, что эхо прокатилось по всему лесу.

— Ты обманул меня, подлец! Люди, взять его, это сам Робин Гуд! На виселицу его! На виселицу!

Но Робин схватил свободный конец зеленой материи, с размаху швырнул прямо в лицо шерифу и быстрым движением обмотал сукном ему голову. И пока слуги шерифа помогали ему выпутаться, из-за каждого куста выскочило по человеку в зеленом. Каждый уже натягивал тетиву.

— Не трогай их, Маленький Джон! Скарлет, оставь этих людей! Шерифу уж очень хотелось встретиться с Робин Гудом. Было бы слишком неучтиво прикончить его за это. Лучше пригласим его за стол — закусить перед возвращением назад, в Ноттингем.

— Как «возвращением», Робин? — удивился Маленький Джон. — Ведь это же твой заклятый враг! Неужели ты его вот так и отпустишь?

— Уж тебя-то он не пощадит, попадись ты ему, — сказал Вилли Скарлет.

— Друзья мои, Симон де Жанмер только вчера обвенчался со своей невестой. Вообразите горе молодой женщины, которая овдовеет на второй день после свадьбы. Нет, так огорчать женщину я, право же, не могу, воля ваша.

— Клянусь вам всем, что больше не трону никого из вас, перестану преследовать даже ради повелителя, принца Джона, — истерически вопил до смерти перетрусивший шериф.

— Робин, неужели ты согласишься этой хитрой лисе, этому злобному волку, этому хищному ворону? — взвился Вилли.

— Нет, друг мой. Не поверю. Но ради Пречистой Девы принес я клятву не доставлять горе женщине любого сословия, если только это в моих силах.

— Что ж, дети мои, вспомним с вами слова Спасителя: «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут». Я понимаю тебя, Робин, — поддержал его отец Тук.

И повели норманнов за богато накрытый стол и угостили их по-королевски. И Робин собственноручно отрезал для них лучшие куски и подливал в их чаши отличное испанское вино. И заставлял их всех пить за здоровье леди де Жанмер.

А затем, получив с шерифа обещанные пятьдесят золотых, Робин Гуд и Вилли Скарлет, как всегда, завязав «гостям» глаза, вывели их на Ноттингемскую дорогу.

Но, на беду, леди де Жанмер была посвящена в дела шерифа. И раньше времени разболтала, что муж ее вернется, ведя с собой на веревке разбойника Робин Гуда. Когда неудачливый шериф со своими спутниками появился у городских ворот, их встретила огромная толпа. Люди хотели посмотреть на знаменитого короля Шервудского леса.

Но, завидев еле волочащую ноги перепуганную троицу, походившую больше на подстреленную дичь, чем на героев-победителей, толпа взорвалась бешеным хохотом. Обидным насмешкам и остроумным шуткам не было конца аж до следующего утра.

И Симон де Жанмер, забыв о великодушии Робин Гуда и о своем обещании оставить лесных стрелков в покое, поклялся, что вздернет его на виселицу, попадись он только ему в руки.

Симон де Жанмер, шериф Ноттингемский, понятия не имел о чести и был человеком глубоко непорядочным!

ГЛАВА VIII

Как Робин Гуд перехитрил аббата

Аббата из монастыря Святого Квентина мучил тайный страх. Он-то лучше кого бы то ни было знал, что это по его милости Роберт Фитцутс оказался вне закона. Всё, что мог, алчный паук пригреб к своему аббатству: и плодородные земли, и родовой замок. Только небольшую часть богатства пришлось выделить сэру Гаю Гисборну, и то после того, как тот с ним хорошенько поторговался. Но сэр Гай был приближен к принцу Джону. А это могло сулить аббату немалые выгоды в будущем.

Но доносили, конечно доносили аббату, что сделался Роберт Фитцутс Робин Гудом — королем Шервудского леса. И что народ его любит и почитает, а в свою оче-

редь и он людям — помощь и защита. Все это для жадного и трусливого аббата означало одно: бунтарь и опасный человек.

Знал, знал мерзкий аббат, как опасно показываться на Большой Королевской дороге аббату или епископу с толстой мошной. А что, если разоренный и обманутый им родственник доберется и до него? Не проткнет ли тот его мечом? Не повесит ли в лесу на первом попавшемся суку? Брр! Страшно!

Как это в жизни бывает с плохими людьми, аббат не мог простить Робину того горя, которое он сам же ему причинил.

Нет, надо было что-то предпринять, иначе этот страх, эти бессонницы совсем изведут бедного аббата. И вот однажды, взгромоздившись на свою белую откормленную кобылу, в сопровождении каноника и двух молодых послушников, не без внутренней дрожи, он отправился в путь из Йорка к шерифу в Ноттингем. Трясаясь от ужаса и беспрестанно бормоча молитвы всем святым, он благополучно миновал лесную часть дороги и беспрепятственно добрался до норманнского квартала Ноттингема, где жил шериф. Построенный еще в прошлом веке, большой и добротный дом шерифа больше напоминал замок. Аббат застал хозяина сидящим у камина в своем кабинете в послеобеденный час.

В комнате было душно. Шаги заглушали набросанные на пол оленьи шкуры. Из полумрака выступало деревянное кресло с прямой резной спинкой. Подле него сидел белый алан — любимый охотничий пес шерифа.

Хозяин медленно повернул голову и вопросительно уставился на пришедшего. Поздоровавшись, аббат произнес:

— Господин шериф, я требую, чтобы были приняты серьезные меры. Необходимо, чтобы вооруженные лучники были направлены в Шервудский лес. Этот богопротивный Робин Гуд, или как там его называют, должен же быть в конце концов выловлен и наказан!

— Садитесь, ваше преподобие, и поговорим спокойно, — лениво отозвался шериф, с трудом переваривая гусиный паштет, оленье жаркое и тяжелый мясной пирог, съеденные за обедом.

— Никто, как я, не разделяет вашу тревогу, — продолжал он. — Если б я мог, уж поверьте мне, я не лишил бы себя удовольствия вздернуть негодяя на самой высокой виселице. Чтоб из самого Лондона было видно!

Тут шериф вспомнил, сколько сраму он натерпелся на второй день своей свадьбы, и его маленькие глазки еще больше сузились.

— У меня у самого, — продолжал он, — немало причин желать еще и личной мести. Но надо собрать для поимки этих каналий уйму народу, а все местное население, похоже, снюхалось с ними и всячески их поддерживает.

— Да, но норманнская аристократия, но бароны! — воскликнул аббат. — Они-то уж наверняка с ним не «снюхались». И вряд ли они в своих укрепленных замках будут бояться мести этих бродяг.

— Тут вы правы, святой отец, — ответил шериф, — но как только кто-нибудь из баронов задумывает на них

облаву, Робин Гуд каким-то таинственным образом немедленно получает предупреждение, и вся его банда исчезает. Их ищут здесь, а они оказываются в Бернисделе, или в Деламере, или еще бог знает где. Их поймать невозможно.

— Так что же делать, в конце концов? — воскликнул аббат.

— Попробуйте застать его врасплох, — посоветовал шериф. — Я дам вам несколько моих отличных стрелков, и отправляйтесь небольшим отрядом. Да! Вот что! У меня служит бывший дворецкий Робин Гуда в замке Хантингдон. Его зовут Уормен. Надо сказать, злая и завистливая тварь! Но тут можно как раз сыграть на его зависти к прежнему хозяину. Я уверен, он придумает какую-нибудь уловку.

— Да-а, сомнительно... Но все же надо попробовать и это средство, — сказал аббат. — Я отправлюсь с вашими лучниками, хоть это и не очень пристало моему сану. Однако я хочу сам убедиться, что этот негодяй пойман!

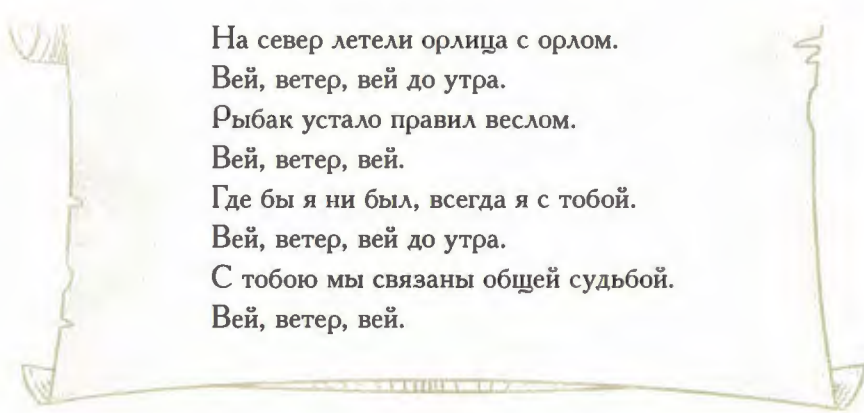
Шериф икнул, прикрывая рот ладонью.

— Не хотите ли освежиться, святой отец? — сказал он. — У меня прекрасное белое вино из Кастилии.

Робин Гуд бродил по лесу в поисках оленя. Ноги топились в мягком мху, ветерок шелестел вершинами дубов и буков, в лесу было тихо, спокойно, уютно.

По своей обычной манере, он шел, напевая:

На север летели орлица с орлом.
Вей, ветер, вей до утра.
Рыбак устало правил веслом.
Вей, ветер, вей.
Где бы я ни был, всегда я с тобой.
Вей, ветер, вей до утра.
С тобою мы связаны общей судьбой.
Вей, ветер, вей.

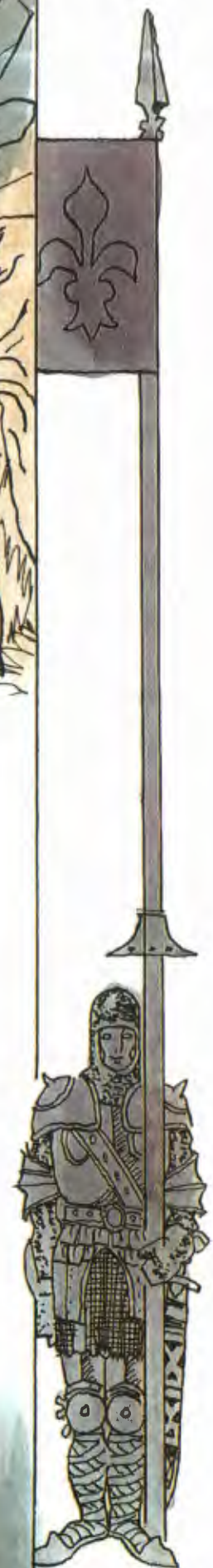
О ком он думал, кому посвящалась эта песня, знал только он один...

Вдруг куст терновника зашевелился. Робин мгновенно вскинул лук и замер в ожидании. Но это был не олень. Из колючих кустов выдирался человек. Видно, заблудившийся паломник, в обтрепанной одежде и увешанный мешками и мешочками для сбора подаяния.

— О, сэр, — воскликнул паломник каким-то деревянным, надтреснутым голосом, странно пряча от Робина глаза. — Вы, наверное, все тут знаете. Скажите, как мне поскорее найти Робин Гуда? Он — храбрый, он — благородный, этот Робин. Так все говорят. Он выручит. Он обязательно поможет.

— Какие у тебя новости? Что это вдруг тебе так понадобился Робин Гуд? Кому и в чем надо помочь? — засыпал его вопросами Робин.

— Ужасные дела, сэр, ужасные! Шериф велел повесить совсем невинного парня, совсем. Сына кузнеца Доналда.

М.П. 95г.

— Да ты что! Я знаю его, это отличный парень. Он недавно своего первенца крестил. За что же это?

— Да он настрелял голубей в Королевском лесу для своей ослабевшей после родов жены, а лесничий поймал его и сволок к шерифу.

Как же дешево стоила жизнь человеческая в те далекие времена, если можно было за голубей человека предать смерти! Как же дешево ценили ее власти, если Робин и на миг не подверг сомнению слова старика. Ах, что за времена! Что за времена!

Впрочем, разве они и после не повторялись?..

— Где он сейчас? — торопливо спросил Робин.

— Да где ему быть! Они его прямо из дома выволокли да повели вешать. И палач уж там, — с грустью отозвался паломник.

— Что ты за бестолочь! — рассердился Робин на паломника. — Где — там?

— Да неподалеку, можно сказать, что и рядом. Знаете, сэр, где стоит домишко за ручьем? Ну, вот там. Там еще растет на холме такой высокий сукастый дуб. Прямо на суку хотят вешать. Да. Скажите поскорее, сэр, где же мне искать Робин Гуда?

Не отвечая старику, Робин Гуд только махнул рукой и устремился в указанном направлении.

Нищий паломник мерзко и зловеще ухмыльнулся ему вслед. И лицо его вдруг стало очень похоже на лицо бывшего дворецкого Уормена.

А Робин, перепрыгнув ручей и миновав домик вдовы Хэмлок, взбежал, как по ровному, по склону холма и рванулся к дубу, где толпились какие-то люди.

«Но позвольте, — подумалось Робину. — Что это за странный сброд? Ага, виднеется красная форма шерифовых лучников. Но что-то я не вижу Майкла, сына кузнеца Доналда. И палача тоже не видно. Знаю я эту старую образину — ноттингемского палача. А это-то кто жирный такой, уж не сам ли аббат из Йорка?»

Робин поздно сообразил, что это ловушка.

— Гран мерси! — вопил аббат. — Вот он явился! Собственной персоной! Схватить немедленно!

Робин повернулся и кинулся бежать. Ему даже некогда было подумать, что вот и настал такой момент, когда отважному Робин Гуду приходится спасаться бегством. У него просто не было иного выхода: на холме под дубом собралось больше дюжины вооруженных людей.

Робин кинулся в сторону опушки, быстро нырнул под деревья, рванул в глубь леса, но аббат и сопровождавшие его стрелки были на лошадях, и еще с ними были собаки, которые тут же взяли след. Пытаясь сбить с толку своих преследователей, уже настигавших его в лесной чаще, Робин повернул назад, к домику вдовы. Он знал, что собак со следа не собьешь, но все же пытался выиграть хоть несколько минут.

В этот раз опасность действительно была велика. Аббату, ясное дело, захочется его прикончить. А что касается шерифа, то данное им слово тогда, в Шервудском лесу, вряд ли он сдержит. Он — человек злой, лживый и коварный.

Робин бежал так быстро, как и мальчишкой не бегал. Слава богу, дверь домика оказалась незапертой.

Не раздумывая, Робин птицей влетел в дом и мгновенно задвинул засов, рискуя при этом насмерть перепугать женщину, мирно сидевшую за прялкой. Но вдова Хэмлок сразу его узнала.

— У тебя беда, Робин? — с тревогой спросила она, тут же отложив работу.

— За мной погоня, — вымолвил он, с трудом переводя дух. — Аббат и шерифовы стражники. Они задумали меня прикончить.

— Нет! — вырвалось у вдовы.

— Быстро дай мне свое платье и переоденься в мое. Спрячься, не теряя ни минуты. Они не сомневаются, что я укрылся в твоём доме. Тебя очень скоро найдут, примут за меня и поволокут с собой. Но ты не бойся! Я тебя выручу, не успеют они добраться до Большой Королевской дороги.

— Чего только я не сделаю для тебя! — сказала вдова. — Не ты ли спас моих сыновей от виселицы? Не ты ли не дал мне умереть с голоду, пока им пришлось скрываться в далеких краях?

Они спешно поменялись одеждой. И вот уже вдова, одетая в зеленое линкольнское сукно, притаилась в холодной кладовке, а Робин, подвязав поверх платья фартук, низко надвинув чепец, уселся за прялку.

И тут же замолотили и заколотили в дверь; вскоре ветхая дверь поддалась под тяжелыми ударами, и преследователи ввалились в дом.

В доме они обнаружили женщину, сидящую за прялкой и мурлыкающую себе под нос старинную песенку про трех

M. 17. 95 r.

сестер — Дженнифер, Джейн и Розмари. Человека в зеленом нигде не было видно.

— Где Робин Гуд? — потребовал ее к ответу аббат.

— Право же, ваше преподобие, я не знаю никакого Робин Гуда!

— Обыщите дом! — приказал аббат. — Тут нет второй двери, и дом окружен. Значит, он здесь! Собаки привели нас сюда. Собаки не ошибаются, они не люди.

— Вот он, милорд! — завопил один из шерифовых стрелков. — Притаился в кладовой, каналья!

— Взять его! — рявкнул аббат.

И стрелки выволокли из дома упирающуюся и лежащую изом всех сил переодетую вдову, которая не выпускала из рук лук Робин Гуда.

— Может, и старуху возьмем с собой? — спросил один из шерифовых стрелков. — Похоже, ее можно обвинить в укрывательстве.

— Да дьявол с ней! Прости, Господи, меня грешного! — перекрестился аббат. — Разве нам до нее сейчас?!

— Поймал лосося — не лови уклейку, — заметил второй стражник.

— Однако какой он урод! — заметил третий из них. — И на мужика-то не похож.

— Он изменился неузнаваемо, — отозвался аббат. — Но я уверен, что это дурные его дела отпечатались у него на лице.

Несчастную вдову водрузили на одну из лошадей и крепко привязали к седлу.

Аббат до потери сознания боялся, что люди Робин Гуда могут отбить его пленника. Поэтому, поставив по одному стрелку по бокам лошади, велел немедленно трогаться в путь.

— Марш! Быстро! — вопил он. — На этот раз виселица получит хороший подарок!

Дверь в доме вдовы была сорвана с петель, и Робин Гуд отчетливо слышал каждое слово. Как только звуки затихли, он выскользнул из помещения и поспешил к своим. С разбегу выскочив на поляну, где рос огромный дуб, и думая только о том, как бы поскорее спасти добрую вдову, Робин совершенно забыл, какую он, одетый в женское платье, странную представляет собой фигуру.

При его появлении мирно дремавшие на траве Маленький Джон и Вилли Скарлет вскочили на ноги.

— Ведьма! Ведьма! — завопили они. — Отец Тук, скорее сюда, сотвори крестное знамение и прочти молитву!

Отец Тук при виде этого необычного явления на всякий случай отложил четки и, наоборот, схватил в руки дубинку.

Люди тогда (а может, и во все времена, только они потом хорошо научились это скрывать) твердо верили в колдунов и ведьм и очень их боялись. Они считали, что дьявол наделяет их сверхъестественной силой, очень опасной для добрых христиан.

— О Пречистая Дева, спаси нас! — взмолился перепуганный Мач.

— Я сейчас застрелю ведьму, пока она не успела нас околдовать, — решил Маленький Джон, прилаживая стрелу.

— Джон! Вилли! Мач! — крикнул им Робин, поспешно сдирая с головы чепец.

— Клянусь святым Дунстаном! Это еще что за чудеса?! — вскричал Маленький Джон, отправляя стрелу обратно в колчан. — Что это за новое приключение?

Все еще часто и неровно дыша от быстрого бега, Робин произнес только: «Собирайтесь, ребята!» — и, не теряя ни секунды, трижды протрубил в серебряный рог.

Тут же на поляну половодьем хлынули стрелки, одетые в зеленое сукно. Несмотря на серьезность положения, многие взорвались смехом. Уж очень чудно выглядел их доблестный предводитель в длинной юбке и кухонном переднике!

— Теперь слушайте! — на бегу объяснял Робин. — Все направляемся через лес к Светлому перекрестку. Нам надлежит добраться туда первыми. И там его преподобие будет ждать маленький сюрпризик.

Говоря это, он на бегу сбрасывал с себя женские тряпки и натягивал привычную одежду, которую захватил для него Маленький Джон.

Робин Гуд вел отряд — человек семьдесят лесных стрелков. Все были отлично вооружены луками и короткими мечами. Никто не забыл захватить с собой боевое оружие. Все знали: трижды повторенный сигнал серебряного рожка обозначает серьезную опасность.

Стрелки Робин Гуда продвигались тайными, им одним известными тропами, перебирались через овраги, обходили топкие болота. Они шли молча, сосредоточенно, стараясь не вспугнуть по пути ни одного дрозда, ни одной сороки.

Наконец они вышли к тому поросшему стройными буками месту, которое в народе называлось Светлым перекрестком. Как только они появились из чащи, тут же прибыли и трое разведчиков, которые доложили, что аббату с его стражей предстоит пройти еще по крайней мере полмили. Пяти минут хватило Робину, чтобы расставить людей. Стрелки затаились. Замерли. Слились с зеленью. Вскоре из-за поворота дороги до их слуха донеслись звуки оживленного разговора и взрывы хохота.

Вот уже показался аббат на своей молочно-белой кобыле. За ним следовали двое стражников. Они ехали по обеим сторонам коня, к седлу которого была прикручена пленница.

— И вы знаете, что я скажу шерифу? — весело говорил аббат. И вдруг он осекся и прошептал: — Спасите нас, святые Квентин и Дунстан и святая заступница Агафья...

Он сделался белым, как круп его лошади. Прямо перед ним, перегородив дорогу, опираясь на крепкие луки, неподвижно стояли человек тридцать, одетых в зеленое линкольнское сукно. А в самом центре этой цепи стоял некто, отчаянно похожий на Робин Гуда. Но ведь Робин Гуд вот он — на буланом коне, привязанный к седлу. Что это, наваждение? Видение? Оборотень?

Аббат оглянулся назад. Теперь уже весь его отряд показался из-за угла. И вот он увидел, как позади его лучников, на дороге, выскальзывая из-за деревьев, люди в зеленом выстраиваются в такую же цепь, как и перед ним.

— Мы окружены, милорд! — воскликнул один из сопровождавших пленницу.

Зеленые стрелки молчали. Но само это молчание и то, как неподвижно они стояли, сковало аббата смертельным страхом. Глаза его были устремлены на того, кто стоял в центре цепи.

— Кто ты такой, что позволяешь себе преграждать Королевскую дорогу? — спросил он, как ему показалось, строго. Но голос его дрожал.

Тот не отвечал и продолжал стоять не шевелясь, опираясь на свой лук.

— Сдается мне, этого человека зовут Робин Гуд, — заговорила вдруг молчавшая до сих пор вдова Хэмлок.

Аббат вздрогнул. Значит, он не ошибся, хоть и не видел Роберта Фитцутса вот уже много лет.

— А ты тогда кто? — завопил он не своим голосом.

— А я, между прочим, женщина, бедная вдова. Где только были твои глаза, толстый боров, хотела б я знать!

Положение аббата было просто безвыходным.

— Вперед! — в отчаянии крикнул он. — Стреляйте в них! Хватайте Робин Гуда!

Но вся его свита стояла, скованная ужасом, не шевелясь.

— Эй, вы! — обратился к ним Робин. — Бросайте оружие и катитесь отсюда. Иначе можете все считать себя покойниками! И вы, каноник, и вы, юные монахи, брысь отсюда, да поторапливайтесь!

Копья, мечи, луки, щиты, стрелы полетели на землю. И все аббатово сопровождение в мгновение ока скрылось из виду. Жизнь им была дороже. А что касается аббата, то ему не позавидовал бы и повешенный. Маленький Джон крепко ухватил белую лошадь за уздечку и вдруг резким движением развернул животное. Аббат как куль свалился на землю.

Тем временем Мач и Вилли Скарлет распутали веревки и ремни, и освобожденная вдова Хэмлок подскочила к аббату.

Ну и оплеуху же он получил!

— Я тебе покажу, как связывать честную вдову по рукам и ногам, я тебя научу, как обращаться с женщинами!

И она закатила ему еще пару затрещин.

— А теперь, — сказал Робин с самым изящным поклоном, на какой был способен, — я приглашаю вас, госпожа Хэмлок, и вас, ваше преподобие, разделить с нами нашу скромную трапезу.

Трясущемуся аббату даже не завязали глаза. Они двинулись в обратный путь тайными тропами и меньше чем через час добрались до укромной поляны, где на огромном костре жарился олень.

Увидев, кого привели к ужину, отец Тук чуть было не уронил кусок мяса в огонь.

— Клянусь святым распятием, у меня было какое-то скверное предчувствие сегодня, — пробормотал он. — И сойка все орала не своим голосом, и почему-то листья на орешнике все сворачивались в трубочку. А я, дурак, не прислушался. Правда, этот жирный кабан выглядит сегодня скорее как щипаная ворона под дождем!

Стол был накрыт на славу, и доброго темного эля было предостаточно, но аббат сидел мрачный, и кусок не лез ему в глотку.

Когда с едой было покончено, отец Тук сказал с ехидцей:

— Ну а теперь было бы не худо, чтобы его преподобие сплясал бы нам какой-нибудь веселый танец! Джигу, может быть, а?

Все зашумели:

— Да-да, пусть спляшет!

— Поощадите! — взмолился аббат, заламывая руки и чуть не плача.

— Хорошо, успокойся, — сказал Робин. — Не хочешь плясать, не пляши. Но мессу ты нам отслужишь. Я уже давно не слышал мессы, и может быть, даже Пречистая Дева сердится на меня за это.

Делать было нечего. Слабеньким срывающимся голосом начал аббат службу, и все стрелки в зеленом опустились на колени, обнажили головы и стали горячо и искренне молиться.

Когда служба окончилась, было уже темно. Сквозь вершины деревьев просвечивали звезды. Где-то вдалеке крикнула ночная птица.

— А теперь выведите его на дорогу да помогите ему взобраться на лошадь, и пусть катится отсюда, — сказал Робин Гуд.

— Ты всегда придумаешь какую-нибудь работу на ночь глядя, — зевая, сказал Кеннет Беспалый.

— Да что ты, Робин! Отпустить его?! — возмутился Маленький Джон. — У меня каждая стрела в колчане подпрыгивает от нетерпения.

— Не надо, Маленький Джон. Имей уважение к сану и возрасту.

— Ну хоть свежую дубинку можно ошкурить о его бочка? — не унимался Маленький Джон.

А отец Тук ничего не сказал, потому что шептался о чем-то с белой аббатовской кобылой.

Не было в веселом сердце Робина ни злобы, ни мести. Он избежал гибели и вдоволь натешился над своим врагом. Ему этого было достаточно.

Маленькому Джону и Вилли Скарлету в конце концов пришлось помочь измученному аббату сесть на лошадь и вывести его на дорогу, ведущую из Ноттингема в Йорк.

ГЛАВА IX

Как прекрасная
Мэриен оказалась
в Шервудском
лесу

Детьми они часто играли вместе. Строили песчаные замки, или устраивали турниры для искусно выструганных деревянных рыцарей, или просто бегали, догоняя друг друга.

Замок графа Фитцуолтера располагался неподалеку от Хантингдона. И когда Робину стало лет двенадцать-тринадцать, ему даже разрешалось отправляться туда верхом в сопровождении всего лишь одного слуги. Около трех миль надо было проехать по мягкой грунтовой дороге мимо кузницы Кривого Билла из Гриндейла, мимо груды огромных камней, которая, как говорили, что-то обозначала

у древних кельтов и была навалена тут в незапамятные времена, мимо колючей живой изгороди, окаймлявшей поля арендатора Стивена из Сэдли.

Подъехав к замку, он бросал поводья слуге и взбегал по подъемному мосту, а Мэриен, единственная дочь графа Фитцуолтера, выходила ему навстречу. Они были почти ровесники. И хотя Мэриен выглядела тоненькой и хрупкой, она не отставала от Робина в мальчишеских забавах. До чего же метко стреляла она из лука! Не уступала любому искусному стрелку. А еще и любила, одевшись в мужской наряд, скакать с другом рядом по полям, окружавшим замок графа. Слуги, чертыхаясь и бранясь про себя, с трудом поспевали за ними.

Однажды, когда Робину и Мэриен было лет по четырнадцать, а может, и по пятнадцать, вдоволь настрелявшись из лука по далекой, еле заметной мишени, они сидели на склоне глубокого оврага, на теплой траве, потому что дело было летом.

По дну оврага, весело булькая, бежал ручей, где-то поблизости тюкал по дереву дятел, небо казалось высоким-высоким, потому что в эту минуту не было на нем ни облаков, ни птиц. Может быть, там кружились и пели ангелы. Их не было видно глазу, ухо их не слышало. Но души молодых людей, должно быть, улавливали тихую музыку их полета, потому что было им как-то особенно легко и радостно.

— Робин, — сказала Мэриен. — Скоро мы будем совсем взрослыми.

— Да, — согласился он, продолжая слушать неслышную музыку и не очень вникая в то, что она произносила.

— И, может быть, ты тогда уедешь в далекие края...

— Может быть.

— И, может быть, на войну?

— О чем ты, Мэриен? И чего это ты вдруг в одну минуту сделалась такая грустная, точно утопила в реке свою любимую шляпку, а?

— Ты не шути, Робин. Я боюсь, что ты уедешь и забудешь меня...

Но он перебил ее, не дослушав, нетерпеливо, горячо:

— Никогда, никогда я тебя не забуду! Я... я люблю тебя, на всю жизнь — одну тебя! Ты слышишь меня?

— Давай поклянемся, что будем любить друг друга всегда. Хорошо, Робин? — сказала она тихо.

И они поклялись. Еще тогда. Давно-давно. Тем легким и безмятежным летом 1175-го, а может быть, и 1176 года.

А когда у него было отнято все — титул, земли, доходы, замок — и он был объявлен вне закона, он больше не показывался в замке графа Фитцуолтера. Неужели на этот раз Робин Гуд нарушил клятву? Он, никогда не преступающий клятв и даже не нарушающий простых обещаний? Нет, конечно нет! Милая, прекрасная Мэриен продолжала жить в его сердце и никогда не покидала его. И Робин был уверен, совершенно и непоколебимо уверен, что Мэриен тоже свято верна своему слову. Вот поэтому он и не навещал больше тот замок с высокими

угрюмыми башнями, узкими окнами и высокой крепостной стеной. Не мог же он обречь любимую на полную лишений и опасности жизнь в пещерах в лесной глухомани. Она выросла в замке, она привыкла к роскоши, а что может он дать ей, «волчья голова», гонимый подлой иноземной властью? Платье из зеленого линкольнского сукна вместо роскошного наряда, крик совы по ночам вместо звуков арфы да еще мох вместо перины из лебяжьего пуха?!

— Ты что, хочешь остаться старой девой, вековухой, напустить полон замок кошек и сидеть вязать чулок? — сердито говорил лорд Фитццуолтер. — Сделаешься как сушеная тыква.

Висевшее на стене стальное зеркало в богатой раме отражало прелестный облик его дочери — ее тоненькую гибкую фигурку, светло-русые, точно разлетевшиеся от ветра, кудри, голубые-голубые глаза с легким и добрым взглядом. Очень трудно было представить себе эту девушку в виде сушеной тыквы.

— Я сказала «нет», милорд. Пожалуйста, не вынуждайте меня быть непочтительной и возражать вам.

— Но почему ты отказываешь ему? Сэр Гай Гисборн очень богат, принят при дворе, даже более того, приближен к принцу, который вот-вот сделается королем.

Мэриен молчала, всем своим видом давая понять, что она из почтительности избегает спора с отцом, но никогда не уступит его уговорам.

Надо сказать, графу в высшей степени улыбалось породниться с норманнским бароном. Безусловно, это упрочит его собственное положение и обеспечит будущность его единственной дочери. Он начинал закипать гневом, однако пытался сдерживаться, все еще надеясь уговорить дочь по-хорошему.

— Ты бы видела сэра Гая на турнирах! Он — доблестный рыцарь, он всегда выходит победителем!

— Вы не поняли меня, сэр, — напирая на каждое слово, возразила Мэриен. — Если бы он был таким же доблестным, как Беовульф, и победил бы самого Гренделя, я все равно не дала бы согласия выйти за него замуж.

— Все этот бродяга, этот изгой, этот разбойник на уме! — взорвался отец. — Тогда подожди, я приму свои меры. И не рассчитывай, вздорная девчонка, что будет по-твоему.

Мэриен промолчала.

Родители редко имеют правильное суждение о своих детях. Так было всегда. Видно, будет так до конца времен. Граф Фитццуолтер недооценивал мужества и стойкости своей дочери. При всей кажущейся хрупкости у нее был твердый характер.

Но и отец был несговорчив и упрям. У него созрел свой план. И когда в этот вечер сэр Гай Гисборн, поговорив с графом, возвращался к себе домой, какую-то уж очень веселую дробь выбивал копытами его вороной конь. Старик явно что-то пообещал сэру Гаю.

Робину не спалось. Ночью ему снилась Мэриен, и на рассвете он проснулся в тоске. Он тихо поднялся, прицепил к кожаному поясу меч и колчан со стрелами, взял в руки свой верный тисовый лук, не забыл прихватить и дубинку и неслышными шагами углубился в лес.

Мимо пробежал олень, но Робин даже не взглянул на него.

Что-то звало, что-то влекло его в ту часть леса, которая примыкала к огромному парку графа Фитццуолтера.

Он замер на месте, вдруг услышав цоканье лошадиных копыт. В такую рань? Странно! Он спрятался в листве и стал ждать.

Вот послышались голоса. В поле зрения появился рыцарь в кольчуге, за ним следовали человек шесть вооруженной охраны. Рыцарь вел под уздцы легкую лошадку для верховой езды. А в седле сидела девушка. Как только она делала движение, чтобы соскочить с лошади, охранник наставлял на нее копье. Она явно была пленницей.

Робин Гуд присмотрелся. Гай Гисборн! А кто же эта плененная всадница?

— Мэриен! — вырвалось у него.

Он давно ее не видел. Боже, до чего ж она стала хороша!

Робин Гуд был в лесу один. Правда, он был вооружен. Подал три призывных сигнала своим неизменным серебряным рожком и не дождавшись, когда придет подмога, Робин Гуд выскочил из-за кустов. Он выхватил уздечку из рук рыцаря.

— Остановись, ты, рыцарь без стыда и совести! — закричал он. — Оставь в покое эту благородную леди!

— Ну-ка прочь отсюда, мелкая тварь! Ты забыл, с кем разговариваешь?! Я — барон Гисборн!

— Не забыл ли и ты, что я — Робин Гуд, король Шервудского леса?

И Робин так огрел рыцаря дубинкой, что тот вылетел из седла и распластался на траве. Робин Гуд, не оглядываясь, быстро повел лошадь к лесу.

И сам сэр Гай, и его охрана на мгновение растерялись.

Но минутой спустя сэр Гай Гисборн уже командовал:

— Догнать мерзавца! Взять его живым! Задержать девчонку!

И небольшой отряд во главе с Гисборном ринулся в погоню.

Внезапно дорогу Робин Гуду и Мэриен преградила река. Слава богу, невдалеке виднелся дощатый мост. Только они успели торопливо перебраться на другой берег, как Гай Гисборн поравнялся с мостом. Но как раз в этот момент подоспела подмога. С той стороны моста, где были Мэриен и Робин, на доски уже ступил отец Тук, размахивая тяжелой дубинкой. Следом спешил Маленький Джон, на бегу прилаживая стрелу и прицеливаясь в самого сэра Гая, вслед за ним, выхватывая меч из ножен, выступил Вилли Скарлет и еще дюжины две молодых, одетых в зеленое сукно.

— Негодяи! Предатели! — кричал отец Тук, потрясая своей тяжелой дубинкой. — А, барон Гисборн, рыцарь, не знающий чести, друг принца Джона, ждущий только, чтоб ему за дружбу заплатили пожирнее!

— С дороги, беглый поп! — кричал сэр Гай. — Леди Мэриен, вернитесь сейчас же, иначе ваш отец разгневется и вы не избежите кары!

— Ошибаешься, — вопил отец Тук, не переставая размахивать дубинкой. Он уже швырнул с моста одного стражника, перебив ему при этом парочку ребер. — Ошибаешься! Это не леди Мэриен! Это прекрасная пастушка, ты обознался!

В это время Маленький Джон ухитрился насквозь прострелить второго воина из сопровождения рыцаря, и тот замертво рухнул на землю, а острая стрела Робина впилась в правую руку самому сэру Гаю. Уцелевшие остатки его свиты, спасаясь, ударились в бегство, и самому рыцарю, извергавшему проклятия и угрозы, ничего другого не оставалось, как отступить.

Робин предложил Мэриен проводить ее в отцовский замок.

— Нет, Робин, — мягко сказала она. — Родной отец продал меня этому черному интригану. Я никогда больше не вернусь назад.

— Но, Мэриен, — возразил Робин, — я ведь больше не граф Хантингдон, а бедный изгнанник.

— Ты больше, чем граф, Робин, — возразила она. — Ты — король!

— Но, милая, ты ведь выросла в замке, как же ты будешь жить в лесу, в пещере?

— Я сильная и здоровая, — сказала Мэриен. — Разве не лучше быть счастливой под зелеными кронами деревьев, чем жить в унынии и тоске хоть бы и в роскошных палатах, при дворе?

Сумерки сгущались, когда они вернулись на поляну, где рос огромный дуб.

Друзья разложили костры. Готовился богатый свадебный пир! Король Шервудского леса, благородный и доблестный Робин Гуд брал в жены прекрасную Мэриен.

Отец Тук, надев облачение священника, в лесном храме свершал таинство венчания.

— Господи, благослови брак Роберта Фитцутса, графа Хантингдона, и леди Мэриен Фитцуолтер и ниспошли на них Свою небесную благодать! — произнес он торжественно и поднес новобрачным кубок с вином.

И они пили из одного кубка в память о браке в Кане Галилейской, на котором присутствовал сам Господь наш, Иисус Христос.

2

ПОСЛЕДНЯЯ СТРЕЛА
РОБИН ГУДА

ГЛАВА I

Как Святой

Квентин

вернул долг

А дни шли за днями, не задерживаясь, не замедляя шаг, потому что не родился еще на свет такой мудрец, который сумел бы остановить время.

И кто бы мог подумать, что леди Мэриен, выросшая и воспитанная в аристократическом замке своего отца, так легко и весело приживется совсем в другом замке — под голубыми сводами, зеленым пологом — летом, в теплой и уютной пещере, выстланной оленьими шкурами, — зимой.

И вовсе не скучала она по шелкам и бархатам, отделанным горностаем или венецианскими кружевами. Ей понравился удобный, легкий и теплый наряд лесного стрелка, сшитый из зеленого линкольнского сукна. «Королева

Мэриен» называл ее Вилли Скарлет. Маленький Джон обращался к ней не иначе, как «Ваше величество». Мач бежал за ней по пятам, потряхивая своими рыжими вихрами, как маленький козлик. Кто сказал, что мальчишке достаточно мужского общества? Вихрастый сын мельника был круглым сиротой, у него не было матери...

Теперь прекрасная Мэриен стреляла из лука почти так же хорошо, как Робин Гуд. И с дубинкой управлялась не хуже, чем Маленький Джон.

Был однажды такой случай. Мэриен попросилась вместе с Робинем на охоту. Молодые супруги нехотя расстаются, даже ненадолго. Охотники продвигались в густом лесу по узкой тропе, Робин впереди, что-то по своему обычаю мурлыча себе в усы, Мэриен — следом, чуть поодаль.

Вдруг прямо им навстречу на полном скаку из чащи вырвался олень — огромный самец с тяжелой короной ветвистых рогов. Он несся напролом, не разбирая дороги. По-видимому, в кустах его что-то сильно напугало. Робин мгновенно выстрелил, но лук его слегка зацепился за буковую ветку, стрела только ранила оленя. Огромное животное, пригнув рогатую голову к земле, кинулось на Робина. От сильного удара в бедро Робин не удержался на ногах и упал.

Следующий удар был бы для Робина смертельным. Но за мгновение до того, как этому случиться, точный выстрел из лука поразил зверя в самое сердце, и королевский олень рухнул замертво к ногам короля Шервудского леса.

Так прекрасная Мэриен спасла жизнь своего любимого супруга.

А еще только Мэриен одна из всех не смеялась над отцом Туком и верила, что он и на самом деле разбирает язык деревьев и птиц, цветов и зверей.

— Да поймите вы, — пытался объяснить отец Тук своим друзьям — лесным стрелкам, — Господь создал их живыми, и поэтому у них и язык свой есть. Не такой, как наш. Но они наделены мыслью и стараются передать ее нам — кто шелестом, кто граем, а кто молчанием.

— И лягушки на болоте? — поддразнивал Маленький Джон. — Они тебе что-нибудь про комаров сообщают? Мол, вооружайся веткой, святой отец, комариное войско собралось в поход!

— А пиявки, отче, пиявки тоже народ словоохотливый? — подхватывал Вилли Скарлет.

А Мач хохотал, хватаясь за живот и катаясь по траве.

— Дурачье! — добродушно улыбался отец Тук. — Человек, он наравне со всем живым создан, и первоначально люди без труда понимали язык и деревьев, и трав, и птиц. Правда, от этого и беда случилась. Ведь прародительница наша Ева легко поняла, что говорил ей змей-искуситель. Так или нет? А потом, постепенно люди загордились, решили, что они — и есть венец Творения, и гордыней своей отгородились от остальной живой твари. Тут мы и перестали понимать язык всех остальных, живущих и произрастающих на Земле.

Мэриен слушала внимательно, и было ей все понятно, что говорит добрый священник, и хотелось ей тоже научиться тому, что умеет он.

— Примечай, слушай, — сказал отец Тук. — Может, Господь вразумит тебя. А научить этому, как, например, чулок вязать, невозможно.

Снова была весна, а вместе с ней близился и тот день, когда сэр Ричард Ли должен был возвратить долг.

Длинный стол из белых строганых досок, уложенных на козлы, был накрыт к обеду на поляне под раскидистым дубом. На костре под личным наблюдением отца Тука жаривался олень.

— Может, будем обедать? — сказал Маленький Джон, поглядев на солнце. — Уже полдень. У меня кишки распевают хоралы от голода.

— Ты думаешь, он не появится? — спросил Мач.

— Этого никак не может стать, — нахмурился Вилли Скарлет. — Я готов биться об заклад хоть на собственный лук вместе с колчаном. Сэр Ричард — благородный рыцарь и слова своего не нарушит.

— Что-то, видно, задержало его, — задумчиво заметил Робин. — Ты прав, Вилли, не из того теста сделан сэр Ричард, в отличие от одного знакомого рыцаря, не к ночи он будь помянут! — И Робин с улыбкой поглядел на Мэриен.

— Я знаю, знаю, ты намекаешь на сэра Гая Гисборна! — воскликнул Мач.

— Ну вот что, — заключил разговор Робин, — берите луки, отправляйтесь-ка на Большую Королевскую дорогу. Ты, Маленький Джон, и Вилли. Может, благородный рыцарь попадется вам навстречу. А нет, так, глядишь, и еще кто-нибудь подвернется взамен.

— Можно и я с ними? — подскочил к Робину Мач, сын мельника.

— Гляди-ка, какой стал проворный! — Робин потрепал мальчика по рыжим вихрам. — Ну иди и ты.

Мач вприпрыжку кинулся догонять скрывшихся в кустах Маленького Джона и Вилли Скарлета.

Но сколько посланные ни приглядывались и ни прислушивались, сэр Ричард так и не встретился им. Добравшись до Большой Королевской дороги, они услышали цокот копыт и негромкий разговор.

— Я считаю, зря мы не пообедали в Блайте или Донкастере, — слышался хриловатый мужской голос.

— Ваша правда, брат Питер, тут дорога идет все лесом да лесом, и ни одной придорожной таверны на многие мили не сыщешь, — отозвался другой, неприятный и писклявый.

Маленький Джон осторожно выглянул из-за кустов. Он увидел двух монахов в черных длинных рясах, верхом на поджарых лошадках. К каждому седлу было приторочено по солидному мешку. За ними в пешем строю тащились охрана и слуги.

— Ха! — хохотнул Маленький Джон, бросив взгляд на мешки. — Клянусь распятием, с этих чернорясых мы и получим то, что год назад одолжили сэру Ричарду Ли!

M.П. 95

— Образуясь, Маленький Джон! — сказал Вилли Скарлет. — Там же еще человек тридцать, кроме этих монахов! А нас только двое, да еще Мач сойдет за половинку!

— Может, ты объяснишь мне, как это мы вернемся к Робину одни, без гостей к обеду? — ехидно заметил Маленький Джон.

Не тратя больше ни секунды, он выскочил на дорогу и прицелился прямо в голову первого монаха.

— Стоять и не двигаться! — закричал Маленький Джон грозным голосом. — Один шаг — и ты на том свете! Приказываю следовать за мной. Мой хозяин в бешенстве оттого, что его заставляют ждать с обедом!

— Да кто он есть, этот твой хозяин? — спросил монах, опешив от таких неожиданных речей верзилы, одетого в зеленое линкольнское сукно. Затем из лесу появились еще двое.

— Кто, как не сам Робин Гуд!

— Но он разбойник! — завопил монах. — Я слышал о нем страшные вещи! Он вор и негодяй!

— Ты лжешь! — не выдержал Вилли Скарлет, с другой стороны прицеливаясь в монаха.

— Ты пожалеешь о своих словах! Он добрейший из добрых. И он приглашает вас обоих на обед, — добавил Маленький Джон.

— Что, если мы откажемся?

— Тогда я спущу стрелу, — спокойно ответил Маленький Джон.

— Да мои люди сделают из вас начинку для пирога. Вас же всего трое! — заявил монах.

— Что? «Всего трое»! — передразнил его Маленький Джон. — Да стоит мне только свистнуть! Сотня стрелков ждет справа от дороги, сотня — слева.

Маленький Джон сделал вид, что собирается подать сигнал. Услышав это, вся охрана до последнего человека рванула бегом по дороге, оставив обоих монахов на произвол судьбы. Все слишком хорошо знали, что с Робин Гудом не шутят.

Монахи сидели на своих лошадях, пораженные ужасом, не в силах вымолвить ни слова.

Маленький Джон весело расхохотался.

— Вилли и ты, Мач, берите лошадей под уздцы и ведите, а я пойду и буду держать стрелу на тетиве, знаете, на всякий случай!

Робин приветствовал гостей изысканным поклоном и пригласил к столу.

— Это насилие! — вопил хриплым голосом один из монахов. — Вы не смеете! Я старший келарь аббатства Святого Квентина в Йорке. А это мой помощник. Мы протестуем, не так ли? — обратился он к своему спутнику.

— Ваша правда, брат Питер, — пропищал тот, ни жив ни мертв от страха.

— Ха! — обрадовался Робин. — Значит, ты заведешь всей провизией в аббатстве и тебе же поручают собирать десятину. Но об этом мы поговорим позже. А сейчас — прошу к столу, утолить с дороги голод и жажду.

Старший келарь и его помощник, хоть и были голодны, только из страха перед Робин Гудом делали вид, что едят. Им, перепуганным насмерть, не жевалось и не глоталось.

— Ну что ж, — сказал Робин, вставая из-за стола, когда обед подошел к концу. — Судя по вашим мешкам, святой Квентин присылает мне долг. Не могу ли я его получить без промедления?

— Какой еще долг? — возмутился старший келарь. — Я первый раз слышу. Мне никто не поручал возвращать тебе какие-то там долги. У меня и денег-то с собой нет.

— Ах, бедняга, путешествовать без денег так неудобно! — пожалел келаря Робин. — А ну-ка, Маленький Джон, погляди-ка, что там у преподобных братьев в мешочках!

Келарь сделался зеленее линкольнского сукна, а его помощник стал, сбиваясь и путаясь, невнятно бормотать молитвы.

Маленький Джон и Мач вывернули мешки над расстеленным плащом. Из мешков, как пшеница на мельнице, посыпались золотые и серебряные монеты. К пенью лесных птиц добавился звон благородного металла. Несколько монеток укатилось с плаща в траву. Мач, ползая на коленях, подобрал их и водворил на место.

— Восемьсот золотых! — возгласил Маленький Джон, пересчитав деньги. — И еще маленькая кучка серебра.

— Ого! — воскликнул Робин. — Клянусь распятием, святой Квентин заплатил нам приличные проценты на те

деньги, которые я одолжил, чтобы вернуть их аббату. Вилли Скарлет, наполни-ка кружку господина келаря и его помощника хорошим вином. Но скажите мне, господа, куда вы вообще-то направляетесь?

— Мы возем нашу посильную монастырскую лепту принцу Джону в Лондон, — сердито отозвался келарь своим хриплым голосом. — И погоди, его высочество получит еще с тебя кровавый процент за свои деньги.

— Ах, вот как! — сказал Робин. — Значит, вся эта сумма предназначалась для королевской казны?

— Несомненно! — рявкнул келарь.

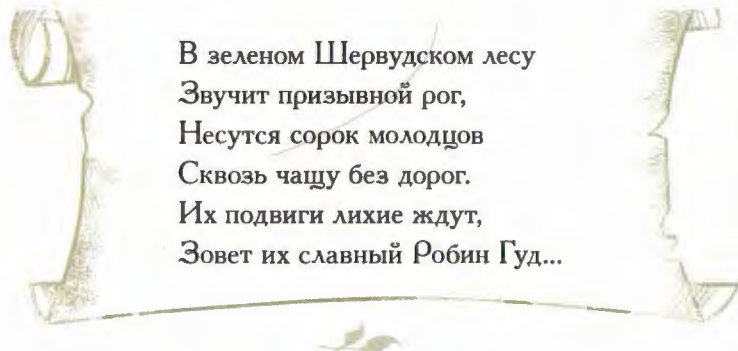
— Вот и хорошо, — сказал Робин. — Они и пойдут в королевскую казну, только не принцу Джону, предавшему своего августейшего брата, а самому законному королю, Ричарду Львиное Сердце.

— И зачем только мы поехали этой дорогой, брат Питер?! — жалобно пропищал помощник старшего келаря.

— Отправляйтесь-ка вы оба обратно в Йорк, — сказал Робин жестко. — Передайте поклон своему аббату. Да предупредите от моего имени, если он не перестанет ябедничать принцу Джону на сэра Ричарда Ли, вполне вероятно, что ему придется об этом горько пожалеть. И еще скажите, что мы не откажемся принимать таких замечательных гостей, как вы, хоть каждый день. Пусть посылает!

Лесные стрелки встретили эти слова дружным хохотом.

Кеннет Беспалый повел ошалевших от страха и злости чернецов обратно на дорогу. А вслед им неслась песня:

В зеленом Шервудском лесу
Звучит призывной рог,
Несутся сорок молодцов
Сквозь чащу без дорог.
Их подвиги лихие ждут,
Зовет их славный Робин Гуд...

Благородный рыцарь сэр Ричард Ли и вся его многочисленная свита выехали из замка рано поутру. Копыта ухоженных, хорошо накормленных лошадей процокали по подъемному мосту и запыхали по дороге. Леди Ли, поднявшись по внутренней лестнице на зубчатую стену замка, белой изящной ручкой махала им вслед.

Процессия продвигалась, не останавливаясь. Сэр Ричард хотел непременно поспеть к обеду и не заставить ждать своего чудесного неоценимого спасителя Робин Гуда. Его красивая, в нарядной сбруе, лошадь шла ходко. За ним еле поспевала вся остальная кавалькада. Лошади были тяжело нагружены. Сэр Ричард Ли вез не только четыреста золотых долга, но еще и в подарок Робину и его стрелкам целую сотню отличнейших тисовых луков и к ним столько же колчанов, набитых стрелами со сверкающими металлическими наконечниками и великолепным оперением из фазаньих перьев.

Торопливо миновав последний на их пути мост, они вдруг чуть было с ходу не врезались в толпу, где, по всей видимости, происходила драка.

М.П.95 г.

— Бей его! — неслось откуда-то из самой середины шевелящейся кучи, состоявшей из дубинок и человеческих тел.

— Давай, Артур, пересчитай ему ребра!

— Мы тебе покажем, несчастный бродяга! Убирайся к себе и сиди там, как мышь в норе! А не то живо окажешься в гостях у апостола Петра!

— Скажешь! У Петра! Да ему самое место у рогатого на вертеле в преисподней!

Сэр Ричард остановил свой отряд, спешился и плечом вперед ринулся в самую толпу.

— Эй, люди, что у вас тут творится?

Толпа в ответ загудела.

— Вот он! Ишь какой! Приз ему подавай! А кулака нюхать он не хочет?! Нашелся тут!

В конце концов разъяренные крестьяне на время оставили того, кого, казалось, готовы были разорвать на клочки и развеять по полю. Они объяснили рыцарю, восклицая и поминутно перебивая друг друга, что с утра тут проходили состязания борцов и что был назначен приз — белая лошадь с полной сбруей, лук, колчан и большой бочонок вина. И вот, к страшной ярости местных вилланов, в состязании победил совсем даже не один из них, а какой-то йомен, кажется, из Макклесфилда, что в Чeshire, или шут его знает еще откуда. Короче говоря, чужой.

— Он что, как-нибудь сжульничал? — спросил сэр Ричард.

— Нет, он боролся честно.

— Он обидел кого-нибудь из вас?

— Да не-е-ет вроде бы!

— Так что же вы тогда срамитесь — не хотите отдавать приз тому, кто его честно заслужил?

Люди вокруг усовестились и успокоились. Выигравший получил свой приз, а сэр Ричард купил у него полагавшийся ему в придачу к коню бочонок вина и велел всем нести кружки. Тут все вдруг разом повеселели, стали пить и за здоровье рыцаря, и за победителя, позабыв, что совсем недавно собирались раскроить ему череп и переломать ребра.

Уладив это дело, сэр Ричард Ли двинулся в путь, но время уже было безнадежно упущено. И как ни торопился благородный рыцарь, как он ни понукал своего доброго коня, к Робин Гуду он прибыл, когда обед был уже завершён. Монахи как раз только что отбыли.

— Приветствую тебя, сэр рыцарь! — встретил его Робин. — Надеюсь, ты здоров и аббат из Йорка не посягает больше на твой кров и твой очаг?

— Благодаря Божьей милости и твоей доброте, — сказал сэр Ричард. — Но ради всего святого, извини, что я явился к тебе так поздно.

— Не извинить тебя, а благодарить я должен. Я уже обо всем оповещен. И всякий, кто окажет помощь доброму йомену, может рассчитывать на мою дружбу.

— Спасибо тебе. А в обмен получи мою дружбу — на всю жизнь. Но знаешь пословицу: «Кто не платит долг, тот шакал или волк». Прими, пожалуйста, четыреста

золотых, которые я тебе задолжал. И еще двадцать — в счет процентов.

— Но, дорогой друг, — возразил Робин с самым серьезным выражением лица. — Твой долг уже уплачен. Святой Квентин самолично прислал мне деньги через старшего келаря. Позор обрушился бы на мою голову, если бы я дважды получил эти деньги.

Сэр Ричард Ли так растерялся от этих слов, что на него было смешно и жалко смотреть.

— Ах, да перестань шутить, Робин, и расскажи все благородному рыцарю, как оно было на самом деле, — сказала Мэриен.

Сэр Ричард Ли с удивлением посмотрел на нее. Как это такой молоденький стрелок и так смело разговаривает с самим Робин Гудом?

Робин Гуд рассмеялся, поняв его недоумение.

— Год прошел с тех пор, как мы с тобой виделись, рыцарь, — сказал он. — За это время кое-что изменилось и в моей жизни. Позволь представить тебе леди Мэриен — мою супругу.

Сэр Ричард Ли долго не мог вымолвить ни слова. Ну в самом деле: то святой Квентин платит его долги, то молоденький стрелок, одетый в куртку из зеленого сукна и кожаные штаны, оказывается леди Мэриен, женой Робин Гуда! Тут Робин рассказал ему про монахов, и рыцарь весело рассмеялся.

— Но клянусь честью — вот они, твои деньги, я собирал их целый год, чтобы вернуть тебе то, что я должен.

— Употреби их с пользой, рыцарь, — сказал Робин Гуд. — Углуби ров вокруг замка, укрепи стены, построй новые башни с бойницами. Кто может чувствовать себя в безопасности, если в Йорке сидит теперешний аббат, а в Лондоне правит этот темный принц Джон, предатель и узурпатор?

— Ты подвергаешься не меньшей опасности, чем я, — ответил рыцарь. — Потому прими этот небольшой дружеский подарок — сотню хороших тисовых луков. Древесина спилена и выдержана в моем имении. И к ним еще сотня колчанов с надежными стрелами.

— Что ж, подарок твой я приму с радостью и благодарностью, — сказал Робин. — Эй! — крикнул он своим стрелкам. — Обеденное время еще не закончилось. Ну-ка за дело! Сегодня мы устроим пир в честь благородного рыцаря и нашего друга — сэра Ричарда Ли!

ГЛАВА II

Как женился

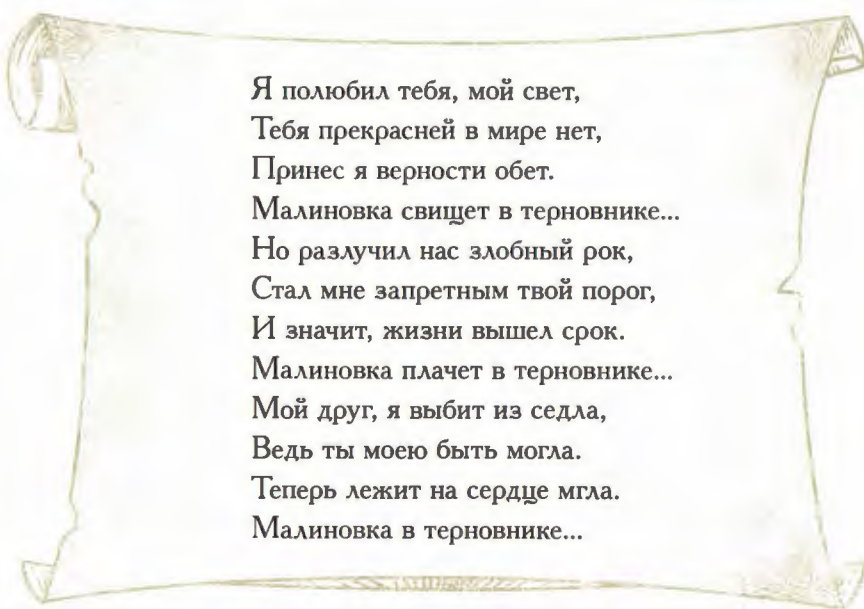
Алан-э-Дейл

Дес был наполнен нежно-розовым цветом распустившейся жимолости. В кустах орешника и бересклета распевали птицы. Пробегали, не задерживаясь надолго, короткие весенние дождички. Пахло прекрасным, ни с чем не сравнимым запахом оживающей земли.

Мэриен и Робин шли, держась за руки, по тропинке, которая вела к роднику. Они оба любили этот родник.

Там вода била из-под земли маленьким фонтанчиком, а от него по песчаному руслу бежал холодный прозрачный ручеек. И был у этого ручейка особенный голос: он звенел хрустальным колокольчиком и, казалось, пророчил все хорошее впереди.

Добравшись до родничка, они сели рядышком на траву, но не успели сказать друг другу ни словечка, потому что сейчас же откуда-то из-за кленового подлеска до них донеслись звуки печальной песни, которую пел грустный-прегрустный голос:

Я полюбил тебя, мой свет,
Тебя прекрасней в мире нет,
Принес я верности обет.
Малиновка свищет в терновнике...
Но разлучил нас злобный рок,
Стал мне запретным твой порог,
И значит, жизни вышел срок.
Малиновка плачет в терновнике...
Мой друг, я выбит из седла,
Ведь ты моею быть могла.
Теперь лежит на сердце мгла.
Малиновка в терновнике...

Слова песни сопровождались тихими звуками лютни.

Мэриен и Робин переглянулись.

— Подожди, я посмотрю, — сказал Робин.

Он сделал несколько шагов, раздвигая кленовые ветки, и вскоре несколько ниже по течению ручья увидел довольно высокого молодого человека. Тот сидел, опустив голову. Это он и пел печальную песню. Одежда на нем была изодрана, на лице виднелись ссадины с запекшейся кровью.

Робин подал Мэриен знак рукой, и они оба подошли к незнакомцу.

— Кто ты и что случилось с тобой, юноша? — спросил Робин.

Тот вздрогнул от неожиданности, отбросил в сторону лютню, вскочил на ноги и выхватил меч.

— Успокойся, тебе никто не причинит зла, — сказал Робин.

Мэриен тут же принялась промывать его ранки и прикладывать к ссадинам нужную траву. О, у отца Тука была способная ученица!

Юноша несколько успокоился и поведал им свою печальную историю:

— Зовут меня Алан, я живу в Дейле, поэтому многие называют меня Алан-э-Дейл. Я бедный менестрель, но мне все-таки удалось скопить чуточку денег, чтобы купить два золотых кольца. Сегодня я должен жениться на прекрасной девушке Элейн. В три часа дня назначено наше венчание. Но опекун, епископ из города Питерборо, в последний момент запретил ей выходить за меня замуж и просватал ее за своего брата — старого барона. Они прогнали меня, когда я пришел за своей невестой, натравили на меня собак и побили камнями.

— Так не годится, Алан-э-Дейл! — воскликнул Робин. — Человек должен улыбаться, а не плакать в день своей свадьбы.

— Ты прав, Робин, — поддержала его Мэриен: она уже чувствовала, что у ее супруга созревает план. Робин не оставит хорошего человека наедине со своим горем!

— Не будь я Робин Гудом, если сегодня же ты не войдешь в церковь холостым и не выйдешь оттуда женатым.

— Робин Гуд! — воскликнул Алан-э-Дейл. — Так это ты — отважный, добрый и великодушный сакс, с истинно рыцарским сердцем?

— Какой я есть, ты мне расскажешь после. А пока так. Давай мне твою лютню и плащ. Где назначена свадьба? Я должен знать точно.

— В маленькой норманнской церкви в трех с половиной милях от Дейла в три часа пополудни.

— Иди с леди Мэриен. Она все тебе расскажет по пути. Мэриен, любовь моя, надеюсь, тебе все понятно, что я задумал?

— Да, Робин, — отозвалась она. — Я все сделаю, что надо!

Ах, настоящая любовь не нуждается в многословии.

Любящие понимают друг друга и без слов, потому что у них ведь одна жизнь на двоих и воедино слиты их души. Пройдет много веков, и люди назовут это телепатией и будут придумывать для любви еще всякие новые глупые имена. Людям будет казаться, что они занимаются наукой...

Робин шагал широкими шагами, быстро, быстро, быстро и еще быстрее. В церковь уже набивался всякий разный люд поглазеть на свадьбу. Растолкав зевак, Робин пробился поближе к алтарю. Мелькнуло голубое епископское облачение.

«Ага, — подумал Робин, — его преподобие епископ из Питерборо здесь. Ишь ты! Церемонию бракосочетания будет совершать не какой-нибудь простой прелат, а сам епископ».

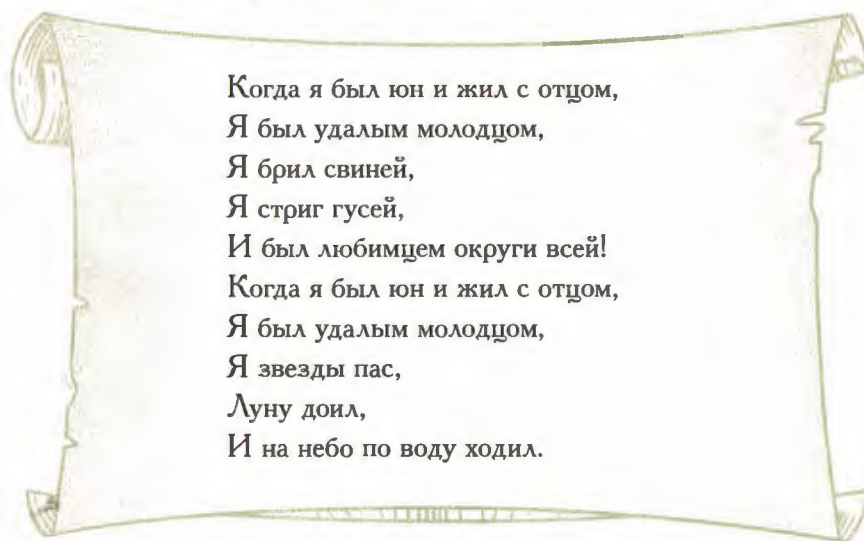
Тот тоже заметил Робина.

— Ты кто такой и почему рвешься вперед? — недовольно спросил он.

— Я? — с простоватым выражением лица откликнулся Робин. — Я самый лучший певец во всей порой веселой Англии. Что за свадьба без музыки и песен?! Вот я пришел сюда. Думаю, не зря!

— Ну что же, изволь, — смягчился епископ, — побренчи до начала службы, в том греха нет.

И Робин стал перебирать струны лютни и напевать простенькие деревенские песенки. Он пел так весело и заразительно, что народ в церкви начал ему подпевать:

Когда я был юн и жил с отцом,
Я был удалым молодцом,
Я брил свиней,
Я стриг гусей,
И был любимцем округи всей!
Когда я был юн и жил с отцом,
Я был удалым молодцом,
Я звезды пас,
Луну доил,
И на небо по воду ходил.

Вскоре привезли невесту. На лицах всех прихожан отобразилось любопытство. Невеста была молодой и очень хорошенькой, вот только веки у нее покраснели от слез, а лицо поражало полным отсутствием румянца. Не заставил себя ждать и жених. Пречистая Дева, что это был за кавалер! Щеки все в морщинах, нос крючком,

подбородок трясется. Он шел, приволакивая левую ногу, и маленькими слезящимися глазками жадно глядел на свою невесту.

Тут бы Робину и замолчать, но он продолжал играть, распевая свои песенки все громче и громче.

— Замолчи, эй ты, менестрель! — прикрикнул на него епископ.

— Да почему же? — прикинулся дурачком Робин. — Я поиграю пока для прекрасной юной невесты. Ведь жених-то еще пока не прибыл. Она что же, сиротка, что на свадьбе нет ее родителей? А этот джентльмен, видать, ее дедушка. Он-то и выдает ее замуж, я правильно угадал?

— Наглец! — завопил епископ, и лицо его стало пунцовым от гнева. — Никакой это не дедушка. Это барон де Сорель, мой брат, и он оказывает честь этой девчонке тем, что женится на ней.

— Разве ты сама выбрала этого человека себе в мужа? — спросил Робин у невесты.

Девушка, которую звали Элейн, только покачала головой.

— Кто это позволит ей выбирать! — злился епископ. — Она-то было выбрала нищего музыканта, без гроша за душой. Как же, дочь покойного рыцаря, наследница домов и земель — и вдруг достанется какому-то неизвестному оборванцу!

— Ага! Понятно! Эта развалина хочет еще и сморщенные свои руки погреть. А Иуда-епископ этому потворствует. Ну уж нет! Ничего у вас не получится!

Робин поднес к губам свой серебряный рожок и дунул в него что было сил. И не успел отзвучать громкий

сигнал, как в церковь ворвались одетые в зеленое лесные стрелки во главе с Аланом-э-Дейлом в роскошном алом плаще.

— А вот теперь, ваше преосвященство, слово за вами. Обвенчайте-ка молодую пару по церковному канону. Тут вас учить не приходится.

— Этого никак не может быть! — взбесился епископ. — По канону бракосочетание должно быть прежде трижды оглашено.

— А ну-ка, Маленький Джон, — скомандовал Робин Гуд, — одолжи у епископа облачение, поднимись на кафедру и огласи предстоящее бракосочетание.

Маленький Джон довольно бесцеремонно содрал с епископа ризу. Облачившись, он поднялся на кафедру и под дружный хохот произнес оглашение не трижды, а семь раз!

— Вы удовлетворены, ваше преосвященство? — спросил Робин. — Так совершайте обряд.

— Я отказываюсь! — прошипел епископ, все еще надеясь каким-нибудь образом расстроить свадьбу.

— Ах так! — вскипел Робин. — Тогда мы пригласим своего священника, отца Тука. Но после этого не огорчайтесь, если человек сорок моих молодцов нанесут вам визит в Питерборо и потребуют с вас неустойку. Как бы она не была равна всему, чем вы владеете.

Эта перспектива вовсе не устраивала епископа. И молодая пара была вскорости обвенчана. Глаза Алана и Элейн так и сияли от счастья. А у Робина и Мэриен появились новые друзья.

ГЛАВА III

В темнице и на свободе

День был плохой. Удивительно плохой. Отчаянно плохой день. С утра солнце даже вроде бы и не взошло. Небеса хмурились. В лесу было темно, холодно, промозгло. Несмотря на июль. Какой там июль! Казалось, что это злобный декабрь или слезливый февраль.

Робину нездоровилось. Его познабливало, и, кажется, у него был жар. И так всегда бывает: стоит только человеку ослабеть, как враг человеческий тут же начинает строить козни и заставляет обстоятельства вредить людям. В таких случаях говорят: «как назло». Да не «как», а в самом деле назло христианскому люду старается хвостатый и рогатый.

В этот раз «как назло» отец Тук отправился в далекую деревню к умирающему виллану, которого забодал

бык. «Как назло» Мэриен и Элейн не было в лесу — они гостили в замке у супруги сэра Ричарда Ли.

О, если бы в этот несчастный день Мэриен была рядом с ним, не случилось бы с Робин Гудом столько бед и несчастий. Она заварила бы трав, она успокоила бы жар, она никуда-никуда бы его не пустила.

А дело было так.

Больной и раздраженный Робин Гуд поднялся с оленьей шкуры, на которой лежал, и объявил:

— Я иду в Ноттингем.

— Что за бес щекочет тебя под ребра? — огорчился Маленький Джон. — Ты болен, лежи в сухой пещере, укройся шкурами, дождись, пока лихорадка отпустит тебя.

— Нет! — упорствовал Робин. — Я иду в церковь. Я давно не присутствовал на мессе, Пречистая Дева гневается на меня, оттого я и болею.

— Тогда и я иду с тобой, — заявил Маленький Джон решительно. — Ты что, забыл, что герольды трубят на всех углах, сколько золотых шериф Ноттингемский, Симон де Жанмер, обещает тому, кто поймает тебя живым или мертвым? Его шпионы рыщут по улицам. Клянись святым Томасом, тебя схватят и поволокут, как барана на стрижку. Скарлет, собирайся, пошли!

— Так ты меня не понял? — вскипел Робин. — Не заговорил ли я slučajем как сарацин, что ты не можешь взять в толк, что я говорю? Я иду один!

И когда Робин уже совсем собрался уходить, Маленький Джон, верный и преданный друг, схватил его за руку.

— Робин, я не пущу тебя!

— Прочь с дороги! — закричал Робин Гуд в гневе. И поскольку Маленький Джон продолжал его держать, Робин, потеряв над собой контроль, размахнулся и влепил ему пощечину. Маленький Джон отпустил его сразу.

Не то чтобы удар был силен, руки ему разжала обида.

— Робин Гуд! — воскликнул он с горечью. — Я любил тебя больше, чем любят родного брата. Я никогда и мысли не допускал, что ты можешь меня ударить. Будь на твоём месте кто другой, он бы дорого мне заплатил за это. А теперь... а теперь я просто ухожу от тебя.

Маленький Джон повернулся и пошел в лес, чтобы проститься с друзьями и соратниками — лесными стрелками.

Робин Гуд, так и не остыв от несправедного своего гнева, накинул на себя долгополый плащ и зашагал в сторону Ноттингема, больше никому не сказав ни слова.

Вилли Скарлет незаметно двинулся за ним по пятам.

Несмотря на нездоровье, Робин шел быстро, где мог, сокращал путь, шагал через болота — по кочкам пробирался сквозь бурелом. Вилли в конце концов потерял его из виду.

Добравшись до Ноттингема много раньше, чем Вилли Скарлет, Робин Гуд, кутаясь в плащ, никем не признанный, зашел в первую попавшуюся на пути церковь. В церкви уже началась служба. Он на цыпочках продвинулся поближе к алтарю, тихонько опустился на колени и погрузился в молитву. Он молил Пречистую Деву снять с его души неизвестно откуда появившуюся тяжесть, к которой

прибавилась еще горечь от ссоры с самым верным, самым давним другом.

«Пресвятая Владычица, Пречистая Дева Мария, — взывал он из глубины души своей, — сними с меня, недостойного, тяжесть и уныние, несправедливую гневливость и горячность сердца моего...»

И надо же было так случиться, что один из монахов, прислуживавший при богослужении в этой церкви, однажды сопровождал аббата из Йорка. И было это как раз тогда, когда Робин Гуд и его люди увели святого отца в лес на обед. Как раз в тот незабываемый день, когда аббата чуть было не заставили плясать джигу в Шервудском лесу.

Монах долго и внимательно присматривался к коленопреклоненной фигуре в плаще. Сомнений не было.

Именно этого человека он видел тогда на Большой Королевской дороге в Шервудском лесу.

Улучив момент, монах отложил в сторону священную книгу, по которой читал, тихонько подошел к канонику и прошептал ему на ухо:

— Сдается мне, что тот, в плаще, который молится у алтаря, не кто иной, как сам разбойник и висельник Робин Гуд.

Каноник ответил ему так же шепотом:

— Клянусь распятием, мы с тобой поделим награду, обещанную за его голову. Выйди незаметно из церкви и запри дверь снаружи. И поспеши к шерифу — пусть он пришлет стражу, немедленно.

Когда монах, неприлично задирая кверху рясу, чтоб не мешала двигаться, добежал до парадного подъезда Симона де Жанмера, тот как раз садился в коляску, собираясь навестить своего друга аббата из аббатства Святого Квентина. Монах уцепился двумя руками за обод заднего колеса и, мучительно борясь с одышкой, прохрипел шерифу свое сообщение.

— Да не может быть! — выпучив глаза, завопил шериф. — Гран мерси! Гран мерси! Вот это новость! Немедленно возвращайся в церковь. Сейчас прибудет отряд вооруженных людей. Отопри им двери ипусти их в церковь. Ну, фриар, если этот злейший враг принца Джона и мой и в самом деле будет пойман, быть тебе келарем в одном из самых богатых монастырей.

У монаха голова пошла кругом от такой лучезарной перспективы.

Шериф тут же распорядился послать вооруженных людей в церковь. Симон де Жанмер ликовал. Наконец-то, наконец-то он запрячет в самую глубокую темницу ноттингемской тюрьмы этого человека, от которого ни ему самому, ни одному епископу или аббату, ни одному норманнскому барону не было ни минуты покоя. Он был так счастлив, как будто с неба на него пролился дождь из золотых монет.

Робин Гуд все еще продолжал молиться, стоя на коленях у алтаря, когда монах вернулся в церковь. Робин был настолько нездоров и настолько опечален, что обычно сторожкий, как лесной зверь, он на этот раз ничего не заметил.

И вот, не прошло и десяти минут, как двери церкви широко распахнулись и, грохоча железом, в храм ворвались люди Симона де Жанмера.

— Клянусь всеми святыми, это западня! — прошептал Робин, вскакивая с колен. — Какой-то негодяй выследил меня и предал!

Он прижался спиной к колонне и выхватил короткий меч, который был спрятан у него под плащом. Нет, без борьбы он не сдастся, пусть шериф напустит на него хоть все войска со всей Англии!

— Прошу убежища! — крикнул он, показывая на алтарь.

Но каноник рассчитывал на половину награды, и поэтому, нарушая священный обычай предоставлять убежище в алтаре тому, кто о нем просит, позволил шерифовым стрелкам занять пространство между Робинем и алтарем.

— Лучше сдавайся, Робин Гуд! — со злорадным смехом крикнул ему шериф. — Иначе умрешь на месте!

— Никогда! — ответил Робин и так рубанул первого же из нападавших, что остальные на мгновение отпрянули в страхе. Но сзади напирали, и поэтому бой неминуемо разгорелся. Однако Робин находился между стеной и колонной, и поэтому подобраться к нему одновременно могли не более трех человек.

Опасность придала Робину силы. Он защищался с таким ожесточением, что вскоре уже дюжина трупов валялась на полу церкви.

Придя в полное отчаяние, командир шерифова отряда обратился к Симону де Жанмеру:

— Его можно достать только стрелой, господин шериф!

— Я запрещаю это! — рявкнул шериф. — Взять его живым! Вы опозорите и меня, и себя, если убьете его возле алтаря со словами «прошу убежища» на губах.

— Но он перебьет всех наших воинов!

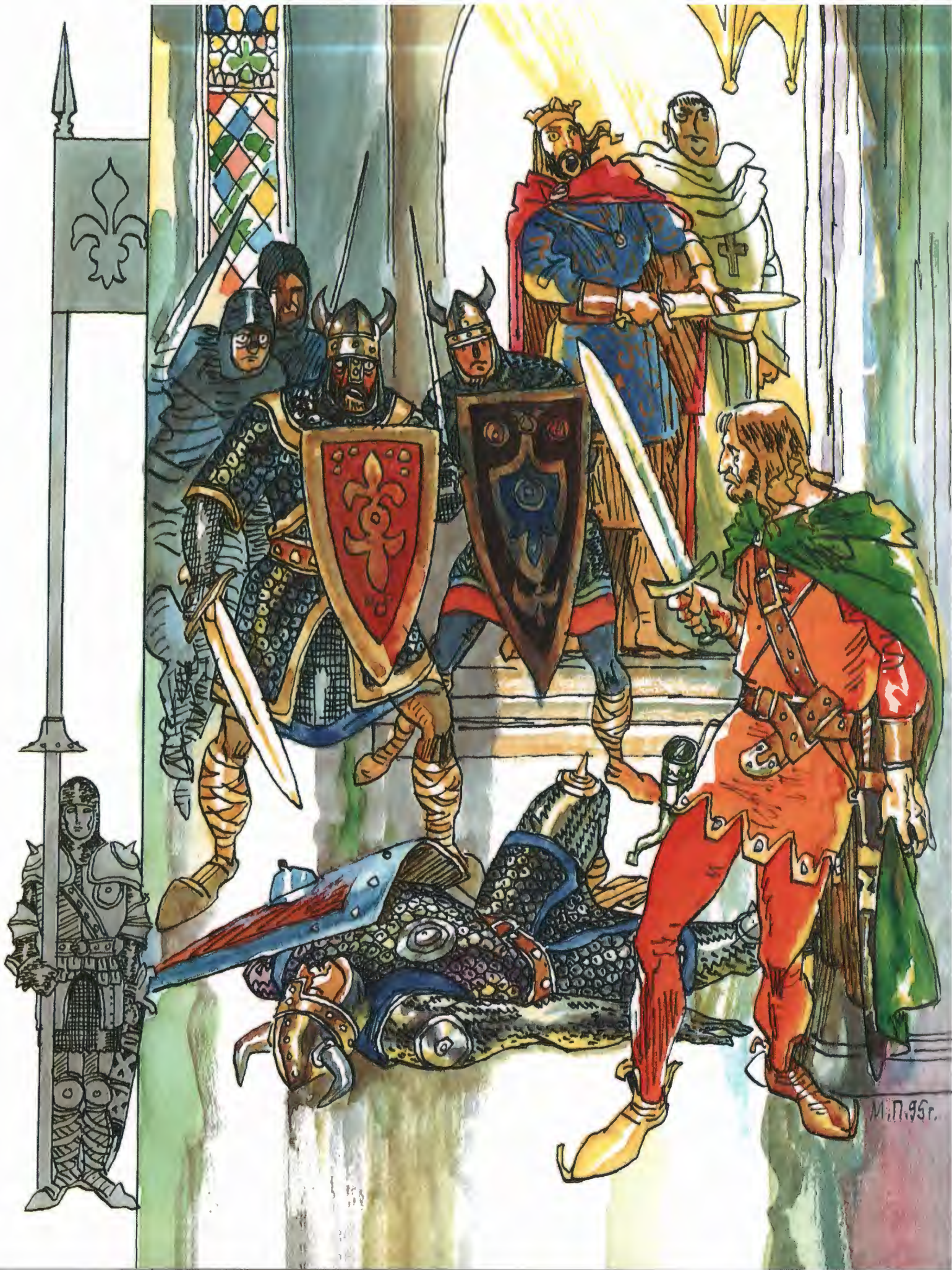
— Не перебьет! Смотрите, слабеет!

Робин действительно терял силы. По его лицу струилась кровь — он был ранен. О, как он нуждался сейчас в помощи своих верных товарищей! Где теперь Маленький Джон, которого он так несправедливо обидел? Что толку было теперь раскаиваться в своем поступке...

— Хватайте его! — неистовствовал шериф. — Пятьдесят золотых тому, кто возьмет его живым!

Враги всё наступали и наступали, подогретые этим обещанием: не валяются на дороге пятьдесят золотых!

И вот уже правая рука Робина совсем ослабла. Кто-то вырвал у него меч, но он все равно не сдавался, орудуя кулаками.

Но силы были слишком неравны. И Робин Гуд, отважный и благородный Робин, был схвачен.

— Ну что, дружок! — ликовал шериф. — Все! Теперь не поохотишься на королевских оленей, как ты думаешь, а?

Робин молчал.

— Теперь не будешь грабить служителей церкви и угрожать баронам! Покайся, пока не поздно, потому что дни твои сочтены.

Под тройной охраной Робин Гуда поволокли в тюрьму и швырнули на пол в самой глубокой темнице под землей, где не было ни окон, ни щелочки, полный мрак — ни свечи, ни горячей лучинки.

Вилли Скарлет оказался у тюремных ворот, когда их накрепко заперли и еще на всякий случай выставили наружную охрану.

Преданный друг, он был совершенно подавлен случившимся.

«Господи, — молил он в отчаянии, — вразуми, научи, что мне делать? Перебить стражу? Из этого не выйдет никакого проку: ключи от ворот унес с собой шериф, а темница, куда они бросили Робина, наверняка заперта еще и изнутри. Да, одному мне ничего и не сделать!»

И Вилли устремился обратно в Шервудский лес, к друзьям, к лесным стрелкам, в сокровенные чащобы, где рос самый огромный во всей Англии дуб. Когда он, задыхаясь от сумасшедшего бега, достиг наконец заветной поляны, Маленький Джон уже простился с лесными

братьями. Великан перекинул через плечо узелок со своим скарбом и собирался уходить. Навсегда. Опечаленные стрелки расступились, давая ему дорогу.

— Пстой! Подожди, Маленький Джон! — крикнул ему Вилли Скарлет и в изнеможении рухнул на траву.

Через минуту все знали, что случилось с Робинот в Ноттингеме. Маленький Джон стоял неподвижно, низко опустив голову. В глубине души он то мчался в Ноттингем на выручку, то навсегда покидал эти места. Уж очень горька была его обида! Но вдруг на мгновение ему представилось, как гордый Робин Гуд лежит на каменном полу в темнице и умирает, истекая кровью. Дрогнуло его благородное сердце. Он швырнул свой узелок на землю.

— Клянусь Пречистой Девой Марией, я никуда не уйду, пока не освобожу своего друга из вонючих лап шерифа! — воскликнул он.

— Bravo, Маленький Джон! — закричали все, а Кеннет Беспалый добавил:

— Ты никогда не уйдешь, Маленький Джон. Шервудский лес не может без тебя, но и ты без него не можешь.

А Маленький Джон уже обдумывал план спасения Робина. Единственного Робина, благороднейшего, отважного Робина, которого он, Маленький Джон, несмотря ни на что, горячо и преданно любил.

— Шериф так ненавидит Робина, что, ясное дело, постарается поскорее повесить на базарной площади в Ноттингеме, — размышлял вслух Маленький Джон.

— Без суда, — добавил Вилли Скарлет.

— Уж конечно, — вздохнул Кеннет Беспалый.

— Сделаем так, — сказал Маленький Джон. — Мач и ты, Кеннет, срочно собирайте всех и будьте готовы выступить по первому моему слову. Хоть бы уж и отец Тук успел к тому времени вернуться. А пока мы с Вилли переоденемся монахами, пусть отец Тук простит нам, что мы пороемся в его гардеробе. Нам придется поспешить в Ноттингем, в рясах будет легче поразузнать и поразведать, что собирается делать шериф.

На полдороге к Ноттингему Маленький Джон и Вилли — оба в монашеском черном облачении — увидели двух других монахов, скакавших им навстречу во весь опор, точно за ними гналась стая волков.

— Остановитесь-ка на минуточку, братья! — крикнул им Маленький Джон, преградив путь.

— С дороги! — закричал в ответ монах, скакавший на резвой мухортой кобылке. — Мы торопимся в Лондон, ко двору его высочества с важным известием.

— Что за спешка, братья? — мирно продолжал Маленький Джон, берясь за уздечку монаховой лошади. — Случаем, не преставился ли ваш епископ?

— Да нет же, какой там епископ! — вступил в разговор второй. — У нас потрясающие новости, высочество пустится в пляс от радости. Наконец-то пойман его враг, враг всех высоких чинов и норманнских баронов, разбойник Робин Гуд!

— Робин Гуд? — с деланным равнодушием переспросил Вилли Скарлет.

— Уж не тот ли это, кто постоянно грабил казну нашей матери-церкви? — добавил Маленький Джон.

— Он, он самый! — с жаром откликнулся первый монах. — Это я его выследил. И теперь я буду старшим келарем в самом богатом монастыре, и мне лично доверено отвезти радостное известие к королевскому двору.

И монах-шпион, предавший Робин Гуда в руки шерифа, начал хвастливо распинаться о своих деяниях.

— А теперь не задерживайте меня, — он сделал попытку освободить уздечку. — Мне необходимо вернуться и самому присутствовать при казни этого мерзавца! Я думаю, шериф построит на рыночной площади в Ноттингеме самую высокую виселицу во всей доброй Англии.

— Нет, подлый монах, его казни ты никогда не увидишь, — вскричал Маленький Джон. — Ты предал честнейшего и благороднейшего человека, когда он молился Пречистой Деве возле твоего алтаря. Получи же причитающуюся тебе награду!

И, выхватив меч из-под черного плаща, Маленький Джон одним ударом прикончил предателя.

Завладев всеми свитками, которые вез испутивший дух монах, и связав его спутника, они отправились назад в сокровенное место к могучему старому дубу.

Слава богу, отец Тук уже вернулся. Было кому прочесть шерифов пергамент, было кому подать Маленькому Джону мудрый совет.

Со всякими приседаниями и расшаркиваниями и уверениями в верноподданнейших чувствах Симон де Жанмер, шериф Ноттингемский, сообщал принцу Джону, что подлый разбойник, обиравший высокородных норманнских баронов и высоких служителей матери-церкви, наконец-то

его, шерифа, стараниями пойман и надежно заключен в тюрьму. Он испрашивал принца Джона относительно того, как он повелеть изволит ему, шерифу, обойтись с вышеназванным разбойником и негодяем Робин Гудом.

Этот подлец-шериф приписывал себе все заслуги и, видно, ждал для себя от принца всяческих милостей.

В эту ночь в Шервудском лесу никто не спал. Говорили, толковали, обсуждали, как им вызволить Робин Гуда. Все были единодушны в решении, что никогда шериф Ноттингемский не посмеет вздернуть на виселицу доблестного предводителя лесных стрелков. Так было постановлено с самого начала. Если дело дойдет до расправы над Робин Гудом, все лесные стрелки нападут на город, подожгут тюрьму, а заодно и шерифову резиденцию.

Когда небо на востоке заалело и в листве защебетали птицы, план был готов во всех деталях.

Отец Тук долго трудился, сочиняя ответное послание принца Джона шерифу де Жанмеру. Благодаря запасливости Робин Гуда на складе нашлось голубое сукно, из которого быстро соорудили форму королевских гвардейцев. Когда все было готово, прошло как раз столько времени, сколько понадобилось бы срочному гонцу доскакать до Лондона и вернуться с вестью от принца.

Дальше события разворачивались следующим образом. К вечеру третьего дня, как раз в тот час, когда стражники уже собирались запереть городские ворота, перед ними осадили разгоряченных лошадей семеро всадников. Шестеро

из них были в форме королевских гвардейцев, седьмой же предстал в облачении королевского герольда, в правой руке он держал длинную серебряную трубу. Как только вся кавалькада остановилась, герольд поднес трубу к губам.

— Тра-та-та-та! Тра-та-та-та! Тра-та-та-та! — трижды прозвучал и далеко разнесся в вечернем воздухе сигнал королевского герольда. Алан-э-Дейл умел играть не только на лютне!

— Кто идет? — как ему и положено, спросил стражник.

— Сэр Монфор де Бур, посол королевского двора — к шерифу Симону де Жанмеру с личным посланием от его величества! — отчеканил «королевский герольд».

Стражник, пришедший в несказанное волнение от важности происходящего, с низким поклоном распахнул еще не запертые ворота, и вся кавалькада разодетых столичных особ направилась к дому шерифа. Проезжая мимо стражника, предводительствовавший, высоченный гвардеец на вороном коне, бросил ему золотую монету.

Копыта гулко процокали по узким улицам затихавшего города.

Трудно описать, что сделалось с шерифом, когда он увидел у себя в доме столь высоких гостей. Сам барон Монфор де Бур! Он много слышал о нем, но видеть его шерифу пока еще ни разу не приходилось.

— Симон де Жанмер! — с гордым и заносчивым видом обратился к шерифу «посланник короля».

Шериф низко поклонился и встал на одно колено перед такой высокопоставленной особой, как сэр Монфор де Бур.

— Вот грамота его величества, — продолжал посланник, протягивая шерифу свернутый пергамент, на котором болталась красная печать. — Его величество приветствует тебя, шериф. Умеешь ли ты читать?

— Добро пожаловать, сэр, — пролепетал шериф. — Я умею читать, но я не клерк, мне незачем себя утруждать, сейчас я позову чтеца.

— Не стоит, — перебил его прибывший. — Мой клерк достаточно внятно прочтет тебе послание его величества короля.

И шикарным жестом он передал свиток отцу Туку. Тот сломал «королевскую печать» и торжественно зачитал то, что накануне сам же и сочинил в глубине Шервудского леса:

Привет высокочтимому и любимому нами Симону де Жанмеру, шерифу города Ноттингема. Настоящим приказываю, чтобы Робин Гуд, иначе Роберт Фитцутс, был повешен в полдень через три дня по получении нашего послания в присутствии направляемого в город Ноттингем барона Монфора де Бура, кой и должен вручить шерифу настоящее послание.

Повелеваю также, чтобы через три дня после произведенной казни высокочтимый шериф прибыл в Лондон ко двору, где его будет ожидать достойное его заслуг вознаграждение.

Джон, король.

«При живом короле Ричарде приходится называть этого самозванца королем», — подумал Маленький Джон. А вслух он сказал:

— Господин шериф видит из королевского послания, какое огромное значение его величество придает казни этого негодяя. Я должен лично удостовериться, что казнь имела место, и лично доложить об этом королю.

— Ну конечно-конечно, сэр, — закивал шериф. — Господин барон во всем сможет убедиться воочию!

— Готова ли виселица? — строго спросил Маленький Джон.

— Завтра в полдень все будет готово, господин Монфор.

— Смотри же, чтобы никаких оплошностей. Да. Еще вот что: жители города могут быть допущены к зрелищу казни. А теперь мне и моим людям не мешало бы перекусить с дороги.

— Могу ли я рассчитывать на высокую честь пригласить вас к обеду в моем доме? — заискивающе произнес шериф.

Маленький Джон и его сопровождение милостиво дали согласие.

Их лошадей отвели в шерифовы конюшни, вычистили, накормили отборным овсом.

Молодая жена шерифа птицей летала из гостиной на кухню, лично приглядывая за тем, чтобы был приготовлен для высоких гостей такой банкет, какого еще не бывало в славном городе Ноттингеме.

Шерифу было ничего не жаль. В его воображении ему уже грезились баронский титул.

И вот в большом зале шерифова дома начался пир. И пировали вместе с шерифом Маленький Джон, отец Тук, и Мач, сын мельника, и Вилли Скарлет, и Кеннет Беспальный, и нежный менестрель Алан-э-Дейл.

Обед продолжался много часов. Для знатных гостей была даже пущена в ход семейная реликвия — золотая и серебряная посуда. Шериф так дорожил этим сервизом, что и на собственной свадьбе не решился им воспользоваться.

К полуночи многие из гостей шерифа здорово набрались вина, по старой пословице — «Были пьяны, как лорды». Маленький Джон все время предлагал тосты то за здоровье «короля» Джона, то за здоровье шерифа и его несравненной супруги. Отказываться и не пить было решительно невозможно.

Что касается Маленького Джона и всех остальных, они только делали вид, что пьют.

Часы на городской ратуше пробили полночь. Практически все шерифовы гости и домочадцы заснули, кто уронив голову на стол, а кто и свалившись на пол. Сам шериф отчаянно боролся с одолевшей его дремотой.

— Я надеюсь, господин шериф, — сказал Маленький Джон, слегка тряхнув его за плечо, — что этот негодяй заперт надежно?! Не пришлось бы мне, вернувшись ко двору, рассказать, что он спасся бегством? А?

— Ха! Никуда он не денется! — ответил сильно захмелевший шериф.

— Но говорят, что он — хитрая бестия, если это только правда. К тому же у него, я слышал, много друзей.

— Господин барон, он запрятан так надежно, что пусть хоть все эти мерзавцы из Шервудского леса соберутся, они ничего не смогут сделать.

— Это хорошо, друг мой, — одобрил его «королевский посланник». — Но мне было бы спокойнее, если бы я сам убедился, что этот безнадежный негодяй все еще находится в тюрьме.

— Где ж ему еще быть? — проговорил шериф, икая и поднимаясь на шаткие от хмеля ноги. — Пойдем, уважаемый гость, я тебе его покажу, чтобы ты мог спокойно спать в моем — ик! — доме.

Шериф растолкал нескольких спящих слуг и велел принести зажженные

факелы. Все двинулись в сторону тюрьмы. Только Кеннет и Алан отстали, чтобы вывести из конюшни своих лошадей да прихватить еще одну лишнюю.

Стражники не сразу впустили в тюрьму пришедших. На ночь они заперлись изнутри, и шерифу пришлось долго стучать неверной рукой в тяжелые, обитые крупными гвоздями ворота. Наконец один из сторожей поглядел в глазок и узнал самого господина де Жанмера.

Нужно было повернуть ключ в шести или семи замках, пока дверь наконец со скрипом не отворилась.

Старательно заперев двери за вошедшими, тюремщик, повинуясь приказу шерифа, повел их вниз по толстым каменным ступенькам к маленькой двери самой глубокой темницы, и шериф сам отпер замок.

— Ага! Вот и Робин Гуд! — закричал Маленький Джон. — Видишь теперь, что получается, когда нарушаешь королевские законы? Убиваешь оленей и грабишь честных священнослужителей?

Робин, нечесаный, небритый и ослабевший от потери крови, лежал в полудремоте на голом полу. Свет факелов ослепил его, но голос Маленького Джона вселил надежду.

— Ну-ка, покажись, каков ты есть, мерзавец! — крикнул ему наполовину протрезвевший шериф. — Королевский посол прибыл специально, чтобы быть свидетелем на твоей казни. Теперь уже никогда...

Но ему не удалось договорить фразу. Маленький Джон обрушил на него удар такой силы, что он рухнул на пол и покатился, как дубовый чурбан. В тот же миг отец Тук заломил руку тюремщику и вырвал у него связку

ключей. Еще мгновение — Робина, все еще не пришедшего в себя, вынесли из темницы и, оставив в ней шерифа со стражем, заперли дверь снаружи.

— Маленький Джон! — прошептал Робин. — Ты спас мою жизнь, хотя я и не достоин этого. Прости мне, прошу тебя именем Пречистой Девы Марии.

— Храни тебя Господь, Робин, — сказал Маленький Джон. — Все прощено и все забыто.

— Поспешите, друзья мои, — сказал Вилли Скарлет. — Нам нельзя терять ни минуты.

Выбежав из тюрьмы, беглецы накрепко заперли обитую гвоздями тюремную дверь, вскочили на коней, которых уже держали наготове Кеннет Беспалый и Алан-э-Дейл, и, вихрем домчавшись до городских ворот, разбудили стражника. Стражник охотно отпер дверь «королевскому» посланцу, который накануне подарил ему золотой.

Наутро по городу поползли слухи, будто ночью по улицам носились привидения верхом на призрачных конях. Дальше все стало еще таинственнее, потому что шерифа не могли нигде обнаружить. Попробовали замок тюремных ворот. Но он был крепко заперт. Однако на стук сторож не откликался. Подождав еще пару дней, притащили стенобойное орудие и выломали двери. Никакого Робин Гуда в тюрьме не обнаружили. Зато нашлась их пропажа — шериф Ноттингемский Симон де Жанмер!

ГЛАВА IV

Приключения

Рейнольда

Гринлифа

Робин Гуд постепенно поправлялся и приходил в себя. К нему потихоньку возвращались его сила, удадь и веселость.

Прекрасная Мэриен не отходила от него, варила травяные отвары, готовила мази на барсучьем жире, бинтовала раны, и добрая Элейн помогала ей во всем.

Каких только состязаний, с какими только призами не назначал шериф Ноттингемский в течение лета! Но никто из зеленых стрелков не соблазнился. Только глупец не поймет, что после летних событий каждое состязание — западня!

Лето прошло, приблизилась осень, наступил октябрь. В воздухе стояла прохладная свежесть. По утрам лужи покрывались тонкой корочкой льда. Пшеница, ячмень, овес были сжаты, обмолочены и засыпаны в амбары баронов и монастырей. Тоненьким ручейком притекли и в дома бедных вилланов. Был высушен и убран хмель. Ссыпаны в деревянные лари и переложены стружкой спелые душистые яблоки.

На всех дорогах раздавался скрип колес. Телеги везли товары в Ноттингем на ярмарку. Один раз в пять лет, именно в октябре, в Ноттингеме устраивалась грандиозная ярмарка, на которую съезжались из окрестных мест — со всей доброй и веселой Англии.

На просторном лугу у стен Ноттингема уже были разбиты пестрые шатры, построены легкие беседки, украшенные гирляндами из осенних цветов и листьев.

Под одним шатром плясали под звуки волынок и скрипок, в другом месте угощались элем и сладкими пирожками. Сидя на траве, бродячие певцы распевали старинные баллады, а на огороженном веревками и засыпанном опилками пятачке боролись могучие и мускулистые атлеты.

Маленькому Джону не давала покоя одна мысль:

«А хороши были золотые и серебряные блюда шерифа, — думал он. — Наша прекрасная королева леди Мэриен выросла в богатом замке своего отца и ведь наверняка привыкла ко всяческой роскоши. Вот бы добыть для нее эти прекрасные золотой и серебряный сервизы. Вот уж был бы для нее королевский подарок!»

Ни с кем не поделившись этой мыслью, он попросил у Робин Гуда разрешения пойти на ярмарку. Конечно, там

не обойдется без состязаний лучников, и он, Маленький Джон, обязательно им всем покажет!

— Уж не потерял ли ты рассудок, друг мой? — мягко поинтересовался Робин.

— Маленький Джон, не приближайся к Ноттингему, — упрасивала его Мэриен. — Шериф не пощадит тебя, теперь он будет осторожнее в тысячу раз.

Но Маленький Джон не боялся шерифа. Он знал, что Симон де Жанмер — человек злой, жадный, пресмыкающийся перед властью имущими, жестокий к тем, кто ниже его по званию, и при всем при этом очень неумный человек.

— Ты был у него под видом барона Монфора всего каких-нибудь полгода назад, да, пожалуй, и того меньше. Ты думаешь, он не узнает тебя? — напомнил отец Тук.

— Не узнает, — смеясь, возразил Маленький Джон. — Я выкрашу бороду ореховым соком и нацеплю на себя пурпурный плащ. Право же, не узнает!

— Ого! — воскликнул шериф, который был в этот день главным судьей на ярмарочном состязании лучников. — Да этот в пурпурном плаще всех вас верхом на палочке обскочит. Вот это стрелок так стрелок!

Он всмотрелся в лицо черноусого и чернокудрого парня.

— Послушай, — сказал он, — видно, сам святой Вульфстан направляет твою стрелу! Не будь ты таким верзилой, да еще с черной бородой, я бы решил, что ты и есть Робин Гуд.

— Не-е-ет, ваша милость, — растягивая слова, ответил стрелок. — Меня зовут Рейнольд Гринлиф.

— Сдается мне, я где-то тебя однажды видел, — покачал головой шериф. — Только вот не припомню где.

— Да не-е-ет, ваша милость, это наверняка был не я, а мой брат, — заверил его Рейнольд Гринлиф. — Мы живем в Холдернессе. Мой брат — мясник. Он возит в Ноттингем говядину. Впрочем, и баранину иногда тоже привозит.

— Послушай, Рейнольд, — сказал шериф. — Не пойдешь ли ты ко мне на службу? Мне очень нужен в охрану такой искусный стрелок. Я буду платить тебе тридцать золотых в год.

— Что ж, это можно, — сказал Рейнольд Гринлиф. — Только вот тут притулилась одна закорючка...

— Что бы это могло быть? — любопытствовал шериф.

— Я, господин шериф, люблю поесть. И надо, чтобы ваш повар давал мне столько, сколько мне потребуется, и того, что кушает сам шериф. А иначе я не согласен.

— Ну, эта закорючка легко распрямляется, — ухмыльнулся шериф, — есть и пить будешь вволю.

Так вот и поступил на службу к шерифу Рейнольд Гринлиф и сделался постепенно его правой рукой, и заодно разведаль, что золотой и серебряный сервизы хранятся в кованом сундуке и что ключи от сундука находятся у дворецкого Уормена. Теперь Рейнольд сидел рядом с шерифом за обеденным столом и на охоте скакал тоже рядом, не отставая ни на шаг.

Здесь надо сказать, что от обильной еды, доброго эля и нетяжелой работы новый шерифов слуга здорово растолстел и слегка обленился.

Однажды, когда шериф с гостями рано утром отправились на охоту к Ведьминой балке, Рейнольд Гринлиф даже не почесался встать вовремя. С другой стороны, охота намечалась на этот раз не по высшему разряду, и шериф сам решил не утруждать лишний раз своего любимца. Прохрапевши почти до полудня, тот наконец проснулся, но сразу не встал, а еще немного повалялся в постели, размышляя о своем прекрасном житье-бытье. И вдруг издалика его слуха коснулся звук, даже, можно сказать, тень звука, так это было далеко.

Но там, там вдали прозвучал призыв серебряного рожка, и у Рейнольда Гринлифа защемило сердце. Он вспомнил о своих друзьях, о благородном Робин Гуде, о прекрасной Мэриен, о зеленых полянах, о запахе костра...

И он тут же принял решение: сначала как следует позавтракать, потом, хорошенько попросив святого Дунстана о помощи, хоть так, хоть этак отобрать у Уормена ключи от сундука, а дальше — прыг в седло, и ищи орла в небесах, а былинку в поле.

Маленький Джон (а это был, разумеется, он) быстро сбежал по лестнице и увидел дворецкого Уормена, который, гремя ключами, стоял неподалеку от кладовой.

— Господин дворецкий, я голоден, как барс, — сказал он. — Дай мне, пожалуйста, поесть.

Уормен кинул на просящего злобный взгляд. Он был полон зависти и ненависти к этому Гринлифу, потому что тот был любимчиком хозяина.

— Ха! — фыркнул дворецкий Уормен. — Ты хочешь есть?! Ты бы еще дольше храпел! Забыл, что ли, как говорят в народе: «Для поздней пташки ни хлебушка, ни кашки».

— Ты, мешок с салом! — окоротил его Маленький Джон. — Я не просил тебя пичкать меня мудростью, предназначенной для тупиц. Я тебя ясно спрашиваю, где моя еда?

— В кладовой, где ей быть, — ответил Уормен, поигрывая связкой ключей на огромном железном кольце.

Маленький Джон подошел к кладовой и толкнул дверь. Она оказалась запертой. Дворецкий расхохотался.

— Ах ты, жирный индюк! — разозлился великан. — Ну, держись на своих свиных ножках!

Он так двинул дворецкого, что тот отлетел к противоположной стене и рухнул на пол. Мнимый Рейнольд вырвал у него из рук ключи и отпер кладовую.

— Ага! — сказал он, глядя на лежавшую на полках снедь. — Что ж, мясной пирог очень даже хорош для завтрака, и жирные каплуны — вещь не вредная, и яички пригодятся. А что тут в этой фляге?

Он встряхнул кожаную флягу и поднес ее к уху. Потом удовлетворенно кивнул.

— Хм! Что-то булькает.

Он приладил под подбородком свежую салфетку и принялся за еду. Уормен тем временем, кряхтя, поднялся на ноги и пошлепал на кухню — жаловаться повару, Гвену из Сайлса, на бесчинства Гринлифа. Гвен был мужчина

могучего сложения, и Уормен рассчитывал найти у него сочувствие и защиту.

Управившись с пирогом, наш герой потянулся было, чтобы снять с крюка копченый окорок, но тут весь дверной проем загородила чья-то мощная фигура. Это был повар Гвен из Сайлса.

— Эй, Рейнольд, я называю такие дела воровством! — загудел он своим низким басом так, что в кладовой образовалось маленькое эхо. — А ну-ка давай отсюда, а не то я разделаю тебя, как я разделываю баранью тушу на кухне.

— Помолчи, дружище, — ответил мнимый Рейнольд, догладывая ножку каплуна и швыряя косточку на пол. — Я вообще-то тихий, как ягненок, но если кто лезет ко мне во время еды, я становлюсь лютый, как лев.

— Плевал я на всех львов на свете! — воскликнул повар, в сердцах размахивая мечом. — Иди сюда и покажи, на что ты способен, иначе ты — мерзавец, вор и трусливая овца!

— Ну уж в трусости меня никто не обвинит! — воскликнул Маленький Джон, отшвыривая в сторону салфетку и выскакивая из кладовой.

Бросая друг на друга злобные взгляды, они уже скрестили мечи, как вдруг до слуха повара донеслись слова:

— Послушай, Гвен. Вполне возможно, что ужинать нам придется порознь: если мы хорошенько подеремся, один из нас очень даже свободно может попасть на вечерю к святому апостолу Петру. Так давай хоть пообедаем вместе и выпьем по кружке доброго вина, а потом уж и выясним, кто из нас трус, а кто лев.

— И послушай, Гвен, — продолжил он. — А стоит нам пытаться перерезать друг другу глотки на дворе у шерифа? И не лучше ли нам вместе отправиться в Шервудский лес. Там так легко дышится, там веселые и надежные друзья, там жарится свежая оленина на душистом костре. Ты наденешь костюм из легкого зеленого линкольнского сукна. И никакой подлый Уормен не будет тобой командовать, и никакой поганый шериф не будет твоим хозяином. Как ты на это смотришь, дружище?

В сумерках у ворот Ноттингема с удивлением поглядели на двух шерифовых слуг, которые, перекинув по мешку через плечо, прошли наискосок по ярмарочной площади, по которой ветер гонял всякий оставшийся от праздника сор, и пошагали дальше в сторону Большой Королевской дороги.

С Большой Королевской дороги путники свернули в лес. Они двигались неслышно. И путь проходил неподалеку от Ведьминой балки, где в этот день собирался поохотиться со своими гостями шериф.

Вдруг неподалеку от того места, где в прошлом году молния рассекла толстый ствол дуба, Маленький Джон с ходу резко остановился и приложил палец к губам.

— Тш-ш. Постой, — сказал он, прислушиваясь.

— Что случилось? — прошептал Гвен.

— Кто-то вспугнул сойку, — так же шепотом ответил Маленький Джон, пристально оглядывая все вокруг. —

Ага. Веточка бересклета сломана — и, смотри, совсем-совсем недавно, она не успела даже привянуть. Кто-то здесь притаился совсем близко от нас.

— Я ничегошеньки не слышу, — одними губами прошепел повар.

— Именно. И я ничего не слышу. Это-то и плохо. За деревьями может оказаться засада.

— Кто же здесь и кого стережет?

— Нам как раз предстоит это выяснить. Давай пока сложим мешки за расколотым дубом, а я пойду остороженько разведая, что там происходит. Подожди меня здесь и сиди тихо, не чихай, не кашляй, не шевелись.

Маленький Джон достал из колчана стрелу, проверил наконечник и, сделав пару шагов, скрылся в темноте.

Наступила ночь. Небо было скрыто облаками, на нем — ни луны, ни звезд. Ночные шумы, шелесты и шорохи ничего не говорили Гвену, еще не привыкшему к лесу. Вдруг совершенно неожиданно, потому что двигался, не производя никакого шума, из темноты возник Маленький Джон.

Повар Гвен даже вздрогнул при его появлении, хоть и был далеко не робкого десятка.

— Впереди — засада, так я и думал, — сказал Маленький Джон. — Их там то ли трое, то ли четверо. Парочка из них явно люди Гая Гисборна. Я разглядел норманнские шлемы. А еще один с луком — вроде бы из стражников аббатства Святого Квентина. И что им тут нужно?

Не успел Маленький Джон окончить фразу, как со стороны Большой Королевской дороги послышался топот. Кто-то скакал верхом на лошади.

В темноте трудно было разглядеть, кто это. Всадник явно спешил, потому что гнал коня, несмотря на ночное время.

Скорее всего, что притаившиеся в лесу наемники Гая Гисборна стерегли именно его. Маленький Джон и повар Гвен ринулись коню наперерез, чтобы предупредить всадника.

— Остановись, кто бы ты ни был! — крикнул Маленький Джон, хватая лошадь за уздечку.

— С каких это пор шерифовы слуги осмеливаются отдавать команды рыцарям? — гневно вскрикнул всадник, привстав в стременах и выхватывая меч.

Однако он тут же опустил руку и удивленно проговорил:
— Маленький Джон? Что это еще за маскарад? Это ты нацепил на себя тряпье, которое носят шерифовы холоуи?

Маленький Джон ничего не успел ответить, потому что конский топот и их разговор всполошил засаду, трое вооруженных людей уже неслись на звуки голосов.

Маленький Джон, вскинув лук, сразу же выстрелил, и один из нападавших свалился — стрела пробила кольчугу.

Второй кинулся на всадника, размахивая мечом.

— Наконец ты попался, Ричард Ли! Сейчас ты понюхашь, чем пахнет дружба с подлым разбойником Робин Гудом! Узнаешь, что стоят денежки святого Квентина! Поймешь, каково враждовать с доблестным Гаем Гисборном и святейшим аббатом!

Но его красноречие прервал Маленький Джон, набросившись на него с мечом. Сражение было недолгим. Меч у гисборновского воина был выбит из рук, и тот пустился наутек с быстротою курицы.

Гвен принял на себя удары аббата стражника. Но Гвен был против него как гора против болотной кочки, и вскоре аббатов стражник рухнул прямо в ногам повара.

— Ну, Маленький Джон, ты спас мне жизнь! — сказал сэр Ричард Ли. — Я в темноте непременно напоролся бы на засаду. А кто этот человек и почему он оказался с тобой ночью в лесу? — спросил рыцарь, кивая в сторону Гвена.

— Это хороший парень, Гвен из Сайлса, — объяснил рыцарю Маленький Джон. — Он решил оставить шерифову кухню и перестать жарить для него каплунов и коптить

M. J. 95 r.

окорока. Ему больше по душе жизнь вольного стрелка. Да и тряпки эти, — он показал на плащи, свой и Гвена, — хочет он сменить на зеленое линкольнское сукно.

— Что ж, приветствую тебя, Гвен из Сайлса, — сказал сэр Ричард. — А я спешу к Робин Гуду с радостным известием. Я получил сведения, что выкуп передан и законный король Ричард Львиное Сердце возвращается в Англию.

— Да здравствует король! — отозвались хором Маленький Джон и Гвен.

И с этой радостной вестью они устремились к Робин Гуду, ко всем его доблестным друзьям, к сокровенной поляне — туда, где рос самый могучий в Англии дуб.

...А мешки с золотой и серебряной посудой? Дело в том, что на радостях оба, и Гвен, и Маленький Джон, о них забыли. А когда вспомнили — что-то им не захотелось возвращаться.

Интересно, что когда на следующий день они направились к разбитому молнией дубу, мешков там не оказалось.

А случилось вот что. Охотившийся поутру шериф наткнулся на них и был несказанно обрадован. Он решил, что сам святой Дунстан делает ему такой подарок. И только дома, поняв, что это его собственный фамильный сервиз, он долго ломал голову над тем, как он попал в лесную чащу в рогожных мешках. Шериф ни с кем не стал обсуждать случившееся, а про себя решил, что дело не обошлось без нечистой силы.

ГЛАВА V

Как Робин Гуд нанялся в палачи и как погиб шериф Ноттингемский

Шериф города Ноттингема, Симон де Жанмер, был зол на весь белый свет. Чувствуя это, дворецкий Уормен вошел в кабинет не без страха. Осторожно ступая по мягким шкурам, застилавшим каменный пол комнаты, он подошел к хозяину и обратился к нему с низким поклоном:

— Какие у вас будут распоряжения насчет обеда, ваша милость? Миледи заказала жареных фазанов.

— Жареных пиявок! — рыкнул шериф. — С тех пор как мой повар, пусть поразит его чума, скрылся в неиз-

вестном направлении, разве обеды готовят на нашей кухне?! Это не еда, а отравы для конюшенных крыс!

— Новый повар уже приглашен и выехал из Лондона, ваша милость, — постарался обрадовать шерифа дворецкий.

Но известие это не успокоило хозяина.

— Как бы кто еще не выехал из Лондона! — проворчал он. — Ты слышал о том, что выкуп заплачен и что король Ричард жив и невредим и направляется в столицу?

— Да, ваша милость, такие слухи носились в воздухе, но верны ли они, я сказать не могу.

— А если так оно и есть? Тогда для принца Джона настанут не самые лучезарные времена.

«И для меня тоже», — подумал шериф, но вслух этого не сказал.

— Послушай, Уормен! — продолжал шериф. — Ведь этот негодяй Робин Гуд и вся его обнаглевшая банда все еще на свободе. Надо же вычесать их из леса, как вшей из головы грязной старухи, иначе они, услышав о возвращении Ричарда Львиное Сердце, просто поднимут бунт.

Уормен счел за благо промолчать, потому что не мог подать хозяину никакого толкового совета на этот счет. «Не так-то легко это сделать», — подумалось ему.

Утро в Шервудском лесу не предвещало ничего дурного. Как всегда, на рассвете проснулись дрозды, и отец Тук на их свист откликался таким же мелодичным свистом. По небу плыли легкие комочки облаков, в лесной чаще

солнечные лучи казались голубыми. На поляне уже разводили костер, чтобы готовить на нем завтрак.

Но тут выяснилось, что мука, из которой пекли хлеб, на исходе. Вилли Скарлет, Кеннет Беспалый и Мач вызвались отправиться в Ноттингем и купить парочку мешков.

Мэриен посмотрела на них озабоченно.

— Оденьтесь мастерскими, тогда Мач сойдет за подмастерье. И, пожалуйста, быстрее возвращайтесь.

— Да, ребята, вы поосторожнее, — прибавил Робин. — Шериф сейчас зол на нас особенно. Он не прощает нам, что большая часть выкупа за короля собрана не кем иным, как выброшенными из жизни изгнанниками.

— Не тревожься, Робин, — отозвался Вилли беспечно. — Наши луки и мечи при нас.

На рыночной площади в этот будничный день особенной толчеи не было. Двое мастерских и молоденький подмастерье ходили вдоль мучных рядов.

— Эй, парни, смотрите, какая мука! — зазывал их продавец. — Лебяжий пух! Из такой муки в Лондоне облака делают!

— Не слушайте вы его! — кричал другой. — Моя мука сродни манне небесной, просыпавшейся с неба на людей Моисеевых. Честное слово — библейская мука!

Но лесные стрелки не искали изысков. Они обычно покупали муку грубого помола. Простой, но славный хлеб получался из нее, замешанный на родниковой воде с добавлением шелеста дубов да теньканья синицы.

— Предложи библейскую свою муку аббату Святого Квентина, — весело откликнулся Вилли Скарлет, — да гля-

ди, чтобы святой отец не обсчитал тебя и не подсунул вместо серебряной денежки свиной пятачок!

В это время один из стражников шерифа, наблюдавших за порядком на рыночной площади, несмотря на их маскарад, узнал в троих покупателей людей Робин Гуда. Он тут же помчался к шерифу.

— Господин шериф! Господин шериф! — завопил стражник, когда ему открыли дверь. — Люди из Шервудского леса снова в Ноттингеме!

Шериф в мгновение ока собрал вооруженный отряд и поскакал с ним к рыночной площади.

Вид спешащего верхом на лошади шерифа и сопровождающего его отряда вызвал у людей панику. Многие сразу же догадались, в чем дело.

— Схватить их! — приказал шериф, показывая на троих «мастеровых» в мучном ряду.

Но тут многие саксы кинулись лесным стрелкам на выручку. Завязалась драка. В пылу битвы были сломаны несколько прилавков и опрокинуты бочки с мукой. Белая мучная метель кружилась над головами людей.

— Быстро! — скомандовал Вилли Скарлет Кеннету и Мачу. — Бегите, пока не заперли городские ворота.

И, выхватив свой короткий меч, он яростно кинулся в битву, прикрывая отступление своих друзей. Кеннет и Мач понимали, что втроем они бессильны против отряда человек в двадцать, и поэтому не стали спорить с Вилли, а быстрее шквального ветра пронеслись через ворота, промчались по Большой дороге и ринулись в лес — за помощью к Робин Гуду.

Вилли защищался из последних сил. Помощь из леса еще не подспела. Горожане сочувствовали ему. Но что могла сделать кучка людей, бывших на площади, против вооруженных стражников!

Вилли в конце концов сбили с ног, связали и поволокли в городскую тюрьму. Там его бросили в ту же самую темницу, где еще так недавно томился Робин.

Часа не прошло, как Кеннет и Мач добежали до сокровенной поляны.

Робин Гуда, точно пламенем, охватил гнев.

— Проклятый шериф! — воскликнул он. — Что ж, в моем колчане есть одна заветная стрела, на которой вырезано имя — «Симон де Жанмер». На этот раз я пушу ее в ход!

Было решено, что на следующее утро Робин войдет в город, переодетый пастухом. А остальные, по двое, по трое, соберутся на рыночной площади, где еще с вечера плотники начали ладить виселицу. Все, конечно, тоже переоденутся, кто — монахами, кто — крестьянами, и возьмут с собой и луки, и мечи.

— Камня на камне не оставляю в Ноттингеме! Вилли должен быть освобожден!

Рано утром к городу Ноттингему подходил чистенько одетый пастух в накидке из легкого войлока и низко надвинутой на лоб бараньей шапке. Время от времени он бросал тревожные взгляды на городские стены, точно пытаясь угадать, что там сейчас происходит за серой каменной кладкой.

Навстречу пастуху попался высокий худощавый мужчина, который шел, если не сказать бежал, наоборот, прочь от городских ворот.

Овечий пастух, а точнее Робин Гуд, узнал его еще издали. Это был шерифов палач по имени Старый Пэк.

— Чего это такая спешка, дяденька Пэк? — спросил его «пастух».

— Да вот, мил человек, бегу из города, как заяц на рассвете. Разъяренные саксы чуть не забили меня камнями.

Плащ его действительно был порван и запачкан, красный колпак с прорезями для глаз он нес в руке.

— За что ж они так на тебя взъелись? Гляди-ка, кажется, вся уличная грязь перекочевала на твой плащ. Что ты такое натворил?

— Ничегошеньки я не натворил. Толпа гналась за мной к воротам. Они прямо-таки выдавили меня из города. Хотят, чтобы шериф не нашел палача.

— Что так?

— Сегодня приговорен к виселице один из парней Робин Гуда. Мало что они меня поколотили, так и заработка я лишился.

— А велик ли заработок?

— Пять золотых от шерифа, а может, еще и поломанные ребра в придачу — это уже от горожан!

— Слушай, не надо огорчать шерифа. Я сегодня за тебя поработаю. А деньги — вот, держи. И быстро давай мне твой шикарный плащ, да и колпак смотри не забудь.

— А, прости, не знаю, как тебя звать, ты не побоишься?

— Чего?

— Так ведь говорят, Робин Гуд не меньше сотни своих головорезов приведет в город. Уж тогда тебе несдобровать!

Однако Робин без лишних слов поменялся одеждой со Старым Пэком, нахлобучил ему на голову баранью шапку и поспешил к воротам.

В воротах на него накинута стражник:

— Его милость шериф с ног сбился, по всему городу палача ищет. Куда это тебя носило?

— Подышать лесным воздушком, — буркнул «палач».

Шериф был в полном отчаянии. Обыскали весь город, но Старого Пэка точно болото засосало. Тому, кто согласится его заменить, шериф обещал сначала пять, потом десять, наконец двадцать золотых. Но никто не спешил записаться в палачи Вилли Скарлета.

Наконец де Жанмер узрел того, кого искал. На нем красовался заляпанный грязью плащ, и вся физиономия тоже была перепачкана, как у трубочиста. Никто и не усомнился в том, что это Старый Пэк собственной персоной. Да и кто стал бы вглядываться в его лицо, когда надо было немедленно приступить к делу.

— Чума на тебя, Пэк! — воскликнул шериф. — Где ты был до сих пор?

— Где я был, где я был... Прятался от толпы, кажется, ясно, — сказал Робин, подражая голосу и имитируя жесты Старого Пэка.

— Ну ладно, ладно. Давай быстренько — за мной, — приказал шериф и в сопровождении стражников и «палача» незамедлительно двинулся к городской тюрьме.

Шериф собственноручно отпер дверь темницы. Подошел к Вилли Скарлету, скорчившемуся на тощей соломенной подстилке. Тот даже головы не поднял.

— Эй, ты! — шериф тронул Вилли носком ботинка. — Где же твой верный Робин Гуд? Даю слово, прячется в лесу, как барсук в норе!

И Симон де Жанмер засмеялся своим противным глумливым смешком.

— Не ври, — мрачно отозвался Вилли. — Робин Гуд еще появится. Увидишь, гнусный шериф! Он еще ни разу в жизни никого не предал!

— Тогда ему бы хорошо поторопиться. Тебе осталось пробыть на этом свете с полчаса, не больше. А городские ворота, между прочим, уже заперты.

— Шериф, у меня есть последняя просьба. Ее принято выполнять, не так ли? — севшим до хрипоты голосом проговорил Вилли.

— Чего тебе? — буркнул шериф.

— Прикажи оставить несвязанной мою правую руку и дай мне хоть какой-нибудь меч. Я готов сразиться один против сотни твоих людей. Я, конечно, умру! Но пусть я умру как вольный стрелок, а не на веревке, как вор или насильник.

— Много чести! — отозвался шериф со злобой. — Сдохнешь в петле, как шелудивый пес!

— Эх, зря мы отпустили тебя тогда из леса, — вздохнул Вилли Скарлет. — Надо было бы украсить тобой Шервудский дуб! Висел бы на суку, как рождественский гусь в канун светлого праздника!

— Кончай болтать! — обратился к приговоренному «палач». — А не то прежде чем повесить, выжгу тебе зенки, ублюдок!

О, этот голос прозвучал для Вилли нежнее лютни Алана-э-Дейла!

Сердце его забилося горячо и радостно. Спасение было рядом! Пожалуй, жизнь Симона де Жанмера была сейчас в большей опасности.

Вилли сделал над собой усилие, чтобы сохранить на лице мрачное и подавленное выражение приговоренного к смерти.

«Палач» связал ему руки и нацепил на голову мешок.

— Мы готовы, господин шериф, — сказал он.

Тюремный сторож горящим факелом освещал темные, покрытые плесенью ступени.

У дверей тюрьмы их ожидало человек двенадцать оружейного эскорта. На площади, где была построена виселица, собралась огромная толпа народу.

Робин Гуд пригляделся. Ага! Вон Маленький Джон в монашеском одеянии, вон, переодетый кузнецом, перепачканный сажей, отец Тук, и Кеннет здесь, и Алан, и Мач, сын мельника, и много еще лесных стрелков, прячущих под разнообразными одеждами луки и мечи.

— Поторопись, — шепнул шериф «палачу». — Видишь ведь, какая собралась толпа. Ее не стоит дразнить.

— Сейчас-сейчас, — ответил Робин, сделав вид, что накидывает петлю на приговоренного. Одновременно левой рукой он выхватил меч и перерезал веревки, связывавшие Вилли. Молниеносным движением выбил меч из рук стражника и сунул оружие в руки Вилли Скарлета.

— Люди! На помощь Робин Гуду! — крикнул Робин, срывая с себя красный колпак палача.

Он и Вилли стали спина к спине, размахивая мечами и освобождая пространство вокруг себя. Зеленые стрелки и многие из горожан кинулись наперерез атаковавшей двоих храбрецов шерифовой страже. Завязался бой. Звенели мечи, стрелы летали, как выпущенные из улья майские пчелы. Послышался истошный крик, полилась кровь. Двое из шервудских стрелков были тяжело ранены.

Высоченный монах скинул с себя черный плащ и оказался в зеленой куртке из зеленого линкольнского сукна. Шериф вдруг признал в нем своего бывшего слугу.

— Рейнольд Гринлиф! Предатель! — завопил он. — Смерть ему! — крикнул он стоявшему возле Маленького Джона лучнику из ноттингемской стражи. — Стреляй!

Но стражник не успел сообразить, в кого надо стрелять. Робин Гуд выхватил из-под куртки спрятанную там заветную стрелу, на которой было вырезано «Симон де Жанмер» и спустил тетиву. Просвистев в воздухе, стрела пронзила сердце шерифа. Он рухнул на камни рыночной площади города Ноттингема.

— Видит Бог, у меня на этот раз не было другого выхода, — сказал Робин как бы самому себе. — Ты сам виноват, шериф Симон де Жанмер!

И он протрубил в свой серебряный рог, давая знак зеленым стрелкам незамедлительно покинуть город.

ГЛАВА VI

Король Ричард Львиное Сердце

Шерифа Симона де Жанмера похоронили. После чего назначили нового. Принимая из рук королевского посланника звезду — отличительный знак своего высокого положения, — новый шериф Ральф Мурдах сказал:

— Теперь дело моей жизни и чести — чисто подмести Шервудский лес, как стряпуха в ночи подметает кухню. До последнего закоулочка. До последнего закуточка. До последней тропинки.

Ноттингемский гарнизон обшарил Шервудский лес, прочесал Барнисдейл, двинулся дальше на Ланкашир, до-

брался до Кумберленда и вернулся ни с чем. Ни Робин Гуда, ни его стрелков нигде не удалось обнаружить.

А тем временем в Англию прибыл ее законный король Ричард Первый Плантагенет, прозванный Ричардом Львиное Сердце.

Королевский канцлер, барон Вильгельм де Лонгшамп, каждый день нашептывал и нашептывал королю:

— Ваше величество, этот человек — страшная угроза трону. Он смутьян, бунтарь и подстрекатель. Робин Гуд должен быть уничтожен.

— Что же он такого сделал? — удивлялся король.

— Он обирает прохожих и проезжих, благородных рыцарей и баронов, епископов и аббатов. Он — негодяй и убийца!

Барон де Лонгшамп не стал уточнять, что убил Робин Гуд подлого, коварного, жадного и жестокого шерифа де Жанмера, и уж совсем обошел молчанием одно щекотливое обстоятельство, что этот самый Симон де Жанмер приходился ему родней.

— Ваш отец, король Генри, светлая ему память, послал бы целую армию против такого мерзавца и повесил бы его на суку, не тратя даже древесины на виселицу, — продолжал де Лонгшамп.

— Можно было бы, конечно, его повесить, — вступил в разговор сэр Хемелин, герцог Уорренский. — Но тогда его величество продолжил бы свое пребывание в застенках эрцгерцога австрийского.

— Как так? — удивился король. — Какое отношение имеет негодяй к моему освобождению из плена?

Сэр Хемелин ненадолго покинул королевские покои и вернулся, держа в руках кусочек выделанной оленьей кожи.

— Вот это обнаружилось в неподъемной тяжести мешке с деньгами, который был доставлен во дворец неизвестным, очень высоким человеком в темном плаще и в маске.

И сэр Хемелин протянул кусок кожи королю. Король с удивлением поглядел на герцога и прочел вслух:

— «От Робин Гуда и его вольных стрелков для нашего любимого короля Ричарда Львиное Сердце. Пусть Господь поскорее избавит его от врагов как дома, так и в далеких землях!»

Король некоторое время рассматривал это странное послание.

— Видно, вы сообщаете мне только часть правды, — сказал король, обращаясь к барону де Лонгшампу.

Его глаза полыхнули голубым огнем. Он сердито, характерным жестом провел ладонью по своим белокурым курчавым волосам и погладил бородку. Это означало, что близок приступ гнева. Но Ричард взял себя в руки.

— Распорядитесь, пожалуйста, чтобы Робин Гуд прибыл ко мне во дворец. Я желаю переговорить с ним лично.

— Это никак невозможно, ваше величество, — мягко заметил сэр Хемелин. — Его никто нигде не может найти.

— Вздор! — опять вспыхнул король. — Завтра я в сопровождении всего пятерых слуг отправлюсь в Ноттингем сам. Велите, чтобы мне приготовили костюм придворного и оседлали моего коня. Я еду без королевского эскорта. Сэр Хемелин, ты поедешь со мной.

Его величество король Ричард Первый, сэр Хемелин и пятеро слуг скакали верхом по Большой Королевской дороге. Солнце садилось в тучу. Дул прохладный ветер. Прохожих и проезжих на дороге было мало.

Сэр Хемелин с надеждой поглядывал на придорожные кусты: не шевельнется ли ветка, не глянут ли из-за густой листвы чьи-нибудь внимательные глаза, а может, и мелькнет зеленое линкольнское сукно.

Но все было тихо. Ветки кустарника шевелил только ветер.

— Ваше величество, — обратился сэр Хемелин к королю. — Тут неподалеку каноники из Кламбера держат гостиницу. Думаю, нам стоит завернуть туда для ночлега. А завтра с утра мы продолжим поиски.

«Вполне бесполезные», — добавил он про себя.

Кавалькада свернула с Большой дороги направо, в лес, и скоро уже из-за деревьев показался серый приземистый дом, построенный из местного камня.

В просторной комнате для приезжих народу было мало. Только какой-то мрачный торговец и трое его слуг ужинали за столом. На деревянной скамье справа развлясь сидел, наоборот, очень веселый менестрель и, по-видимому, задира торговца.

— Вот я и говорю, — не прервал разговора менестрель, лишь мельком взглянув на вошедших. — Когда у человека заводятся деньги, в сердце у него заводится жук. И этот жук точит его изнутри, как точит он старое дерево, все время думается: то воры украдут, то разбойники нападут,

то потеряются, то сгорят. Пречистая Дева Мария, вот жизнь — не позавидуешь! А у меня — только лютня. Что хочу, то и пою.

— Негодяй! — возмущался торговец, макая хлеб в красное вино и тоже продолжая разговор, начатый до прихода именитых гостей. — Ему надо выжечь глаза и вырвать язык! И я-то сам хорош! Зачем только я не признался сразу, сколько у меня денег! Скажи я правду — он бы оставил мне половину того, что я на-торговал в Ноттингеме. А так — кошель пустой, как заброшенное дупло.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся менестрель. — Так Робин Гуд проделал с тобой свой обычный фокус? Это на него похоже. Он не любит, когда ему лгут!

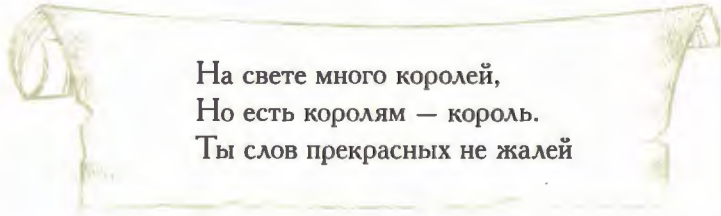
Недавно пришедший в гостиницу королевский придворный стал внимательно прислушиваться к разговору.

— Кто-кто, ты говоришь, тебя ограбил? — обратился он к торговцу густым, низким голосом.

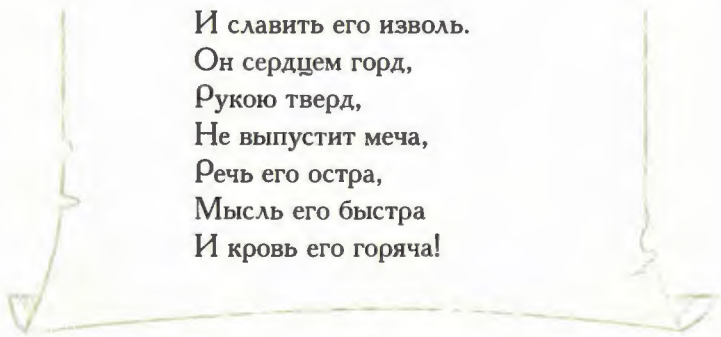
— Кто же еще, как не этот чертов палец — поганый бродяга Робин Гуд! Вот завтра поедешь по этой дороге, он и на тебя нападет.

Придворный сверкнул голубыми глазами и улыбался себе в усы.

Торговец продолжал есть. Менестрель взял свою лютню и запел:

На свете много королей,
Но есть королям — король.
Ты слов прекрасных не жалея

И славить его изволь.
Он сердцем горд,
Рукою тверд,
Не выпустит меча,
Речь его остра,
Мысль его быстра
И кровь его горяча!

— Ты о ком это поешь свои песни, менестрель? — спросил певца придворный.

— Как же, ты служишь при дворе и не догадываешься? — отозвался вопросом на вопрос певец. — Разве не ясно, что король королей — это наш Ричард Львиное Сердце!

— Кто же сложил эту песню? Ты сам?

— Уж если ваша милость хочет знать точно, простите, не знаю, как вас зовут, то песню эту мы сложили вместе с Робин Гудом.

— Так ты тоже из их банды?! — завопил торговец. — Вяжите его! — крикнул он своим слугам, но придворный вельможа остановил его величественным жестом.

— Как твое имя, менестрель? — спросил он.

— Алан-э-Дейл, ваша милость, — ответил певец вежливо, но без подобострастия.

В эту самую минуту дверь опять распахнулась, и в проеме показались старичок и старушка. У обоих в руках было по узелку. Может, в этих узелках заключалось все их имущество, кто знает. Одеты они были очень бедно, но на лицах обоих светилась счастливая улыбка.

— Благослови Господь всю честную компанию! — поздоровался старичок.

— Привет-привет! — отозвался на его слова менестрель. — Чего это ты, старина, так веселишься? Если бы я не знал, что поблизости на двенадцать миль нет ни кабачка, ни придорожной таверны, я бы решил, что ты хорошенько угостился красненьким.

— Господин мой, — отвечал старичок, садясь на край лавки и складывая узелок на застланный шуршащей соломой пол, — не за двенадцать, а мили за четыре отсюда, едва отойдя от Оллертона, я встретил добрейшего и благороднейшего рыцаря, о каком только можно услышать на этом свете. А я-то боялся идти лесом. Там такая чаща — ужас! Я каждую минуту думал — вот сейчас выскочит разбойник и зарежет.

— Мы — бедные люди, — встряла в разговор старушка, — всё дома да дома — бродить по дорогам непривычно. Нужда заставила: идем в Тикхилл забрать своего сыночка из тюрьмы.

— Вот ведь как получилось. Тяжко ему было работать у оружейника, и пошел он поискать работы где-нибудь на стороне. А его и замели будто бы за бродяжничество. Да шериф велел посадить на цепь. Ему ногу-то цепью перетерло. Поэтому-то мы и идем взять его домой.

— Но, милая моя, — сказал вельможа, — они же не отпустят его из тюрьмы.

— Как же, хороший господин, не выпустят! Мы же его родители, — сказала старушка, и на глаза ей наверну-

лись слезы. — И Дикон наш не сделал ничего плохого. Как же они его не отдадут?

— Ну-ну, подруга, вытри-ка слезы! — успокоил ее старичок. — Разве Робин Гуд не дал нам слово, что, когда мы доберемся до места, Дикон будет на свободе?

— Так это Робин Гуд и есть тот благородный рыцарь, о котором ты говоришь?

— Он, ваша милость, он и есть. Его люди пригласили нас пройти в лес к самому, а я велел жене не бояться. Я уже слышал о Робине много раз: он бедных людей не обижает. Так и было все. Он расспросил нас, кто мы и куда путь держим. А потом велел нескольким молодцам принести еду и угостил нас так, как будто мы ни больше ни меньше лорд и леди. Сам на стол подавал! А потом еще в мой узелок напихал хлеба и мяса на дорогу и вот еще, — старичок показал всем сверкающую серебряную монетку, — видите, дал мне это. Как же он не благородный рыцарь, господин мой милостивый, тогда кто же, как не он?

Было уже поздно. Всем были постланы постели.

Наутро, когда придворный вельможа проснулся, уже ни старичков, ни мрачного торговца, ни менестреля не было в доме.

Вошел каноник и предложил своим знатным постояльцам на завтрак хлеб, молоко и овечий сыр.

Когда король, под видом придворного, и барон Хемелин завтракали, в дом вернулся давешний менестрель. А за ним следом через порог ступил паломник с посохом

в руках, капюшон его черного плаща был низко надвинут на глаза.

— Благослови, Господь! — сказал паломник, поклонившись, но капюшон не снял и к столу не подсел.

Они с менестрелем устроились на лавке и стали о чем-то вполголоса беседовать.

— Так как же все-таки, сэр Хемелин? — продолжил король прерванный разговор. — Я, право, сбит с толку! Этот загадочный Робин Гуд представляется то преступником, то благородным, защитником сирых и убогих.

В его низком, густом, красивом голосе звучало недоумение.

— Вот посудите сами, ваше...

Король укоризненно глянул на Хемелина, напоминая, что здесь и сейчас — он просто королевский придворный.

— ...сэр, — смущенно поправился герцог Уорренский. — Я уже рассказывал вам о мешке с деньгами, присланном во дворец. Но мало этого, когда ва... когда наш король Ричард Львиное Сердце томился в плену, Робин Гуд и его люди взяли на себя труд собирать налог, который должен был пойти на выкуп.

— Как так?

— А так. Мало ли их на свете, алчных епископов и жирных каноников, и баронов, и купцов, и аббатов, и виноторговцев, которые уклонялись от налога и денег платить не хотели?

— И что же? Что же делать? — нетерпеливо спросил король своего собеседника.

Сидевшие на лавке примолкли и стали прислушиваться к разговору вельмож. А те, не обращая на них внимания, продолжали:

— А дальше все до последнего гроша было прислано во дворец с запиской на куске оленьей кожи: «Для выкупа нашего короля, посылка от не желавших означенного выкупа рыцарей, баронов и прочих, которые, конечно, подлецы и мизинца короля не стоят, а деньги собраны Робин Гудом и его вольными стрелками из Шервудского леса».

Король весело рассмеялся.

— Право же, я желал бы познакомиться с этим человеком! Как жаль, что он прячется от меня!

При этих словах в дверях появился рыцарь в доспехах.

— Все в порядке, Робин, — обратился он к паломнику. — Старики забрали своего сына и благодарят тебя и Пречистую Деву... — Вдруг он осекся, потому что при этих словах вельможа быстро встал и уставился на пилигрима в черном плаще. — Кёр де Лион! — воскликнул рыцарь, узнавая короля и падая на колени. — Не будь я Ричард Ли, это сам король Ричард Львиное Сердце! На колени, Робин!

Робин Гуд и Алан-э-Дейл рухнули на колени.

— О король Англии! — воскликнул Робин. — Я люблю тебя, предан тебе и опасаюсь твоего гнева. Простите мне и моим людям все невольные беззакония, которые нам пришлось сотворить. Я надеюсь на твое великодушие, король!

— Встань с колен, Робин Гуд, или, как мне говорили, граф Хантингдон. Разве ты не король, как и я? Король Шервудского леса! Клянусь Святой Троицей, давно я не встречал человека такого мужества, такой отваги и такого благородства. Благодарю тебя за все, что ты сделал для меня. Все твои беззакония прощены тебе.

— О ваше величество, — сказал Робин. — Если только можно быть подданным более преданным, чем я был до сих пор, я буду им за ваше великодушие и доброту.

— Что ж, мы расстаемся друзьями, — сказал король. — И помни, тебе и твоим стрелкам всегда рады при дворе. Я не хочу принуждать тебя. Но если ты решишь, то легко и охотно будешь принят со своими людьми на королевскую службу.

ГЛАВА VII

Смертельная схватка с Гаем Гисборном

Приказом короля Робин Гуду был возвращен графский титул, его родовой замок и земли, но они с Мэриен не спешили покинуть Шервудский лес и своих верных друзей. Лето было так прекрасно! Солнце светило так ярко. Так сладко пахли цветы и травы. Так радостно пели птицы!

Но однажды Робин Гуд проснулся в пещере позже обычного. Его товарищи уже давно встали, Мэриен и Элейн хлопотали у костра, готовя завтрак.

— Я видел какой-то странный сон, — задумчиво сказал Робин, протирая глаза. — Он-то никак и не давал мне проснуться.

— Какой сон, милый? — насторожилась Мэриен.

— Мне снилось, будто на меня напали двое королевских лесничих. И были они в каких-то странных одеждах, и вместо человеческих у них были волчьи головы.

— Не натянул ли ты себе во сне на голову оленью шкуру? — заметил отец Тук. — Вот тебе от духоты и мерещилась всякая чушь.

Но Робин не отозвался на шутку. Неприятный сон все еще мучил его.

— И они сумели отобрать у меня лук и связали меня веревками, — продолжал он. — А серебряный мой рожок потерялся, и я не мог позвать на помощь. Мне кажется, этот сон не к добру.

Мэриен бросила на него тревожный взгляд.

— Да что такое сон, Робин? — сказал Маленький Джон беспечно. — Так, легкая дымка. Дунь — и его уже нет.

— И все-таки... Ты ведь знаешь, новый шериф бесится, что его величество даровал нам всем прощение. И он не унимается, несмотря на королевскую милость. Весь последний месяц лес так и кишел его шпионами и соглядатаями, — сказал Робин.

— Ты думаешь, он что-то замышляет против нас? — спросила Мэриен.

— Ну и пусть, — отозвался Маленький Джон. — Наши люди охраняют каждую тропинку, ведущую сюда. Дозорные начеку и днем, и ночью.

— Но сегодня меня донимает тревога, доселе незнакомая. Этот проклятый сон не идет у меня из головы.

Пойдем, Маленький Джон, побродим по лесу, может, мы и наткнемся на эту парочку из моего сна.

— Не ходи никуда, Робин! — вскричала Мэриен. — Пожалуйста!

Она заразилась его настроением, и душа у нее была не на месте. Но Робин, как известно, был упрям, и осторожность не относилась к числу его добродетелей. Он привык презирать опасности, уж слишком часто подстерегали они его на жизненном пути.

Таким образом, Робин и Маленький Джон отправились-таки в путь. Не прошли они и полумили, как заметили лесничего, притаившегося в чаще. Он стоял, облокотясь о ствол кривого бука, на нем — сшитая из лошадиной шкуры куртка, в руках — крепкий, блестящий лакированным деревом лук, низко капюшон надвинут на глаза.

— Постой минутку, Робин, — сказал Маленький Джон. — Я пойду задам этому парню парочку вопросов.

— Когда это было, чтобы мои люди шли на риск впереди меня? — вспыхнул Робин. — Право же, ты много на себя берешь, Маленький Джон!

Маленький Джон тоже по характеру был вспыльчив, но на этот раз он сдержался.

— Ну что ж, Робин, — сказал он беззлобно, — тогда выясняй сам, вещий ли тебе снился сон. А я пойду вдоль Большой Королевской дороги, погляжу, все ли там спокойно.

И он пошел, насвистывая веселую песенку, по тропинкам, ведущим к Большой Королевской дороге, по которой они обычно ходили в Ноттингем.

Но не успел Маленький Джон дойти до дороги, как веселье его покинуло: возле кустов жимолости в густой траве лежали двое в куртках из зеленого линкольнского сукна. Один — ничком, другой — навзничь. Это были двое из дозорных. Оба были мертвы. В тот же миг слышались истошные крики и топот множества бегущих ног. Он увидел Вилли Скарлета, летящего быстрее королевского оленя. Его преследовал огромный отряд, состоявший из шерифовой стражи и стрелков Гая Гисборна в рогатых шлемах.

Один из преследователей, главный лесничий по имени Хуберт из Уордена, натянул тетиву и выпустил стрелу. Вилли Скарлет вскрикнул, покачнулся и замертво упал в заросли цветущего вербейника.

— Было бы счастьем для тебя, Хуберт из Уордена, если бы кто-нибудь отсек тебе кисть руки до того, как ты выпустил эту злосчастную стрелу! — воскликнул Маленький Джон.

И тетива его лука пропела отходную, и стрела зазвенела, и главный лесничий Хуберт из Уордена упал бездыханный, истекая кровью.

Но так сильны были горе и гнев Маленького Джона, что стрела его, прошив лесничего, угодила еще и в стоявшего рядом с Хубертом гисборновского стрелка. Но, увы, лук Маленького Джона при этом разлетелся на куски. Он попытался выхватить меч из ножен, но шерифовы

люди мгновенно надвинулись на него, повалили и связали по рукам и ногам.

Новый шериф, Ральф Мурдах, сменивший покойного де Жанмера, подъехав верхом на лошади, пригляделся к пленнику.

— Вот он, один из главных негодяев из их банды! — воскликнул шериф. — Поведем тебя на веревке, как скотину, — обратился он к Маленькому Джону. — И вздернем на виселицу на рыночной площади Ноттингема!

— Никому наперед не бывает известна Божья воля, — отозвался Маленький Джон.

— В этот раз спасения нет, запомни! — с мрачной ухмылкой сказал шериф. — Ничего ваша жалкая банда не сможет поделать с огромным отрядом, выехавшим сегодня на рассвете из Нот-

тингема. Сегодня Шервудский лес наконец будет избавлен от нечисти.

— Господи, спаси и сохрани моего друга и хозяина Робин Гуда, — прошептал Маленький Джон, проклиная себя за то, что оставил его в лесу одного.

Тем временем Робин Гуд подошел к лесничему, неподвижно стоявшему у кривого бука.

— Доброе утро, дружище, — приветливо поздоровался с ним Робин Гуд. — Глядя на твой лук, можно заключить, что ты отличный стрелок.

— Так оно и есть, — гордо заявил лесничий. — Я издалека, и вот — заблудился тут в вашем лесу.

Незнакомый лесничий говорил глухим голосом, не глядя в глаза. Речь его была с сильным акцентом. Он произносил слова как люди, живущие на западе страны.

— Давай я провожу тебя, — предложил Робин. — Ты, собственно, куда направляешься?

— Я разыскиваю человека, которого зовут Робин Гуд. Мне рассказывали о нем много хорошего. Я хотел бы послужить ему.

— Что ж, это нетрудно устроить. Пойдем со мной, я тебя отведу прямо к нему.

И они пошли лесной тропой. Незнакомец в куртке из лошадиной шкуры так и не откинул капюшон. Он шел, уставившись взглядом в землю, временами отставая. В этих случаях Робин останавливался и терпеливо ждал его.

— Не отдохнуть ли нам на этой полянке, добрый сэр? — предложил через некоторое время незнакомец.

— Что ж, пожалуй, — согласился Робин. — А заодно можем и пострелять из лука. Посмотрим, кто из нас на что годится.

— Охотно, — согласился незнакомец.

— Вон видишь тот ствол? Он будет ярдах в двухстах отсюда. А на нем белеет пятнышко лишайника. Вот нам и яблочко!

— Пф! — пыхнул незнакомец с презрением. — Это такие стрелки в Шервудском лесу? У нас высмеяли бы стрелков за такую мишень!

Кровь бросилась Робину в лицо.

— Хорошо, — сказал он сердито. — Сейчас я устрою тебе настоящую шервудскую мишень.

И, бросив лук и колчан на землю, он направился к ореховому кусту. Охотничьим ножиком срезал тоненькую веточку и начал было ее ошкуривать.

— Робин Гуд! — вдруг окликнул его незнакомец. При этом речь его полностью утратила западный акцент. Робин резко повернулся на звук голоса. Он понял, кто был этот лесничий в куртке из лошадиной кожи — его смертельный враг, норманнский барон, сэр Гай Гисборн!

— Это наша последняя встреча, — сказал сэр Гай, натягивая тетиву и целясь Робину прямо в сердце.

— Трус и предатель! — воскликнул Робин. — Ты что же, не хочешь встретиться со мной в честном бою? Для тебя нет в этом позора, ты знаешь, что я так же высоко рожден, как и ты.

— Когда граф Хантингдон был лишен титула и стал Робин Гудом, он потерял право на свое высокое рождение.

— Что ж, тогда стреляй в безоружного человека, вот я — стою перед тобой. Только знай, что позор и проклятье падут на твою голову.

Стрела уже готова была сорваться с тетивы, когда Робин резким движением метнул нож в сэра Гая, а сам распластался на земле. Нож расщепил лук Гая Гисборна и поцарапал ему щеку. Стрела просвистела над Робинем, не задев его. Он тут же вскочил на ноги и сумел выхватить из ножен свой дамасской стали меч.

Гай Гисборн швырнул на землю разбитый лук и тоже выдернул меч из ножен.

Они бились яростно, и искры летели от скрещенных мечей. Гаю Гисборну удалось поцарапать Робину шею, Робин сильным движением ударил Гая Гисборна в бок, но раздался скрежет металла о металл, и сэр Гай только слегка покачнулся.

— Кольчуга! Кольчуга под курткой лесничего! — вскричал Робин. — Пресвятая Дева Богородица, помоги мне!

Ему удалось удачно увернуться от сильного удара, который намеревался нанести сэр Гай, и меч последнего чуть ли не по самую рукоятку воткнулся в землю.

Это минутное преимущество спасло Робин Гуду жизнь. Он размахнулся мечом, повернулся вполоборота и всадил острие в сердце врага.

Сэр Гай закачался и с предсмертным криком упал, испустив дух.

M. 17.957.

Робин стоял, тяжело дыша, над телом поверженного врага.

— Вот лежит бесчестный человек, коварный и лживый, — сказал он. — Однако сама его смерть может сослужить мне службу.

Робин Гуд набросил на себя куртку из лошадиной кожи, взял в руки принадлежавший его врагу серебряный рожок и дунул изо всех сил. Раздался долгий, пронзительный сигнал. Издалека ему тут же ответил другой рожок, и Робин двинулся на этот звук, понимая, что ему ответил не кто иной, как новый шериф Ральф Мурдах, который был еще более яростным ненавистником зеленых стрелков, чем покойный Симон де Жанмер.

Когда послышались звуки рожка, шериф от радости чуть не свалился с лошади.

— Он мертв! Он мертв! — закричал он. — Слушайте! Слушайте! Это звучит рожок сэра Гая! Это может значить только одно — сэр Гай прикончил Робин Гуда! Это самые прекрасные новости, когда-либо слышанные мною.

И он радостно задул в свой рожок, откликаясь на долгожданную весть.

Вскорости шериф увидел Робин Гуда, быстро шагавшего к нему навстречу.

— Вон он приближается! — воскликнул шериф. — Я узнаю его куртку из лошадиной шкуры, которую он надел поверх кольчуги. Иди же скорее сюда, доблестный

рыцарь, скорее к нам, замечательный сэр Гай! Проси какой хочешь награды — ты ее получишь!

— Мне ничего не надо, — сказал Робин, стараясь держаться в тени и насколько можно было подражая голосу Гая Гисборна. — Я люто ненавижу человека, которого я сегодня убил. Но если уж испытать радость победы до конца, я хотел бы убить еще и этого вот, который лежит тут связанный, убить своими собственными руками.

Робин показал на Маленького Джона.

— По-моему, ты потерял рассудок, — заметил шериф. — Золотая река потекла бы в твои карманы, стоило тебе захотеть этого. Но раз ты просишь другого, значит, пламя твоей ненависти еще не погасло. Пусть будет так. Я отдаю тебе этого человека в награду за твой подвиг.

Робин достал нож и склонился над верным своим другом, незаметно перерезая ремни, которыми тот был связан.

— Это я, — шепнул он. — Я потихоньку тебя освобожу, но ты лежи смирно. Я оставляю рядом с тобой мой лук и стрелы. Как только я позову, ты тут же хватай лук. По крайней мере, мы дорого продадим жизнь.

И он наклонился тут же над двумя другими лесными стрелками, которых люди шерифа успели захватить и связать.

— Нет-нет, сэр Гай, я отдаю только одного! — протестовал шериф Ральф Мурдах.

— А я возьму всех! — крикнул Робин, сбрасывая с себя и куртку, и капюшон Гая Гисборна. Он сделал невозможный прыжок в сторону, ударом ножа уложил наповал

одного из шерифовых воинов и тут же завладел его луком, стрелами и мечом.

— Маленький Джон, ко мне! — позвал он.

Маленький Джон мгновенно вскочил, натянул тетиву и встал рядом с Робинот.

— Это Робин Гуд! — завопил шериф. — Или, может быть, сам дьявол! Взять его немедленно!

Он увернулся от стрелы, которая пролетела мимо и вонзилась в шею стоящего с ним рядом лесничего.

Робин и Маленький Джон отбивались, как могли. Робин улучил момент и изо всех сил трижды дунул в свой серебряный рог.

Но пока подоспеет помощь, пройдет какое-то время! Шерифовых людей было десятка четыре, а рядом с Робинот и Джоном были еще только два лесных стрелка. Гибель была неминуемой.

Но вдруг на дороге как из-под земли показался рыцарь в черных доспехах на крупном черном коне. Опустив забрало, Черный Рыцарь с маху врезался в толпу нападавших лесничих и шерифовых стрелков.

— Что? — загремел он низким повелительным густым басом. — Целая свора против четверых? — продолжал Черный Рыцарь. — Назад, смрадные волки!

Где-то уже слышал, определенно где-то слышал этот голос Робин Гуд!

И Черный Рыцарь взмахнул боевым топором, который быстро отцепил от седла.

— Прочь, низкие твари! Иначе я загоню вас всех в собачью конуру!

Появление Черного Рыцаря произвело такое впечатление, что почти все шерифовы стрелки тут же пустились наутек, а сам шериф первым и показал им пример.

Маленькому Джону удалось пустить стрелу ему вдогонку. Убить он его не убил, но некоторое время шериф Ральф Мурдах мог сидеть только на мягчайших подушках из лебяжьего пуха.

А Черный Рыцарь дал шпоры черному коню, выехал на дорогу и скрылся из виду.

И тотчас же из леса лавиной хлынули люди Робин Гуда, откликнувшиеся на троекратный призыв серебряного рога.

— Где Вилли Скарлет? — спросил Робин Гуд с тревогой.

— Я слишком поздно оказался рядом, — тяжело вздохнул Маленький Джон. — Но я убил Хуберта из Уордена, отнявшего жизнь у Вилли.

— Хуберт из Уордена? Главный лесничий? Так пусть же лесничие запомнят этот день! Оставайся здесь за старшего, Маленький Джон. А я догоню лесничих.

И он помчался лесом, одному ему ведомыми короткими путями и проходами. И вскоре оказался на холме, у подножья которого проходила дорога на Ноттингем. Он дал возможность добежать шерифовым слугам — что с них возьмешь, несчастные серфы, они должны были исполнять, что им приказывают. Но вот показался отряд лесничих в темно-коричневой униформе. Их было человек пятнадцать. Робин Гуд достал из колчана ровно пятнадцать стрел.

— Шервудские лесничие! — раздался его голос с холма. — Я никому не буду мстить, кроме вас, лесничие. Потому что сегодня вы убили моего дорогого друга Вилли Скарлета. Кто успеет добежать до ворот Ноттингема, останется в живых. Но пока вы на дороге — я буду стрелять. Робин Гуд еще ни разу в жизни не промахнулся, помните это!

Все пятнадцать повернулись на его голос и все пятнадцать разом выстрелили. И ни один не попал, потому что у них руки дрожали от страха. Затем лесничие побросали свои луки и помчались бегом, спасаясь от своей смерти.

Пятнадцать стрел лежали у ног Робин Гуда на траве. Он прицелился и выстрелил. И хотя лесничие были уже в нескольких сотнях ярдов от него, один из них упал.

— Один! — сказал Робин.

Он посылал стрелу за стрелой. И так велика была его печаль, что не вспомнил он ни разу заповедь Господа прощать врагов своих. Да простит его Всевышний...

— Два! — считал он. — Три! Четыре!

И когда почти миля отделяла его от последнего лесничего, с тетивы его лука сорвалась пятнадцатая стрела. И ветер подхватил ее, и пятнадцатый лесничий рухнул на дорогу почти у самых ворот Ноттингема.

ГЛАВА VIII

Последняя стрела Робин Гуда

Так в мире устроено, что жизнь не стоит на месте. Она идет и проходит, она движется и меняется. Иногда к лучшему. Иногда к худшему. Король Ричард, пробыв в Англии недолго, отправился в новый поход, в Нормандию, воевать за некогда принадлежавшие Англии земли. Большая часть лесных стрелков поступила к нему в солдаты и последовала за ним на материк.

Всего десятка два приверженцев остались с Робин Гудом, и среди них, конечно, верный и преданный друг — Маленький Джон.

Они мирно жили в замке Хантингдон. Отец Тук проводил с ними немало времени, хоть он и снова поселился в своей уединенной пещере возле Копманхерста.

Прошел год. И еще год. Жизнь Робина и Мэриен текла тихо, спокойно и счастливо.

В последнее время до замка Хантингдон стали доходить какие-то неясные тревожные слухи. Но Робин не обращал на них никакого внимания.

— Король Ричард отсутствует уже очень долго, — говорил Маленький Джон. — И попомни, если что-нибудь случится с Ричардом Львиное Сердце, то королем станет его брат, принц Джон. Ты был всегда против него, а он не обладает великодушием Ричарда. Он злопамятен и будет мстить.

— Не привык я жить и дрожать, — возразил Робин. — Не испугаюсь я и принца Джона.

— Но уже ходят слухи, что Ричард погиб на войне.

— Вечно ты полон слухов, Маленький Джон. Но я сам проверю эти слухи. Я сегодня же отправлюсь в Ноттингем.

— Только не один! — воскликнул Маленький Джон. — Возьми с собой по крайней мере шестерых вооруженных людей. А остальные останутся охранять замок.

Робин засмеялся.

— Маленький Джон, ты все еще продолжаешь мысленно жить в Шервудском лесу. Ты забываешь: я опять граф Хантингдон в своем полном праве, я уже больше не изгнанник Робин Гуд!

— Я ничего не забываю, — проворчал Маленький Джон. — Я только носом чую опасность и хочу предостеречь тебя, вот и все.

— Робин, пожалуйста, молю тебя, прислушайся к Маленькому Джону, — просила его Мэриен.

Но Робин, как известно, был упрям и презирал всякую опасность.

Он поцеловал жену, приторочил к своему кожаному ремню меч, прыгнул в седло и поскакал в сторону Ноттингема.

Леди Мэриен кинулась к Маленькому Джону.

— Джон, милый, мне страшно! — прорыдала она. — Мне кажется, Робин не просто ушел из дома. Он точно ушел из моей жизни. Пожалуйста, поторопись за ним следом, только так, чтобы он не заметил. Если он попадет в беду, он наверняка воспользуется своим старым серебряным рожком. Ты услышишь — и ты ему поможешь.

Маленький Джон молча кивнул, взял свой лук, закинул за плечи колчан со стрелами и двинулся пешком лесными тропами в Ноттингем.

Мэриен проводила его грустным взглядом и тяжело вздохнула.

«Боюсь, что счастливая наша жизнь подошла к концу, — подумала она. — Не знаю, почему это так, только какое-то тяжелое предчувствие томит меня, что-то сдавило сердце и не отпускает».

Тем временем Робин спокойно добрался до Ноттингема, оставил своего коня на постоялом дворе, велел задать ему овса и направился к рыночной площади, чтобы поспросить людей, что происходит в городе.

Но не успел он сделать нескольких шагов, как его тут же окружил отряд из пятнадцати стражников во главе с самым новым шерифом Ральфом Мурдахом, появившийся из соседней узкой улочки.

— Что это значит, господин шериф? — воскликнул Робин с возмущением. — Я свободный человек, вам не хуже меня известно, что король возвратил мне все законные права.

— Как раз именем короля я прошу тебя следовать за мной, многоуважаемый граф Хантингдон, — ответил шериф.

— Как — короля? — удивился Робин Гуд. — Король находится в Нормандии, насколько мне известно.

— Король прибыл в Ноттингем инкогнито и просит пожаловать к нему.

Робин Гуд двинулся вслед за шерифом в сторону Ноттингемского замка — обычной резиденции королей, когда они бывали в городе. Он шел спокойно. И только тогда, когда шериф все вел и вел его по винтовой лестнице выше и выше, он заподозрил недоброе.

— Куда мы идем? — спросил он отрывисто.

— К королю, — отвечал шериф.

— Но не расположился же он со своим двором в самой высокой башне или даже на крыше?

— Не забывай, что он находится здесь инкогнито.

Они вошли в круглую башню, расположенную под самой крышей. В башне царил полумрак.

— Так это и есть Робин Гуд? — раздался вдруг откуда-то из глубины резкий, неприятный голос. И человек, богато одетый в бархат и шелка, выступил из темноты. Это был принц Джон.

— Что это все значит? — спросил Робин.

— На колени, собака! — крикнул шериф. — Ты разговариваешь с самим королем!

— Мой брат мертв, — сказал принц Джон. — И теперь я могу посчитаться с предателями, подобными тебе.

— О, сколь несчастна ты, Англия, — вздохнул Робин, — если тобой будет править такой мстительный и бесчеловечный король!

— Чем же я жесток? — ухмыльнулся принц Джон. — Я не собираюсь тебя убивать. Ты поживешь еще в этой клетке. У тебя будет возможность в уединении вознести молитвы к Богу. Погляди на это окошко. Оно так высоко над землей, что голос твой не долетит до земли, как бы ты ни кричал, правда, из этого окошечка можно выпрыгнуть. Но ты же знаешь, самоубийство — смертный грех, Господь не прощает самоубийцам.

С этими словами король удалился, и шериф последовал за ним. Дверь в башню была крепко заперта. Робин выглянул в узкое окошко. Солнце — круглое и кроваво-красное, без лучей — садилось за Шервудский лес. Внизу, под стеной уже царили сумерки. Стена была гладкая — ни выступа, ни зазубринки. Бездна.

Робин достал свой серебряный рожок и, ни на что особенно не надеясь, дунул в него. Раздался его призывный голос. Но против ожидания, откуда-то снизу и совсем неподалеку, зазвучал ответный рожок, и по звуку его Робин понял, что ему отвечает Маленький Джон.

Робин отошел от окна, чтобы кто-нибудь из дворцовой стражи не увидел его. Прошел томительный час или чуть больше. В замке погасли свечи, и он погрузился в темноту. Вдруг в узенькое окошко башни влетела стрела. Узник торопливо поднял ее с пола. К стреле была привязана тоненькая, но крепкая веревка. Он стал подтягивать ее, ярд

за ярдом. К концу тонкой веревки был прикреплен толстый ремень, который мог бы выдержать его вес. Робин торопливо закрепил его конец за железное кольцо, торчавшее в каменной стене, обвязался сам, влез на окно и скользнул вниз.

Это был страшный спуск. Робин раскачивался на ремне, как легкая гирька. И когда оставалось еще ярдов двадцать до земли, ремень перетерся об острый край подоконника и Робин рухнул на камни. На какое-то время он потерял сознание. И когда пришел в себя, то увидел склонившегося над ним Маленького Джона.

— Поднимайся, Робин, — шепнул он. — Полчаса назад принц Джон и шериф с большим отрядом покинули замок. Лошади ждут нас на потайной тропе. Нам надо успеть в Хантингдон до них.

Робин сильно ушибся при падении, но он превозмог боль и встал.

Вслед за кровавым закатом на небо напозла грозовая туча. Налетел шквалистый ветер, на землю обрушились потоки холодного дождя.

Пригибаясь к самой гриве, всадники скакали что есть духу и успели прибыть в замок Хантингдон до своих преследователей.

Несколько минут — и уже Робин Гуд, Маленький Джон и леди Мэриен, покинув замок, скрылись в холодной ночи.

— Тут неподалеку расположен Кирклейский женский монастырь, — говорил Робин. — Мэриен, ты укроешься там. Если любишь меня, не возражай и сделай, как я тебе говорю. Маленький Джон, ты останешься с ней, наймись

к ним в слуги, там служат мужчины, живущие за стенами монастыря, стань садовником или кем там сумеешь.

Вскоре они достигли ворот монастыря.

— Будь благополучна и не тоскуй, дорогая, — сказал Робин. — Я отыщу тебя здесь, если останусь жив.

Он поцеловал жену и скрылся в темноте.

— О Робин! — только и смогла выговорить несчастная леди Мэриен.

В Кирклейском монастыре аббатиса приняла Мэриен приветливо, а Маленький Джон получил работу — разгружать телеги, привозившие в монастырь продовольствие и воду. Время шло. От Робина не было никаких вестей. Бедная Мэриен все плакала и молилась, но слезы не облегчали ее души и молитва не приносила успокоения.

Добрая с виду аббатиса была на самом деле женщиной хитрой и алчной. Она прекрасно знала, что леди Мэриен наследница всех владений своего мужа, а также своего отца графа Фитцуолтера. У аббатисы созрел план. Ведь если Мэриен примет постриг и сделается монахиней, все ее имущество перейдет в собственность монастыря.

И вот однажды она явилась к Мэриен с таким разговором.

— Мужайся, дитя мое, — сказала она. — Я получила верные сведения, что муж твой скончался. Что же тебе еще остается, как не сделаться монахиней и не остаться навсегда в этом монастыре, где тебя все так любят.

— Ах, нет-нет! — воскликнула Мэриен. — Я не верю, не верю, мой Робин жив, я буду его ждать и дождусь непременно.

Но дни проходили за днями, и упорные уговоры аббатисы в конце концов увенчались успехом. Мэриен поверила, что Робина нет на свете, и потеряла всякий интерес к жизни. Она стала монахиней...

А Робин?

Когда они расстались с Мэриен и Маленьким Джоном, он поскакал на север, но очень скоро повернул на восток, надеясь сбить с толку погоню. Он слышал, как шерифовы люди гнались за ним, то отставая, то приближаясь. Добравшись до маленького рыбацкого городка, он привязал свою лошадь во дворе местной гостиницы, а сам, еле переставляя ноги, добрал до берега и попросился на ночлег у бедной вдовы, чья неприметная хатка стояла крайней в ряду других таких же. Глухо и монотонно шумел прибой: море было рядом. Вряд ли кто-нибудь станет его искать в таком месте.

Люди шерифа, прискакавшие вслед за Робинот, обнаружив его лошадь и не найдя его в гостинице, кинулись к причалу.

От причала только что отвалил небольшой рыбацкий корабль. Он успел уже отплыть на такое расстояние, что погоня на весельной лодке была бы бесполезной.

— Проклятье! — выругался предводитель отряда. — Этому мерзавцу удалось улизнуть!

Он решил, что беглец успел спастись на выходившем в открытое море корабле.

— Я бедный рыбак, — сказал Робин, переступив через порог ветхой хижины, где жила вдова рыбака. — Меня зовут Саймон из Хесби. Я собирался наняться здесь

на рыбацье судно, но по дороге на меня напали разбойники, отняли у меня и пожитки, и деньги и сильно меня избили. Позволь мне побыть у тебя немного.

Вдова была доброй и сердобольной женщиной, она приютила несчастного Саймона, не спросив с него никакой платы.

Робин сильно расшибся при падении, он долго не мог даже ходить.

«Что-то порвалось у меня там, внутри, — говорил он самому себе. — Я вряд ли поправлюсь. Но перед смертью я должен, я обязательно должен повидаться с моей Мэриен».

И как только почувствовал, что может кое-как передвигаться, он простился с добрейшей вдовой и отправился в Кирклейский монастырь.

И еле добрался до монастыря, с каждым шагом чувствуя, что больше и больше слабеет.

В тот вечер в монастырские ворота постучался старый больной человек, опиравшийся на толстую суковатую палку, хоть и было ему тогда не больше сорока лет.

— Добрая мать-аббатиса, — сказал пришедший, — несколько месяцев назад моя жена Мэриен, преследуемая врагами, нашла приют в твоём монастыре. Я — Роберт Фитцутс, граф Хантингдон, известный людям как Робин Гуд. Не выдавай меня, пожалуйста, нотингемскому шерифу и скажи мне скорее, где Мэриен, моя дорогая жена?

Недобрый огонек сверкнул в глазах аббатисы. Но она заговорила приторно-сладким голосом.

— Твоя прекрасная жена была здесь, но некоторое время назад она вернулась в Хантингдон и ждет тебя там.

— Тогда я немедленно отправлюсь туда, — сказал Робин и попытался встать.

— Конечно, — сказала аббатиса. — Только сначала тебе надо передохнуть и немного подлечиться. Я уложу тебя в комнате для гостей. Смотри, ты истекаешь кровью, я перевяжу тебе раны.

— Да, — сказал Робин. — Прежняя рана открылась в пути.

Аббатиса собственноручно перевязала ему рану, уложила его в постель, но когда измученный гость заснул, она ослабила бинты, и Робин опять стал истекать кровью.

Так он пролежал целый день, а к вечеру очнулся, слабый, как дитя. Когда он увидел, что бинты на ране ослаблены, он все понял. Робин с трудом поднялся с постели и добрался до окна. Сил у него хватило только, чтобы распахнуть окно. Было ясно, что ему даже не перенести ногу через подоконник. Тогда он поднес ко рту свой рожок и слабо в него дунул. Силы совсем покидали его.

Маленький Джон услышал призыв. Он отличил бы звук этого рожка хоть из тысячи! Он кинулся к воротам, но дальше порога его не хотели пускать. Внутренние помещения монастыря были крепко заперты. Тогда он взял в руки молот и стал разбивать все замки и запоры.

И еще молившаяся перед образом Пречистой Девы монахиня услышала этот зов. Она кинулась на звук рожка и вбежала в гостевую комнату, куда вход монахиням был запрещен. Она увидела Робина, в изнеможении лежащего на постели. Мэриен бросилась к нему.

— О Робин, мой муж, мой любимый! — воскликнула она.

— Мэриен, — прошептал он. — А мне сказали, что тебя здесь нет! Я умираю, но какое счастье умереть, когда ты рядом...

В это время Маленький Джон ворвался в комнату.

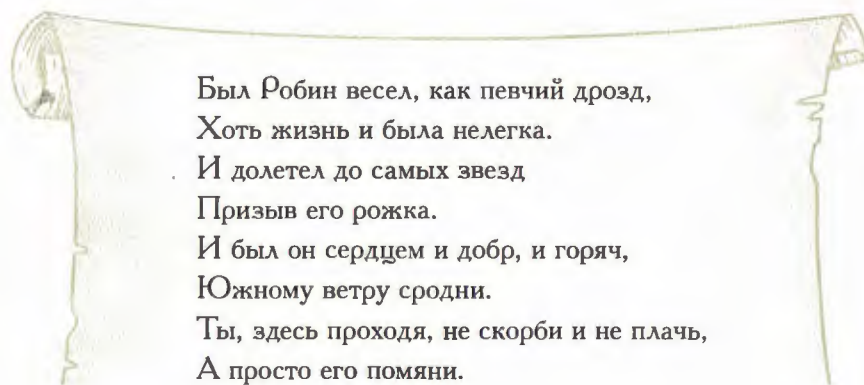
— Робин! — крикнул он, падая на колени перед постелью.

— Маленький Джон, мой верный друг, — сказал умирающий слабым голосом. — Выполни мою последнюю просьбу. Вложи мне в руки мой лук и помоги натянуть тетиву.

— Зачем, Робин? — не понял Маленький Джон.

— Куда упадет стрела, там и вырой мне могилу. И положи со мной мой лук. И посади молодой дубок из Шервудского леса...

И рос дубок на могиле славного Робин Гуда, и стал большим дубом. И до сих пор он стоит там и шелестит листвой:

Был Робин весел, как певчий дрозд,
Хоть жизнь и была нелегка.
И долетел до самых звезд
Призыв его рожка.
И был он сердцем и добр, и горяч,
Южному ветру сродни.
Ты, здесь проходя, не скорби и не плачь,
А просто его помяни.

Словарик

Аббат — настоятель католического мужского монастыря, подчиняющийся непосредственно папе римскому.

Бенедиктинец — католический монах, принадлежащий к ордену святого Бенедикта.

Беовульф — герой одноименного древнеанглийского эпоса, победивший страшное чудовище Гренделя и избавивший от него людей.

Виллан — полусвободный крестьянин в средневековой Англии.

Герольд — глашатай, распорядитель на торжествах, рыцарских турнирах.

Грамерси (гран мерси) — (искаж. фр.) «большое спасибо».

Епископ — один из католических высших духовных чинов.

Йомен — мелкий землевладелец или арендатор в средневековой Англии.

Каноник — священник католической церкви.

Келарь — монах, которому в монастыре поручено заведение складами, кладовыми и погребями.

Кёр де Лион — (фр.) Львиное Сердце.

Менестрель — средневековый странствующий музыкант.

Миля — английская миля, равная 1609 метрам.

Мухортый — о масти лошадей: гнедой с желтоватыми подпалинами.

Паломник — человек, идущий на богомолье.

«*Патер ностер*» — первые слова молитвы «Отче наш» по-латыни.

Пенни (пенс) — в Средние века в Англии — мелкая серебряная монета, 12 пенсов равнялись шиллингу, 16 пенсов составляли одну марку.

Плантагенет — династия английских королей XII—XIV вв., родоначальник которой носил на шлеме ветку дрока (по-латыни «планта гениста»), откуда и произошла фамилия Плантагенетов.

Пребенда — у католиков плата духовным лицам за совершение богослужения.

Приор — настоятель католического монастыря.

Сарацины — так в Средние века в Европе называли арабов.

Сюзерен — крупный феодал (барон, герцог) по отношению к зависимым от него вассалам.

Серф — крепостной крестьянин.

Сутана — облачение католических священников.

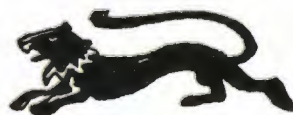
Тан — крупный землевладелец в средневековой Англии.

Фриар — монах.

Шериф — высшее административное и судебное должностное лицо графства в Англии.

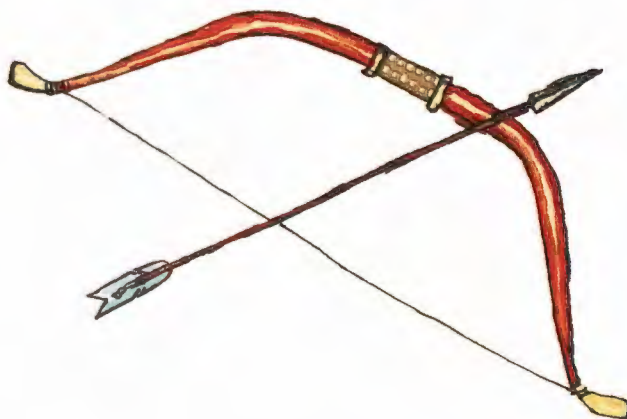
Эль — английское пиво.

Ярд — единица длины в английской системе мер, равная 91,4 см.

Оглавление

Часть 1. ИЗГНАННИК	3
Глава I. Как появился на свет мальчик Робин	5
Глава II. Как Роберт Фитцутс, граф Хантингдон, был изгнан и объявлен вне закона	15
Глава III. Как в Шервудском лесу появился Маленький Джон	38
Глава IV. Серебряная стрела с золотым наконечником	53
Глава V. Очень странный монах	71
Глава VI. Сэр Ричард Ли	81
Глава VII. Как Робин Гуд превратился в гончара	94
Глава VIII. Как Робин Гуд перехитрил аббата	108
Глава IX. Как прекрасная Мэриен оказалась в Шервудском лесу	127
Часть 2. ПОСЛЕДНЯЯ СТРЕЛА РОБИН ГУДА	137
Глава I. Как Святой Квентин вернул долг	139
Глава II. Как женился Алан-э-Дейл	155
Глава III. В темнице и на свободе	163
Глава IV. Приключения Рейнольда Гринлифа	183
Глава V. Как Робин Гуд нанялся в палачи и как погиб шериф Ноттингемский	200
Глава VI. Король Ричард Львиное Сердце	212
Глава VII. Смертельная схватка с Гаем Гисборном	224
Глава VIII. Последняя стрела Робин Гуда	238
Словарик	252

Токмакова, И. П.

Т51 Робин Гуд : повесть / Ирина Токмакова ; худож. Михаил Петров. – М. : ЭНАС-КНИГА, 2020. – 256 с. : ил.

ISBN 978-5-91921-856-2

В густом и таинственном Шервудском лесу дубы стоят стеной, а тисы достают верхушками до небес. И есть у леса настоящий король – первоклассный стрелок, покровитель всех униженных и оскорбленных, изгнанник Робин Гуд! Во всем помогают ему верные друзья – Маленький Джон и отец Тук, и возлюбленная – прекрасная Мэриен. Вместе они объявили войну всем вора и предателям, всем творящим зло на их родной земле.

Романтическая повесть, написанная Ириной Токмаковой по мотивам английских легенд и баллад, предназначена для детей среднего школьного возраста.

**УДК 82-3
ББК 84-44**

Литературно-художественное издание

Токмакова Ирина Петровна

РОБИН ГУД

Повесть

Ведущий редактор *М. А. Тодорова*
Художественный редактор *Е. М. Володькина*
Технический редактор *Н. А. Кромплас*
Компьютерная верстка и дизайн *Е. А. Елисеевой*
Корректоры: *Е. В. Логунова, М. В. Серебрянцева*

Подписано в печать 09.10.2019. Формат 60×90^{1/8}.
Гарнитура AcademyC. Бумага мелованная. Усл. печ. л. 32,0.
Тираж 2000 экз. Изд. № 1768. Заказ № ВЭК-05827-19.

АО «ЭНАС-КНИГА».
115114, Москва, Дербеневская наб., 11.
Тел. (495) 913-66-30. E-mail: sekr@enas.ru
<http://www.enas.ru>

facebook.com/enas.kniga
instagram.com/enas.kniga
vk.com/enas.kniga
ok.ru/enas.kniga

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «Дом печати - ВЯТКА».
610033, г. Киров, ул. Московская, 122.

ISBN 978-5-91921-856-2

9 785919 218562

РОБИН
ГУД

